

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ — 1984

5

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 5

СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ

БАКУ — 1984

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. З. ЗАКИЕВ,
С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,
М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)

Ответственный секретарь — Н. Г. НАДЖАФОВ

Адрес редакции: 370143, ГСП Баку-143, просп. Нариманова, 31. Академгородок.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Х. Г. НИГМАТОВ, К. М. АБДУЛЛАЕВ, В. И. БАНАРУ,
Н. М. МАХМУДОВ, Д. А. МУХАМЕДОВА, А. НУРМАНОВ

СТРУКТУРА ПРЕДЛОЖЕНИЯ И АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СИНТАКСИСА ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

(ТЕЗИСЫ ФОРМАЛЬНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

1. Определение предложения. Научный синтаксис тюркских языков стал предметом исследования и систематического изучения лишь после Октябрьской революции, ибо, «в старых работах имелись лишь фрагментарные очерки синтаксиса некоторых тюркских языков» [8, стр. 9]. Благодаря усилиям многочисленных исследователей синтаксиса, в основном из тюркоязычных республик [1, стр. 3—7], в настоящее время по всем основным тюркским языкам подготовлены и изданы большими тиражами школьные и вузовские учебники, а по ряду тюркских языков (азербайджанскому, узбекскому, казахскому, туркменскому, татарскому и др.) выпущены коллективные академические издания по синтаксису, что стало возможным, благодаря проводившимся серьезным исследованиям его частных проблем. Исследовательские основы синтаксиса конкретных тюркских языков, характеризуются определенной интернациональностью [1, стр. 7] и покоятся на фундаменте двучленности предложения и наличия предикативной связи между подлежащим и сказуемым. Критерий обязательной двучленности предложения, в свою очередь, возник на логической основе двучленности суждения — связи между субъектом и предикатом. Как известно, в западноевропейских языках, и прежде всего в немецком, на материале которого разрабатывались основные классические понятия лингвистики, двусоставные предложения главенствуют, а односоставные — имеют весьма ограниченное распространение [2, стр. 47—50]¹. Ср. русск. *дождит*, нем. *Es regnet*. В этих языках предложения с опущенным подлежащим, выраженным личными местоимениями, которые были свойственны даже латинскому языку [17, стр. 263], за небольшими исключениями отсутствуют. Западноевропейская обязательная двучленность (двусоставность) предложения, будучи примененной к фактам русского языка, породила противоречия, которые были устранены после введения А. А. Шахматовым понятия односоставного предложения. Именно на основе ведущего принципа двусоставности и факультативной возможности односоставности предложения, сформировавшихся в русском языкознании, были достигнуты значительные успехи в разработке основных вопросов синтаксического строя конкретных тюркских языков. Наряду с этим упомянутые выше исходные позиции породили и ряд противоречий, устранение которых оказалось невозможным. К примеру, в узбекском языкознании без-

¹ Ср.: «...основными структурными чертами немецкого элементарного предложения являются двусоставность, номинативность и глагольность» [2, стр. 45].

личные предложения типа *тоққа чиқилади* 'поднимаются (можно подниматься) в гору' и определенно-личные *кеча келдим* '(я) вчера пришел' оцениваются одинаково, как односоставные, и, наоборот, явления грамматически идентичные, в зависимости от лексического наполнения, могут быть классифицированы различно. Например, узб. *Раҳим келди, лекин Қарим гапирмади* 'Рахим пришел, но Карим ничего не сказал' рассматривается как сложное, а *Раҳим келди, лекин гапирмади* 'Рахим пришел, но (он) ничего не сказал' — как простое с однородными сказуемыми. Хотя грамматических различий в этих предложениях нет, и отличаются они лишь имплицитностью и эксплицитностью подлежащих, то есть лексическим наполнением. Поэтому А. Н. Кононов справедливо отмечает, что тюркологи до сих пор не располагают сколько-нибудь приемлемым, общепринятым определением сложного предложения [10, стр. 13]. Такое определение может быть выработано лишь после того, как будет сформулировано непротиворечивое определение простого предложения на языковом уровне, ибо ныне существующие определения предложения устанавливают его статус как единицы речи — как наименьшую коммуникативную единицу, характеризующуюся интонационной целостностью², что уже само по себе исключает возможность связи между простым и сложным предложением.

Формирование функционально-диалектического подхода к исследованию грамматического строя тюркских языков с субстанциональным пониманием морфологических единиц, когда последняя представляется как носительница всех своих качеств, свойств и отношений, развертывающихся в синтаксисе [7, стр. 19—22], позволяет перекинуть мост между субстанциональной морфологией и функциональным синтаксисом, минуя предикативную связь, требующую минимум двух членов. Таким образом, становится возможным непротиворечивое, однозначное определение простого предложения через морфологическую форму — категорию сказуемости. Такая постановка вопроса диктуется следующей особенностью предложений в тюркских языках. Общеизвестно, что конечная форма — форма сказуемого в тюркских языках всегда содержит в себе указание на лицо (очень часто и на число) носителя признака, что делает подлежащее, особенно в тех случаях, когда оно выражено личными местоимениями, факультативным, уточняющим [ср.: 6, стр. 14—15], а в разговорной речи почти избыточным, так как конечная (сказуемая) форма узб. *келди* сама по себе указывает на носителя признака как на третье лицо единственного числа, а эксплицитное подлежащее лишь только лексически (семантически), а не грамматически уточняет это обобщенно-грамматическое третье лицо единственного числа — *Раҳим келди* 'пришел (он, то есть) Рахим'. Подлежащее становится более или менее необходимым элементом только в пассивных оборотах, трансформированных из действительных — узб. *уй қурилди* 'дом построен'. Преимущественная имплицитность агентивного дополнения в пассивных оборотах еще раз доказывает факультативность эксплицитного выражения подлежащего-субъекта в действительных оборотах. Поскольку формирование предложения не определяется наличием или отсутствием подлежащего, то на уровне языка может быть сформулировано следующее определение: предложением можно называть словоформу в категориях сказуемости и ее распространители.

² Ср. обобщающее определение, данное В. В. Виноградовым: «Предложение — это грамматически оформленная по законам данного языка целостная единица речи» [4, стр. 389].

Данное определение является конкретным, однозначным, однопризнаковым, основывающимся на развертывании в синтаксисе функции определенной морфологической единицы — форм категории сказуемости. Вполне сознательно в определение не включены прочие признаки (интонационная целостность, завершенность мысли и т. д. [3, стр. 5]) и аспекты предложения, иначе, во-первых, станет невозможным осуществление связи между простым и сложным предложениями, во-вторых, нарушится элементарное и важнейшее положение формальной логики, заключающееся в том, что при каком-либо вычленении (классификации, определении) одновременное использование двух признаков (оснований) недопустимо [9, стр. 234]. Приведенное определение устанавливает (констатирует) статус предложения на уровне языка как любого знаменательного слова в соответствующих формах с семантической функцией (усл. W) в сочетании с какой-либо формой категории сказуемости (усл. Pm); и модель минимального предложения на уровне языка может быть представлена как WPm.

II. Категория сказуемости [3] представляет собой синтезирование значений отрицания/утверждения [16] (усл. Neg.), модальности/наклонения (усл. Mod.), времени (усл. Temp.), лица/числа (усл. Pers.). Каждое из этих названных значений и форм имеет свою ядерную категорию и может функционировать самостоятельно [15, стр. 45] вне категории сказуемости. Ср.: самостоятельное функционирование отрицания/утверждения [16], относительного временного значения у причастий и деепричастий, темпоральности — у имен прилагательных и наречий, форм принадлежности — у имен и причастий, модальных значений — у модальных слов и частиц и т. д. Например, узб. *Олмоқчи эканлигимни билиб қимматроқ сотмоқчисан* 'Ты, зная, что я хочу купить, хочешь продать подороже'. В словосочетании *олмоқчи эканлигим* как будто бы присутствуют все компоненты сказуемости. Однако это далеко не так: *-моқчи* в составе *ол-* и *сот-* имеет совершенно различные парадигматические связи. Сравните два ряда:

Причастия:

олмоқчи
оладиган
олган
олар

Временные формы:

сотмоқчи
сотмоқда
сотяпти
сотади

Первый ряд состоит из парадигм причастий, а второй — из форм настоящего и будущего времен изъявительного наклонения. Несмотря на свою генетическую общность, *-моқчи* в составе *ол-* и *сот-* выступает как омоаффикс с различными парадигматическими отношениями. Эти сочетания должны быть расценены как омоаффиксы, если, исходя из основных положений системной лингвистики, признать, что сущность языкового элемента определяется не его внешней, материальной стороной, а внутриязыковыми парадигматическими и синтагматическими связями и отношениями языковых элементов.

Не является временным показателем и афф. *-кан* в составе *экан*, который в данном случае выступает как средство, преобразующее предложения в оборот [5]. Аналогичные существенные различия имеются и между аффиксом принадлежности *-им* и показателями лица/числа (в частности, *-сан* в данном контексте). Кроме того, в *олмоқчи эканлигим*, хотя им и выражается определенное модальное значение желательности,

отсутствует парадигма наклонения — выражение характера отношения высказывания к объективной действительности.

Значения наклонения/модальности/времени, лица/числа синтезировано присутствуют только в словоформе *сотмоқчи*, которая и выступает как вершина предложения, конструирующая его. В сущности аналогичное явление наблюдается в узб. *келганимда кетган экан* 'когда я пришел, он, оказывается, уже ушел', где *WRm* является только одно *кетган экан*, хотя в этом предложении выступают две пропозиции (*мен келганимда* и *у кетган экан*). Противостояние в грамматике двух логических пропозиций одному предложению — явление довольно частое в соотношении логики и грамматики [13]. Аналогичное явление отмечается и в тур. *Onun gönderdiği mektup varmadı*. 'Письмо, отправленное им, не дошло'.

Таким образом, формы сказуемости образуются синтезированием форм и значений отрицания/утверждения, модальности/наклонения/времени и лица/числа, то есть: $Pm = Neg. + Mod. + Temp. + Pers.$

III. Способы оформления сказуемости имеют ряд внешних особенностей. Схематично и очень кратко можно указать на некоторые из них.

1. Сказуемость оформляется **слитно**, синтезировано, одним материально выраженным показателем узб. *ёз-ай* 'напишу-ка я', *келсин* 'пусть он придет'; *ўқитувчиман* 'я учитель'.

2. Каждый из компонентов значений сказуемости оформляется **раздельно**, с помощью особых аффиксов *ёз-ма-са-(й) ди-нг-из*, где *-ма* — Neg., *-са* — Mod., *-ди* — Temp., *-нг* — Pers., *-из* — число. Словоформа *ёзмасайдингиз*, состоящая из одной корневой и пяти формообразующих морфем, как форма конечного сказуемого в функциональном отношении делится на две части — корневую морфему (лексическая основа *ёз-*) и показатели сказуемости *-масайдингиз* (срав. деление: *ёз-ай*).

3. Отдельные формы сказуемости могут иметь нулевое оформление, которое распознается на фоне маркированности других форм данной парадигмы. Ср. узб.:

<i>ёз-ай</i>	'напишу-ка я'	<i>ўқитувчи-ман</i> 'я учитель'
<i>ёз+о</i>	'пиши'	<i>ўқитувчи-сан</i> 'ты учитель'
<i>ёз-син</i>	'пусть он пишет'	<i>ўқитувчи-дир</i> 'он учитель'

4. Значения категории сказуемости могут быть оформлены аналитически. При этом следует различать два способа: широко распространенный — при составных (сложных, аналитических и т. д.) сказуемых, и диалектальный — при неспрягаемых формах глагола.

Первый способ очень распространен в тюркских языках и показатели сказуемости, как правило, концентрируются при вспомогательном элементе: *ўқитувчи эдинг* 'ты был учителем'; *кўрган бўлардинг* 'ты увидел бы'; *одам бўл-са* 'если он человек'.

Второй способ в принципе не свойствен тюркским языкам и встречается sporadически с древнейших времен до настоящего времени как диалектальное явление или как диалектальный дублет спрягаемой формы. Ср. диалектальные данные у Махмуда Кашгари [12, стр. 64—65].

<i>мэн</i>	} <i>јај қурдуқ</i> 'я (ты), он (мы) натянул (и) лук'
<i>сэн</i>	
<i>ул</i>	
<i>биз</i>	

В подобных случаях сказуемость оформляется обязательно двучленной конструкцией, наподобие фр. *Je aime* (*зэ́м*) 'я люблю' и, при

отсутствии какого-либо из членов, сказуемость распадается. Выражение предикации обязательной конструкцией «подлежащее+сказуемое» (SP) не имеет большого распространения и выступает всегда как диалектальное явление; оно не играет ведущей роли в определении структуры тюркского предложения³.

Деление формальных способов выражения предикативности на слитный, раздельный, аналитический, нулевой и т. д. является, во-первых, поверхностным, неисчерпывающим, а, во-вторых, условным, так как очень часто язык использует эти способы смешанно, что может быть предметом особого изучения.

Обобщив приведенное выше о категории сказуемости, можно заключить, что она представляет собой морфологическую категорию, синтезирующую в себе отрицание/утверждение, модальность/наклонение/время, лицо/число. Синтезирование этих четырех относительно самостоятельных категорий в одной словоформе дает качественно новую словоизменительную категорию, синтаксической функцией которой является конструирование предложения в тюркских языках.

IV. Однородные сказуемые всегда были камнем преткновения в решении ряда вопросов синтаксиса. Это связано с тем, что так называемые однородные сказуемые не всегда подчиняются тем общим закономерностям, которые свойственны однородным членам предложения (общность или единство формы, соединительная интонация, принадлежность к одной части речи и т. д. [14]). Определение предложения на языковом уровне как WP_m позволяет коренным образом пересмотреть вопрос о природе однородных сказуемых. Поскольку каждая WP_m является предложением независимо от лексического наполнения данной модели, постольку однородность сказуемых наблюдается только там, где имеются два или более знаменательных слова (W), оформленных едиными показателями сказуемости (P_m), то есть однородность отмечается в моделях типа $(W+W)P_m$. Ср.: узб. *буларни кўрган ва бу ҳақда билган бўлардим* 'я бы видел их, знал бы об этих (событиях)'; *мен ота ва педагогман* 'я отец и педагог'. Модели этих сказуемых можно представить как $(кўрган+билган)+бўлардим$; $(ота+педагог)+ман$. Если же показателем сказуемости выступает каждое из знаменательных слов, то вместо $(W+W)P_m$ получается (WP_m+WP_m) — то есть здесь следует говорить уже не об однородных сказуемых, а о чем-то большем, ибо имеется модель двух предложений, связанных друг с другом. Ср.: узб. *мен отаман ва педагогман* 'я отец и педагог'. Между моделями однородных сказуемых $P_m(W+W)$ и сложных образований (WP_m+WP_m) существует тонкое стилистическое различие: вторая модель имеет оттенки выделительности, подчеркивания. Качественное отличие однородных сказуемых от других однородных членов предложения [которые могут иметь структуру как $(W+W)$ + грамматические показатели, так и W + грам. показ. + W + грам. показ.] мотивируется качественным отличием сказуемого — вершины предложения, от других членов предложения — его распространителей.

V. Сложное предложение при модели WP_m определяется предельно просто и непротиворечиво как сочетание двух или более WP_m . Другими словами, в этом случае достигается непротиворечивое определение сложного предложения через простое. Таким образом, сложными

³ Данная модель является основной для выражения субъекта (производителя действия) вне сказуемости — в причастных и деепричастных оборотах. Ср. узб. *Сиз курган бини* 'Здание, которое вы построили'; *У келганда* 'Когда он пришел'.

предложениями являются: узб. *У келса, кетаман* 'Если он придет, то я пойду'; азерб. *Китабы охујум дејә алдым* 'Я взял книгу, чтобы читать'; тур. *Okudu ve yozdi* '(Он) читал и писал'. Однако безоговорочно выпадают из ряда сложных предложений полипропозиционные образования типа:

У кел $\left\{ \begin{array}{l} \text{гандан кейин} \\ \text{гач,} \\ \text{ганда,} \\ \text{иб,} \\ \text{ар-келмас} \\ \text{и т. д.} \end{array} \right\}$ *мен кетаман* 'Когда он придет, я уйду'

Хотя вопрос о структурных типах сложных предложений будет объектом специального исследования одного из авторов этих тезисов, заметим, что в качестве компонентов сложного предложения могут выступать различные по их заполненности типы простых предложений.

VI. **Распространители сказуемого** (заполнение простого предложения) зависят: от лексической валентности знаменательного слова, занимающего позицию сказуемого, от особенностей его формы, от речевой потребности, от контекста и речевой ситуации. В зависимости от обязательности или факультативности тех или иных распространителей сказуемого, для полного раскрытия его лексического значения эти распространители можно подразделять на две группы: а) актанты (усл. А), б) детерминанты (усл. D).

В качестве актантов предстают те члены лексической валентности, которые необходимы для достаточно полного раскрытия семантики слова, выступающего в позиции сказуемого. К таковым можно отнести подлежащее (если оно допустимо), прямое дополнение при переходных глаголах, косвенное сильноуправляемое дополнение при ряде глаголов и имен (узб. *нимадан қўрқ* 'бояться чего'; *нимага бой/молик* 'богат, обладает чем'), обстоятельственные дополнения [11, § 122] при глаголах движения и др. В качестве детерминантов выступают разного рода объектные, обстоятельственные и атрибутивные распространители предложения, присутствие которых не требуется как обязательного элемента валентностных связей слова (разного рода обстоятельства, орудийный, адресатный, источниковый объекты, определения, детерминирующие члены предложения и пр.).

VII. В зависимости от заполненности актантами и детерминантами, **простое предложение в речи** может быть различных структурных типов. Схематически перечислим некоторые из них, не претендуя при этом ни на их исчерпанность, ни на терминологическую упорядоченность, ни на другие положения, связанные с данным вопросом.

В зависимости от заполненности актантами и детерминантами можно выделить следующие речевые структурные типы простого предложения:

- 1) неполные — модель WPr: *келдим* 'я пришел';
- 2) полные — модель S—WPr: *ўқитувчи келди* 'учитель пришел';

3) распространенные — модель $\begin{array}{c} \text{S—WPr} \\ \downarrow \\ \text{A}_0 \end{array}$: *Мен ишдан уйга келдим*
'С работы я пришел домой';

- 4) развернутые — модель $\begin{array}{c} D \\ | \\ S-WPm \\ | \\ A_0 \end{array}$: *Кеча мен ишдан укам билан*

уйга келдим 'Вчера я с работы вернулся домой вместе со своим младшим братом';

5) осложненные, когда один из актантов или детерминантов выражается причастным или деепричастным оборотами;

6) диалогические усеченные — *Йўқ* 'Нет' (ответ на вопрос: *борасанми?* 'ты пойдешь?'). *Акам* 'Мой старший брат' (ответ на вопрос: «кто пришел?») и т. д.

VIII. В данных тезисах предпринята попытка наметить основные вехи одного из возможных путей создания нового синтаксиса предложения в тюркских языках на основании критериев, диктуемых внутренней системой самих тюркских языков, и новейших достижений субстанциональной морфологии, системной лексикологии и теории о рангах членов предложения. Каждый из схематически поднятых в этих тезисах пунктов нуждается во всестороннем детальном научном анализе, уточнении и дополнении, что является задачей будущего. Авторы сознательно ограничились вопросами структуры предложений номинативного строя. Проблемы трансформации предложений номинативного строя в обороты и в притяжательные конструкции, явлений, переходных между посесивностью и номинативностью (узб. *қилишим керак* 'я должен сделать'), а также синтаксиса словосочетаний на основании формально-функционального подхода будут объектом дальнейших поисков и исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. К. М. Абдуллаев. Теоретические проблемы синтаксиса азербайджанского языка. Автореф. докт. дисс., Баку, 1984.
2. В. Г. Адмони. Синтаксис современного немецкого языка. Л., 1973.
3. В. И. Банагу. Очерк по теории предикативности. Кишинев, 1973.
4. В. В. Виноградов. Основные вопросы синтаксиса предложения. — В сб. «Вопросы грамматического строя». М., 1955.
5. Н. З. Гаджиева. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973.
6. С. Н. Иванов. О сохранении в строе языка следов его прежних состояний. — «Советская тюркология», 1973, № 6.
7. С. Н. Иванов. Родословное древо тюрков Абу-л-Гази-Хана. Ташкент, 1969.
8. «Итоги, проблемы и задачи тюркского языкознания». — «Советская тюркология», 1982, № 6.
9. Г. Клаус. Введение в формальную логику. М., 1959.
10. А. Н. Кононов. Тюркская филология (1917—1967). М., 1968.
11. А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956.
12. Махмуд Кошғарий. Девону лугот-ит-турк. Том II, Ташкент, 1961.
13. Н. М. Махмудов. Семантико-синтаксическая асимметрия в простом предложении узбекского языка. Автореф. докт. дисс., Ташкент, 1984.
14. Д. А. Мухамедова. Структурные особенности однородных синтаксических единиц в современном узбекском литературном языке. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1977.
15. Х. Г. Нигматов. О характере значения тюркских грамматических форм и категорий. — «Советская тюркология», 1980, № 6.
16. А. Нурманов. Сигнификативная оппозиция синтаксических конструкций по признаку «утвердительность/отрицательность». Автореф. докт. дисс., Ташкент, 1983.
17. А. Н. Попов, П. М. Шендяпин. Латинский язык. М., 1958.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Д. С. СЕТАРОВ

ТЮРКИЗМЫ В РУССКИХ НАЗВАНИЯХ РЫБ

Лексика русского языка в процессе исторического развития постоянно обогащалась иноязычными словами. Много заимствований отмечается и в названиях рыб: в четырехтомном академическом словаре русского языка из 95 наименований рыб исконными являются лишь 46, а 49 — заимствованы из других языков. В русских народных говорах таких слов еще больше. Это объясняется тем, что «являясь на новые места, русские колонисты знакомились в порядке осуществления рыбного промысла с новыми видами рыб и, не имея в своем распоряжении особых для них названий, заимствовали эти названия у местного населения, с которым вступали в связь по линии рыбного промысла» [29, стр. 5].

Большое количество названий рыб было заимствовано из угро-финских, самодийских, палеоазиатских, тюркских и других языков (например, угро-финскими являются названия *камбала*, *килька*, *навага*, *палтус*, *салака*, *семга*, *хариус* и др.). Немало в русском языке названий рыб греческого происхождения: *кефаль*, *пелагида*, *скуприя*, *ставрида* и др. Последнее обусловлено следующим обстоятельством. На Северном Причерноморье греческие колонии появились еще в VI веке н. э. Местные племена, контактировавшие с греками, заимствовали у них наряду с некоторыми другими и многие греческие названия рыб. Когда на этих территориях появились славянские племена, эти названия вошли и в их язык. Причем некоторые греческие названия были заимствованы русским языком через посредство тюркских языков. Как известно, восточные славяне в течение долгого времени непосредственных контактов с греками Византии и Северного Причерноморья не имели. Между ними пролегла территория, на которой жили и кочевали различные тюркские племена.

Настоящая статья посвящена тюркизмам в широком понимании, то есть не только «собственно тюркизмам», но и названиям, вошедшим в русский язык через тюркское посредство. Именно такое толкование тюркизмов можно встретить у Н. К. Дмитриева: «Во всех тюркских языках есть большой процент арабских, персидских, а иногда и монгольских лексических элементов... Все эти моменты строго различаются в тюркологических работах. Однако при исследовании Turco-Slavica подобная классификация признается излишней, так как все тюркизмы русского словаря, какова бы ни была их предыдущая история, попали в русский язык ближайшим образом из тюркских языков» [10, стр. 515]. Тем не менее тематический обзор интересующей нас лексики закономерно начать с собственно тюркизмов.

Бакла, бакля, баклешка — обл. «маленькая рыба, которая ходит руном по р. Белой, Уфе и притокам их... (влад.) бакля, вероятно, одно и то же» [8, I, стр. 40]; *баклейка, бакля*, обл. (уфим., яросл., р. Белая, влад.) «рыба уклейка»; *башклейка*, обл. (казан., нижегор.) «рыба, уклейка, то же, вероятно, и башлейка (влад.), мелкая, водящаяся в верховьях рек, рыба» [20, II, стр. 59, 61, 62, 164].

Наличие большого количества фонетических вариантов одного и того же слова-названия обычно указывает на неисконность такого слова, поэтому источник заимствования следует искать, учитывая географию его распространения. «По Горяеву (ЭС, 9), заимств. из тюрк. *bakla* — то же» [24, I, стр. 110] В. В. Усачева предполагает связь между названиями бакла, бакля и башклейка и возводит эти названия к татарскому *bašklej* [22, стр. 81]. Ареал самой рыбы и структура ее названий говорят в пользу тюркской этимологии названия. Ср. тур., крым.-тат. *bakla balyu* «какая-то рыба» [18, IV, стр. 1444]. Однако выявление внутренней структуры названия рыбы, установление связи между различными его вариантами нуждаются в дополнительных фактах и аргументациях.

Балык — «просоленная и провяленная на ветру спинная часть крупной красной рыбы» [21, I, стр. 261]; обл. (крым.) «крупная кефаль» [8, I, стр. 44]. В тюркских языках слово *balyq* означает «рыба». Изменение семантики этого слова на русской почве объясняется тем, что оно проникло в русский язык вместе с обозначаемым им продуктом из языка крымских татар. А рыбу из Крымского ханства в XV—XVI веках в Московское государство привозили во избежание порчи просоленной и провяленной.

Этимологизация названия рыбы в тюркских языках вызывает затруднения. Академик Л. С. Берг тюрк. *balyq* возводил к *balçyq* «ил, грязь» [3, стр. 62—73]. В этимологическом словаре Э. В. Севортяна отмечается, что «к этимологии *balyq* ближе других подошел, как представляется, С. П. Толстов. Он указывал на *bal/baq* как обозначение водоема, в первую очередь нетекучего, болотистого, восходящее к III—II тысячелетию до нашей эры (см.: С. П. Толстов. Города гузов. — СЭ, 1947, № 3, стр. 71—75)» [27, стр. 60]. По мнению Н. А. Баскакова, эта этимология, а также предположение Э. В. Севортяна, возводящего это слово к глагольной основе *bal-~baal-*, вычленяемой из якутск. *balquj-* «болтать, взбалтывать, плескать» и кирг. *balčylda* «хлюпать, сильно намочнуть» + *-aq* — аффикс отглагольного имени >*baalyq~baalaq* «рыба», и считающего его отглагольным существительным, не являются убедительными. Н. А. Баскаков возводит тюрк. *balyq* к персид. *bal* «крыло птицы, плавник рыбы» (Будагов, I, 235) + *-lyu~lyu* — аффикс обладания >*ballyu* > *bal-(l)uq* «рыба», букв. «имеющая плавники, обладающая плавниками» [2, стр. 16—17].

Как заимствование из турецкого языка слово *балык* и его производные встречаются в некоторых других славянских и балканских языках: болг. *balugdžija* «рыбак», серб. *baluk* «рыба», *balugdžija* «рыбак», *baluk-ot* «рыбья трава», польск. *chodźic na balyku* «ходить на четвереньках», рум. *balikdiš* «рыбья кость» — *diš* «зуб» [27, стр. 60]. В качестве названия рыбного деликатеса из русского языка слово проникло во многие западно-европейские языки: польск. *balyk*, чеш. *balyk*, болг. *балѣк*, нем. *Balyk*, фр. *balyk* и т. д.

Бирюк, бирючок — обл. (орл., тамб., ворон., донск., днепр.) «вид рыбы ерша» [8, I, стр. 88; 20, II, стр. 294; 6, стр. 31]. Название рыбы, по-видимому, возникло в самих русских говорах на базе усвоенного тюркизма *бирюк* «волк», «одинокий нелюдимый-человек». По предположе-

нию Е. Н. Шиповой, название рыбы связано с тюрк. *бирюк* 'щетинистый, взъерошенный' [26, стр. 81].

Кайкан — «морской судак» [8, II, стр. 75]. В Словаре М. Фасмера слово отсутствует. Е. Н. Шипова название относит к тюркизмам: «Ср. Радлов *kaikai* (каз., кирг. от *kaik*) 'держаться прямо, стоять прямо, ходить прямо' (II, 59)» [26, стр. 152]. Ср. еще крым.-тат., гаг. *qaiqala-taq* 'качаться', *qalqmaq* 'всплывать', 'качаться'.

Калкан — «рыба семейства калкановых отряда камбалообразных» [4, XI, стр. 218]; черноморская камбала, калкан — «распространен в Черном море, Керченском проливе» [14, стр. 396]. Естественно, источник названия следует искать в тюркских языках: крым.-тат., тур., караим., кумык., каз., кирг. *qalqan* 'щит', тур. *qalqan balığı* 'камбала'.

В названии рыбы нашла отражение ее плоская, круглая форма, напоминающая щит. Этот же признак в основе персидского названия камбалы *sōgrāmāhi* < *sofrā* 'стол' + *māhi* 'рыба'. Ср. русск. обл. (тер.) *калкан* 'жировой нарост на затылке у животного', др.-польск. *kałkan* 'щит с умбоном'.

Камса — то же, что *хамса* «небольшая морская рыба, родственная сельди, анчоус» [21, V, стр. 737; XVII, стр. 25]; *хамса* — обл. (крым.) «местный анчоус» [8, IV, стр. 542]. «Того же происхождения, что и н.-гр. *chapsi* — то же, объясняемое из тур. *hamsy*, *hapsy* — то же (Радлов, II, 1693, 1699)» [24, II, стр. 175]. В русский язык название вошло в XX веке из крымско-татарского, в котором *hamsa*, *hamsi* является названием этой же рыбы.

Карангич, *курланчук* — обл. (черноморск.) «рыба курланчук, морской петух; она полуволетная, мечется швырком из воды» [8, II, стр. 90, 222]. «Из тур. *kyrlançuç balıyū* 'летучая рыба' (Радлов, II, 754)» [24, II, стр. 192, 222]. Ср. тур. *kyrlançuç* 'ласточка', 'легкое быстроходное судно'.

Карасырт — обл. (черноморск.) «мелкая кефаль» [8, II, стр. 90]. В Словаре М. Фасмера слово отсутствует. Название имеет ясную тюркскую этимологию: *qaga* 'черный' и *syrt* 'спина', 'задняя часть'. Ср. тур. *balık syrtı* 'спина рыбы', 'выпуклый' [18, II, стр. 646]. Название рыбы буквально означает «черноспинка».

Карыш — обл. (сиб.) «мелкая стерлядь» [8, II, стр. 95]; (урал.) «мелкая стерлядь», (псков.) «карась» [6, стр. 35]. Этимологическими словарями слово не рассматривается. По нашему мнению, связь с тюрк. *qayuş* 'пядь' очевидна [11, стр. 428]. Рыба могла получить это название по своей величине.

Кутема, *кутерма* — название рыбы [8, II, стр. 227]; *кутема* — обл. (новг., Тат. ССР) «елец» (оренб., уфим.) и *кутёма* (урал.) «хариус» [20, XVI, стр. 167]. Объяснение названия рыбы имеется у С. Т. Аксакова: «Хотя имя ее (кутема) звучит по-русски, но это слово, как я слышал, чувашское и значит: светлая, блестящая»¹. В. Даль название рыбы дает в одном словообразовательном гнезде с заимствованием из татарского языка *кутерма* 'суета, сумятица, хлопоты, суматоха; беспорядок, бестолочь; крик, брань, ссора' [8, II, стр. 227]. Ср. тат. *kütätmä* 'подъем, каблук, крыльцо' [18, II, стр. 1278, 1483]. Следует признать, что приведенные этимологии не являются убедительными, и название рыбы ждет новых исследований.

Осман — «пресноводная рыба семейства карповых, обитает в горных водоемах Средней и Центральной Азии» [4, XVIII, стр. 563].

¹ С. Т. Аксаков. Записки об ужении рыбы. — «Собрание сочинений», т. 4, М., 1956, стр. 131.

«Мои спутниками пойманы в реке щука и осман»². В словарях В. Даля и М. Фасмера слово отсутствует. Тюркское происхождение названия рыбы не вызывает сомнения. Ср. алт. *osmon*, *osron* 'какая-то рыба на Чусе' [18, стр. 1143].

Сазан — «рыба семейства карповых». В словарях современного русского языка слово *сазан* дается без всяких ограничительных и стилистических помет как основное наименование рыбы. В Словаре В. Даля оно имеет при себе помету: (вост.) «рыба короп, карп» [8, IV, стр. 129]. С этой же ограничительной пометой слово рассматривается и в Словаре А. Преображенского. Небезынтересно, что слово *сазан*, еще А. В. Миртовым включенное в «Донской словарь» (1929 г.) как диалектное, стало основным, терминологическим обозначением рыбы. О степени освоения русским языком тюркизма *сазан* красноречиво говорят слова советского писателя В. Бокова: «Очень люблю слово *сазан*. Оно звенит как натянутая тетива. Выудить *сазана* не так-то просто. Он рвет самые прочные лески и ломает удочки. Названия ходовых рыб, продающихся сейчас в магазинах, — хек, макрурус, бильдюга, нототения — так мало говорят уму и сердцу»³.

Большой знаток рыб и их названий С. Т. Аксаков писал: «Производства его (*сазана*) имени сделать не умею; уж полно, русское ли оно?»⁴ И. И. Огненко относил *сазан* к заимствованиям от татар [16, стр. 34]. «Из тур., каз. *sazan* — то же, откуда и калм. *sazān* — то же» [24, II, стр. 545]. Ср. также тат., кирг., узб., чув. *sazan* — 'сазан, карп'. В Словаре В. Радлова тур., каз. *sazan*, чаг. *sazar*, *sazar balygy* — то же [18, IV, стр. 397—399]. Название рыбы образовано от слова *saz* 'ил, болото' при помощи уменьшительно-ласкательного суффикса — *-an* (кыпч. *saz* 'болото, трясина, грязь', тат., ног., каз., крым.-тат. *saz* 'болото', башк. *haz* 'болото', *hazan* 'сазан'). Второй компонент названия рыбы некоторые специалисты связывают с тюрк. *ap* 'животное', что, по нашему мнению, менее вероятно.

Севрюга — «ценная промысловая рыба семейства осетровых» [21, XIII, стр. 558]; *севрюга*, *шеврыга* — «красная (хрящевая) рыба, похожая на осетра, долгорылая; южн. пестрюга, *шеврига* — обл. (астр.) 'рыба севрюга'» [8, IV, стр. 169, 626]. И. И. Срезневский первое упоминание слова в памятниках русской письменности датирует 1585 годом [19, III, стр. 422]. Однако О. Н. Трубачев в примечании к Словарю М. Фасмера отмечает, что «форму *севрига* упоминает уже Герберштейн, 1526 г.» [24, III, стр. 589].

И. И. Огненко [16, стр. 46] и А. Преображенский [17, II, стр. 268] считали название *севрюга* заимствованием из финского языка и связывали его со словом *särki* «плотва». Эта этимология стала традиционной и повторяется во многих научных и учебных изданиях⁵. Против финской этимологии возражал Н. К. Дмитриев, так как этому «противоречит хотя бы место ударения», и приводил тат. *sevrük balyu* 'рыба севрюга', туркм. *süirik* [9, стр. 42]. «Из тат. *söirök*, тар. *sürük* — то же из **söwrük* 'острый'» [24, III, стр. 589]. Ср. др.-тюрк. *süvge* 'острый', алт. *sügü* 'острый, остроконечный', кирг. *süjrü* 'продолговатый, конусообразный', туркм. *süjri* 'продолговатый', *süjruklik* 'продолговатость'. В Словаре

² Г. Н. Потанин. Путешествие по Монголии. М., 1948, стр. 356.

³ В. Боков. Герой нашего дела. — «Русская речь», 1970, № 4, стр. 36.

⁴ С. Т. Аксаков. Записки об уженьи рыбы, стр. 100.

⁵ Е. М. Галкина-Федорук и др. Современный русский язык. М., 1958, стр. 48; Ф. К. Гужва. Современный русский литературный язык. Киев, 1973, стр. 57; «Современный русский язык», Минск, 1979, стр. 169.

В. Радлова находим название стерляди *söigök* (казан.), *süigü* (тоб.), *sü-gük* (тар.) [18, IV, стр. 593, 796, 797]. В современном ногайском языке *süjrik* является названием рыбы «усач». Тюркские названия всех этих рыб (севрюги, стерляди, усача) буквально означают «острая, продолговатая». Так они были названы по своей острой морде.

Тюркское *sevruk*, *sürük*, *süjrik* в русском языке могло измениться в *севрюга* под влиянием славянских названий рыбы: обл. (новорос.) *пестрю(и)га* «рыба шеврыга, севрюга» [8, III, стр. 104]; укр., польск. *pistguha*, болг., серб.-хорв. *паstrуга* «севрюга»; ср. молд., рум. *pastrugă*. Однако ср. также калм. *šowgäg* «стерлядь» от *šowyär* «острый» [24, IV, стр. 421].

Тюркское заимствование прочно вошло в лексическую систему русского языка и послужило основой для других слов: *севрюжий*, *севрюжина*, *севрюжка*, *севрюжник* «севрюжья кулебяка», «любитель рыбы севрюги». Проникло оно и в некоторые другие языки: венг. *söreg*, нем. *Sewguga*, Scherg «севрюга». «Севрюга принадлежит так к роду осетра. Сим именем она называется в Российском государстве, а немецкого звания не имеет», — читаем мы у С. Гмелина [7, стр. 212].

В Словаре В. Даля в одном словообразовательном гнезде дается название рыбы и другие значения этого слова: «*севрюга*, *севрюк* — обл. (кур., ворон.) «угрюмый, суровый человек, воркун, брюзгач, неприступный»: это такой севрюга, что слова доброго не молвит» [8, IV, стр. 169]. Однако это значение едва ли связано с названием рыбы. Этимологически перед нами разные слова: *севрук*, *севрюк*, *севрюга* в значении «угрюмый человек», должно быть, восходит к *северюк*, образованному от слова *север* [24, III, стр. 589].

Судак — «рыба семейства окуневых» [21, XIV, стр. 1147—1150]; судак или судок, обл. (дон., новорос.) сула — то же [8, IV, стр. 354]. В форме *судок* в памятниках русской письменности отмечается с 1460 г. [19, III, стр. 601—602].

Этимология названия рыбы вызывает разногласия. Одни считают его «заимствованием из германских языков (ср. ср.-в.-нем. *Sandat*, н.-нем. *Sander*), в которых оно толкуется как суффиксальное производное от *Sand* «песок». Рыба названа так потому, что любит песчаную почву» [13, стр. 431]. По М. Фасмеру, «нов.-в.-нем. *Zander* «судак» считается заимствованием из славянских... в то время как нов.-в.-нем. *Sandart*, *Sander*, ср. ниж.-нем. *sandat(e)*, *sandan* — то же... рассматривается как производное от нов.-в.-нем. *Sand* «песок»... поскольку эта рыба любит песчаное дно» [24, III, стр. 794—795].

Своих сторонников имеет и тюркская этимология слова. В. Радлов отмечал в чагатайском языке слово *sudaq* в значении «какая-то рыба, судак» [18, IV, стр. 778]; по Л. Будагову, *судак* «род рыбы в Яксарте (древнее название Сырдарья)» [5, I, стр. 642], откуда Х. Вамбери производил русское *судак*. Говоря о названии рыбы, Н. К. Дмитриев писал: «Возможно, есть какая-то связь с известнейшим тюркским словом *sü* «вода» [9, стр. 30]. (Ср. также тув. *sudak* «ручей, приток»). Н. К. Баскаков поддерживает тюркскую этимологию названия рыбы: «Судакова улица — по фамилии Судаков, происходящей от русского названия рыбы судак, восходящего в свою очередь к тюрк. *sudaq* «род рыбы в Яксарте (Амударье)» [1, стр. 26].

Сула — обл. (дон.) «рыба судак, судок» [8, IV, стр. 359]. Название рыбы встречается в романе М. Шолохова «Тихий Дон». «По мнению Берга (Рыбы, III, 1020; СЭ, 1948, № 2, 70), это слово заимствовано из тюркских; он приводит в качестве источника тат. *sula*, ккалп. *sula*, венг. *süllő* «судак» [24, III, стр. 7999]. Л. С. Берг полагал, что этот тюркизм

лежит в основе названий судака во многих европейских языках: в Австрии, у чешских и трансильванских немцев — Schiel, Schill, у чехов — šil (также candát), у венгров süllő, у карпатских украинцев шулю, у болгар в Бургасе сулка. Л. С. Берг считал, что во всех этих названиях рыбы корень тюркский: «Надо думать, что тюркское наименование судака сула занесено венграми в бассейн Дуная — к немцам, а от них к чехам» [3, стр. 70—71]. Название рыбы сула включено в «Словарь тюркизмов в русском языке» [26, стр. 290].

Султанка — «морская промысловая рыбка; барабулька» [21, XIV, стр. 1181]; «небольшая черноморская рыбка, барбуня, барабуля, поменьше сельди, ало-золотистая» [8, IV, стр. 359]. Название образовано с помощью суффикса -к(а) от тюркизма *султан* (тур. sultan < араб.). Вероятно, рыбка была так названа за красивую ало-золотистую расцветку и усики на нижней губе.

Сяврони́на, сярла́нина — обл. (казан.) «рыба железница» (<чув.)» [8, IV, стр. 383]. «Заимств. из чув. šavārlan 'бешеная рыба', sarlan 'вид сельди': šavār 'крутить, катить', тур. çävirmäk 'крутить, поворачивать'» [24, III, стр. 824].

Тарань — «рыба семейства карповых, разновидность плотвы» [21, XV, стр. 278]; «рыба, которую вялят; селява, густера; обл. (касп.) т а р а ш к а 'мелкая рыбка'; (южн.) т а р а н н и к 'лещ, который нерестится одновременно с таранью'» [8, IV, стр. 391]. «Вяленая вобла распространена по Поволжью, тарань — по Дону, Азовскому и Черноморскому побережьям»⁶. В дельте Волги таранью называют густеру и других малоценных карповых рыб.

«По мнению Соболевского (ИОРЯС, II, 346), заимств. с Востока... Ср. тавранчук» [24, IV, стр. 22]. Ср. тат. taṛaṇ, ккалп. taṛaṇ šabak 'тарань', каз. диал. туґап 'лещ'. Слово включено в «Словарь тюркизмов в русском языке» [26, стр. 309], хотя окончательная его этимология не выяснена.

Терпуг — «морская панцирная рыба, обитающая в Японском, Охотском, Беринговом морях и в Тихом океане» [21, XV, стр. 359]; обл. (сиб.) «рыба» [8, IV, стр. 401 на слово „терпкий“]. Ф. Миклошич сближал название со словом *тереть, тры* [30, стр. 353], а В. Даль — со словом *терпкий*. Однако тюркская этимология этого слова более убедительна. «Из тюрк. *tögrü, *tügrü, тур. töḡri, döḡrü 'напильник, рашпиль' (Радлов, III, 1259, 1738)» [24, IV, стр. 49]. Ф. Корш также выводил *терпуг* из тур. töḡri или tüḡri, как *утюг* из тур. ütü (ср. серб. утија 'утюг' < тур. ütü); *турпија* 'напильник, подпилоч' < тур. töḡrū [12, стр. 42]. Н. К. Дмитриев, соглашаясь с Ф. Коршем, приводит более древнюю форму töḡrug [9, стр. 46]. Ср. также др.-тюрк. töḡrig 'терпуг'; тур. töḡrū, tüḡrū, döḡrū 'терка, пила, терпуг' [18, III, стр. 1259, 1738], аз. töḡru 'напильник, рашпиль', кирг. tüḡrū 'плоский напильник', 'терпуг, рашпиль'; 'чебак (рыба)'; 'чешуя (у растений)'; каз. tüḡri 'рашпиль (грубый напильник с крупной насечкой в виде отдельных зубчиков)'.

Очевидно, что название рыбы связано с тюркизмом *терпуг* 'стальной брусок с насечкой, род напильника'. Рыба могла получить это название за свои острые зубы. Некоторые виды этой рыбы так и называются: «зубастый терпуг».

Чебак — обл. «название частиковых рыб: плотвы, язя, леща и пр.» [21, XVII, стр. 804]; чеба́к, чеба́чек — «рыба породы карпов, сазанов; крупный лещ»; обл. (кур., дон.) чаба́к — «рыба чебак, лещ»

⁶ П. И. Мельников (Андрей Печерский). В лесах. Кн.-2. М., 1955, стр. 385.

[8, IV, стр. 585, 579]. «Первым снялся с зимовальным ям... гуляка-лещ, которого станичники издавна именуют чебаком»⁷.

«Заимств. из тюрк., ср. тат., алт., тел., леб., карач., чагат. *čabak* 'плотва', 'определенная маленькая рыбка' (Радлов, III, 1928), каз. *šabak*, башк. *sabak*, бар., кюэр. *sabak*, 'лещ' (Радлов, IV, 196), чув. *šubax* — то же» [24, IV, стр. 322].

У казахов и каракалпаков на Аральском море и впадающих в него реках *себак* обозначает леща. У татар на Средней Волге и у башкир *šabak* — это плотва. У киргизов *čabak* — всякая мелкая рыба, рыбешка: *maǰ šabak* (южн.) 'пескарь' (букв. 'жирный чебак'), *it čabak*, *агат čabak* (южн.) 'голец' (букв. 'собачий чебак', 'поганный чебак') [28, стр. 831]. Ср. также аз. *šarağ*, тур. *šarak* 'лещ', крым.-тат. *čabak* 'вобла, плотва'. В значении 'мелкая рыба' слово *čabak* встречается у Махмуда Кашгари, [11, стр. 135].

В русском языке тюркизмом *чебак* обозначаются различные мелкие рыбы: в Предуралье — лещ, а в Зауралье, где леща нет, — плотва, елец и другая мелкая рыба. (Однако на Иртыше крупную плотву называют уже «сорога», а елец на Оби — «мегдым»).

Выше уже отмечалось, что в русском языке немало названий рыб, восходящих к различным языкам-источникам, часть которых была заимствована через тюркское языковое посредство. К сожалению, не всегда удастся разграничить эти названия, установить конкретные пути их проникновения в русский язык. Разногласия в этом вопросе возникают обычно в тех случаях, когда возможность непосредственного заимствования из языка-источника и проникновение через тюркское посредство являются равновероятными. Так, например, случилось с названием морской промысловой рыбки *барабулька* (*барабуня*, *барбуня*). М. Фасмер [24, I, стр. 125] полагал, что в русский язык это слово попало из новогреческого языка, а Ф. Миклошич [31, I, стр. 11] и Н. М. Шанский [25, стр. 38] видят в русских названиях переоформление турецкого названия этой рыбы *barbunja*, в свою очередь, усвоенного из греческого: *барабуля*, *барбуня* < тур. *barbunja* < н.-гр. *τραγῦνι* < ит. *barbone* < лат. *barbus* 'барабуля' < лат. *barbe* 'борода'. Название *барабулька* (иначе *султанка*) рыба получила, как уже отмечалось, за розово-пеструю окраску и усики на нижней губе. Ср. исконно русское название рыбы — «краснобородка», нем. *Bartfisch* «барабуля» (букв. «бородатая рыба»), *Barbe* 'усач (рыба)', польск. *barwępa* — то же, болг. *барбун*, серб.-хорв. *барабун* 'султанка'.

Аналогичный путь прошли названия *баламут* 'черноморская рыба, скумбрия, макрель' [8, I, стр. 42; 20, II, стр. 75] и *лефер* [4, XV, стр. 75], *луфарь* — обл. (черноморск.) «мелкая рыба, похожая на сельдь» [8, II, стр. 250, 274]. Название *баламут*, на наш взгляд, пришло из турецкого языка, в котором *palamud* 'скумбрия' является переоформлением греческого *palamida* 'скумбрия'. Ср. тур. *palamud* 'рыба макрель' [18, IV, стр. 166, 1243]. Озвончение начального согласного произошло на русской почве в результате народно-этимологического сближения с русским разговорным словом *баламут* 'человек, вносящий смятение, беспорядок, раздор; смутянь'. Это позволило В. Далю рассматривать название рыбы в одном словообразовательном гнезде со словом *баламутить* 'мутить, болтать'. Что касается названия *лефер*, восходящего к греческому языку, то и здесь М. Фасмер предположил тюркское посредство: «Из тур. *lüfer*, *lufar* 'вид тунца' от греч. *lufari*» [24, II, стр. 536].

⁷ В. А. Закруткин. Плавающая станица. М., 1950, стр. 202.

Не всегда легко разграничить в русском языке непосредственные заимствования из угро-финских языков и проникшие через тюркское посредство. Название рыбы из семейства лососевых, которая водится только в сибирских реках и озерах, — *муксун* [21, VI, стр. 1359], *муксун*, *муцун*, *ма(о)ксун* [8, II, стр. 353], по всей вероятности, восходит к коми-зырян. *tuksun*, ханты-манс. *toksun* — то же. Однако уже академический словарь русского языка 1793 года указывал на татарский источник — *муксун*. Словарь Д. Н. Ушакова [23, II, стр. 123, 278] отмечает название рыбы в формах *максун* (или *моксун*) и *муксун* со ссылкой на татарское *муксум*. В. Радлов также приводит тобольское *tuksun* «сибирская рыба муксун» [18, IV, стр. 2174]. Н. К. Дмитриев относил слово к тюркизмам, требующим для установления этимологии дополнительных материалов, и приводил якутское *tuksun* [9, стр. 12, 28].

Из тюркских языков пришло в русский персидское название рыбы семейства карповых, распространенной в бассейнах Черного, Азовского, Каспийского и Аральского морей, *шемая* [21, XVII, стр. 1346]: тат., каз., узб. *šemaja* < нов.-перс. *šahmāhi*: < *šah* 'шах, царь' и *māhi*: 'рыба' (букв. 'царская рыба'). Рыба получила данное название, вероятно, за свои вкусовые качества.

В заключение несколько слов об общеславянском названии *карась*. В памятниках русской письменности слово встречается с 1216 года в форме *карасъ* и *корась* [19, I, стр. 1285]. «Общеславянское заимствование из др.-нем. языка, в котором *kaḡas*, в свою очередь, является переобразованием лат. *carasīnus*» [13, стр. 188]. Однако уже у М. Фасмера мысль о заимствовании из немецкого языка вызывает возражения как бездоказательная. М. Фасмер приводит ряд других этимологий, однако, не склоняясь ни к одной из них, признает слово темным [24, II, стр. 193]. Здесь же в примечании О. Н. Трубачев высказывает интересную гипотезу, по которой праслав. **kaḡas* рассматривается как заимствование марийск., удмуртск. *kaḡaka* или тат. *kāḡākā* — то же.

Слово *карась* включено в «Словарь тюркизмов в русском языке» [26, стр. 167], однако его этимология ждет дополнительных исследований.

Многочисленные названия рыб в русском языке, к сожалению, еще слабо изучены. А между тем, «названия рыб могли бы много дать для выяснения вопросов об этнических взаимоотношениях между народами и о миграциях последних», — писал Л. С. Берг [3, стр. 62]. Он обратил внимание на любопытные языковые связи: «Голавль на Луге у русских носит название турбак, это ижорское слово *turbakka*. У финнов-суоми голавль называется *turwas*, *turpa*, у эстов *turbas*, *turvas*, *turb*, *turva*, у мари (черемисов) трушка. Близкая к голавлю рыба у русских на Иссык-Куле чебак, у киргизов на Иссык-Куле носит название турпю. Быть может, с этим же корнем можно сопоставить литовское название *torag*, откуда у немцев в Пруссии *Torag*, *Tarag*, *Tabarre*. На севере название *торпа* прилагается русскими к форели и кумже — от финского *torppi* (форель)». Однако мы не можем согласиться со всеми выводами, которые делает ученый: «Быть может, общее название для близких карповых рыб — *турпа* у финнов и *турпю* у киргизов — есть воспоминание о том времени, когда предки финнов и киргизов сидели где-нибудь в области Алтая и Саяна» [3, стр. 70]. Предположение Л. С. Берга о совместном проживании предков финнов и киргизов и о возможном родстве их языков нуждается в дополнительных документальных подтверждениях и аргументациях. Тем не менее следует признать, что названия рыб могут рассказать о многом, в том числе и о древних связях между народами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Н. А. Баскаков. Тюркизмы в названиях московских улиц. — «Советская тюркология», 1979, № 2.
2. Н. А. Баскаков. О тюркских лексических заимствованиях в русском языке. — «Советская тюркология», 1983, № 4.
3. Л. С. Берг. Названия рыб и этнические взаимоотношения славян. — «Советская этнография», 1948, № 2.
4. «Большая Советская Энциклопедия».
5. Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Тт. I—II, СПб., 1869—1871.
6. А. С. Герд, А. И. Корнев, М. П. Рускова. Русские названия рыб. — В кн.: «Очерки по лексикологии и лексикографии». Л., 1963.
7. С. Г. Гмелин. Путешествие по России для исследования трех царств естества. СПб., 1771.
8. В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Тт. I—IV, М., 1956.
9. Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря. — «Лексикографический сборник», вып. III, М., 1958.
10. Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря. — В кн.: «Строй тюркских языков», М., 1962.
11. «Древнетюркский словарь», Л., 1969.
12. Ф. Е. Корш. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве». — «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», 1903, т. 8, кн. 4.
13. Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971.
14. В. Д. Лебедев и др. Рыбы СССР. М., 1969.
15. А. В. Миртов. Донской словарь. Ростов-на-Дону, 1929.
16. И. И. Огиенко. Иноземные элементы в русском языке. Киев, 1915.
17. А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. М., 1910—1914.
18. В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Тт. I—IV, СПб., 1893—1911.
19. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Тт. I—III, СПб., 1893—1912.
20. «Словарь русских народных говоров». Под ред. Ф. П. Филина. Вып. I—XVI, М., 1965—1980.
21. «Словарь современного русского литературного языка». Тт. I—XVII, М.—Л., 1950—1965.
22. В. В. Усачева. Материалы для словаря славянских названий рыб. — «Этимология. 1974», М., 1976.
23. Д. Н. Ушаков. Толковый словарь русского языка. Тт. I—IV, М.—Л., 1935—1940.
24. М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Тт. I—IV, М., 1964—1973.
25. Н. М. Шанский. Этимологический словарь русского языка. Вып. I—VIII, МГУ, 1963—1982.
26. Е. Н. Шипова. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976.
27. Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1978.
28. К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., 1965.
29. Л. П. Якубовский. Несколько замечаний о словарном заимствовании. — «Язык и литература», т. I, вып. I—II, Л., 1926.
30. F. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der Slavischen Sprachen. Wien, 1886.
31. F. Miklosich. Die türkischen Elemente in den südost — und osteuropäischen Sprachen, I. Wien, 1884.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Л. ЕКШЕМБЕЕВА

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЭПИЧЕСКОГО ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ В ТЮРКОЯЗЫЧНОМ ЭПОСЕ

Героический эпос, как и любой другой фольклорный жанр, проходит процесс исторического развития. Многие особенности дошедших до нас образцов тюркского героического эпоса нельзя объяснить полно и глубоко без анализа их предшествующих состояний, следы которых чаще всего обнаруживаются в инонациональных жанровых системах. Сопоставление героев тюркского эпоса с персонажами из инонациональных эпических произведений позволяет, например, раскрыть и проследить типологию и эволюцию женских образов в эпических сказаниях казахского народа. М. Ауэзов в свое время подчеркивал: «Сравнительное изучение казахской литературы с литературой близких по языку, по культуре, по исторической судьбе народностей должно составлять в отношении прошлого главную продуктивную систему историко-литературного построения...»¹.

Отразившиеся в фольклоре общность исторической судьбы, близость бытового уклада и прямые заимствования позволяют говорить о родстве традиций героического эпоса казахов, хакасов, алтайцев, киргизов.

В архаических формах героического эпоса, к которым Е. М. Мелетинский относит богатырские сказания хакасов и алтайцев, улигеры бурят, олонхо якутов² и т. д., женские персонажи отличаются удивительным многообразием. В. Е. Майнагашева отмечает, что «...хакасский эпос отличается от многих других эпосов тем, что он очень богат женскими персонажами... и, что особенно интересно, они весьма разнообразны по своим характерам»³. Е. Н. Кузьмина пишет о многообразии женских персонажей в бурятских улигерах⁴.

Одним из древнейших образов в героическом эпосе тюркоязычных народов является образ женщины-богатыря, девы-воительницы. М. А. Унгуицкая усматривает в этом отражение длительного процесса перехода от матриархата к патриархату. В хакасских эпосах «Албынжи» — шестнадцать женских персонажей, «Большеглазая Пора Нинжи» — четырнадцать. Каждый из женских образов выполняет строго определенную функцию: либо воскресительницы, либо вещуньи, либо защитницы и т. д.

¹ М. Ауэзов. Мысли разных лет. Алма-Ата, 1961, стр. 223—224.

² Е. М. Мелетинский. Происхождение героического эпоса. М., 1963.

³ В. Е. Майнагашева. Образ Хуу-Иней в хакасском героическом эпосе. — В кн.: «Исследования по языку и фольклору». Новосибирск, 1965, стр. 203.

⁴ Е. Н. Кузьмина. Женские образы в героическом эпосе бурятского народа. Новосибирск, 1980.

По мере развития эпоса количество женских персонажей в нем значительно сокращается и их функции со временем сводятся, как правило, к роли только жены-подруги.

А. Ш. Кичиков пишет, что одним из общих мотивов для эпосов разных народов является магическое исцеление героя женщиной⁵. Так, в бурятском эпосе «Аламжи-Мерген» Булад-Хурай оживляет убитого Аламжи-Мергена⁶. В алтайском эпосе Алтын-Дьюстик оживляет богатыря Алтая-Бучая и его сына⁷. Мотив оживления героя женщиной представлен и во всех основных версиях калмыцкого героического эпоса «Джангар». Однако, как отмечает С. С. Суразаков, женщина-целительница впоследствии приобрела «новую функцию — невесты, которая предопределена герою самой судьбой»⁸. Подобная трансформация наблюдается и в киргизском эпосе, где героя Семетея воскрешает девушка, становящаяся его нареченной.

Со временем носительницей функций всех женских образов становится жена, что выдвигает ее образ на передний план. Этому, по-видимому, способствовали изменившиеся социально-экономические условия и отношения в обществе, определившие дальнейшее развитие эпического образа женщины.

Классики марксизма отмечали, что «с приобретением стад и прочих богатств, в семье произошла революция... скот принадлежал ему (мужчине)... женщина, участвовала в потреблении, но не имела доли в собственности»⁹. Или в другом месте: «Муж захватил бразды правления в доме, а жена была лишена своего почетного положения, закабалена, превращена в рабу его желаний»¹⁰.

Уменьшение со временем количества женских образов в более поздних произведениях казахского героического эпоса повлекло за собой и качественные изменения: постепенно исчезли образы воскресительниц, спасительниц, вещуньей, покровительниц, но значительно расширились функции образа жены.

Если Когюдей Мерген из алтайского эпоса «Маадай Кара» вступает в борьбу с Кара-Таади — женщиной-воительницей из подземного мира, а Албынжи из одноименного хакасского эпоса — с Юзут Арх — женщиной-чудовищем, то богатыри казахского эпоса сражаются уже только с врагами мужского пола. Лишь Алпамыс-батыр встретил на пути Мыстан Кемпир — старуху-ведьму, по описанию напоминающую антропоморфное существо древних сказаний. Однако, Мыстан Кемпир уже не обладает сверхъестественной силой, а действует хитростью, умело используя человеческие пороки и слабости для достижения своих целей. При внешнем постоянстве образа, в нем произошли глубокие внутренние психологические изменения.

Новое отношение к женщине практически полностью исключило возможность появления в эпосе образов женщин-богатырей.

Х. Джумалиев и М. Габдуллин отмечают: «В некоторых эпических поэмах встречается стремление выдвинуть в разряд богатырей также и

⁵ А. Ш. Кичиков. Сюжет исцеления богатыря в эпосе народов саяно-алтайского нагорья. — В сб.: «Фольклористика Российской Федерации. Материалы конференции», Л., 1975.

⁶ «Образцы народной словесности монгольских племен. Тексты», т. I, вып. 1, СПб., 1913, стр. 79.

⁷ С. С. Суразаков. Героическое сказание о богатыре Алтае-Бучае. Горно-Алтайск, 1961, стр. 20—23.

⁸ Там же, стр. 65.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собрание сочинений. Т. 21, 1961, стр. 161—162.

¹⁰ Там же, стр. 60.

женщин. Это стремление не закрепилось, не вошло в традицию»¹¹. Позволим себе не согласиться с этим заключением. Вероятнее всего, в данном случае имели место остаточные явления древней традиции. Это подтверждается сопоставлением образов Карлыги и дев-богатырей в тюркоязычном эпосе указанного региона.

Казахская женщина-богатырь во многом напоминает дев-воительниц и женщин-богатырей алтайских и хакасских сказаний. Одним из главных признаков, характеризующих женщин-богатырей, является их большая физическая сила, необходимая для выполнения ими основной функции их традиционного эпического образа — защиты земли, народа. У традиционных женщин-богатырей героического эпоса их функциональность мотивируется в основном патриотическими чувствами. Алтын Арыг (из хакасского одноименного эпоса) выступает в защиту родного чурта, Алтын Тууди (из алтайского одноименного эпоса) освобождает свой народ от власти жестокого хана, Хара Моолай (из хакасского эпоса «Пора Нинжи») защищает свою землю и свою честь, в то время как богатырство Карлыги целиком подчинено могучей страсти любящей женщины. М. Ауэзов в связи с последним образом писал: «Карлыга олицетворяет бурную, страстную любовь, не останавливающуюся ни перед какими препятствиями, разрывающую родственные связи, жертвующую во имя любимого родным отцом, братом, родиной»¹². Однако, на наш взгляд, действия Карлыги объясняются не только любовными мотивами, хотя они, несомненно, доминируют. Патриотический характер традиционного образа женщины-богатыря в тюркском героическом эпосе позволяет предположить, что образ казашки Карлыги в этом плане также не является исключением. Остановимся на этом образе подробнее. Узнав о том, что отец пленил двух батыров, Карлыга вспоминает предсмертное завещание матери: «Коль уж ты мною рождена, за мусульманина замуж выходи». В условиях межплеменной борьбы возвращение дочери на утраченную некогда родину мыслилось матерью только через соответствующее замужество, к которому всеми силами и стремится Карлыга. Обращаясь к Кобланды, она говорит: «Если до смерти буду с тобой, заветы матери исполнятся все». Поэтому ее борьба за любовь согласуется с наказом матери и является средством возвращения на родину. Так своеобразно решается в данном эпосе патриотическая тема. Однако по мере развития действия тема любви в сюжетной канве начинает преобладать и постепенно вытесняет патриотический мотив. Об этом главным образом свидетельствует монолог-признание Карлыги, который, на наш взгляд, является позднейшим включением. По композиции и духу он характерен скорее для бытового эпоса, в основе которого обычно лежит борьба за любовь. Все это говорит о первичности в эпосе патриотического мотива и подчиненности ему мотива любовного, который со временем, под влиянием благоприятствующих тому соответствующих исторических условий, становится доминирующим. Образ казахской богатырки, таким образом, сохраняя верность традиции, приобретает новые качества, что свидетельствует о его внутренней эволюции.

Интересно отметить, что критерии оценки физической силы богатырок меняются с изменением их функций в эпосе. Если алтайская богатырка Алтын Тууди проявляет свою силу и ловкость в борьбе с чудовищами, а затем уже с ханом, то позднее богатырки — Хара Мо-

¹¹ Х. Джумалиев, М. Габдуллин. О казахском эпосе. — В кн.: «Казахский эпос», Алма-Ата, 1958, стр. 16.

¹² М. Ауэзов. Мысли разных лет, стр. 110.

олай и Карлыга — вступают в единоборство с батырами. Если Алтын Тууди и Алтын Арыг выступают девами-богатырками, защитницами народа, то богатырка Хара Моолай вынуждена стать женой победившего ее богатыря, а Карлыга сама стремится к замужеству.

Концентрация функциональности в эпическом образе жены и выдвижение этого образа на передний план происходили, на наш взгляд, во-первых, путем прямой передачи ему функций, утраченных женскими образами эпосов, то есть целительницы, воскресительницы, покровительницы, вещуньи, и, во-вторых, посредством сближения образов богатырок с образами жен. Данное предположение в известной мере подтверждается образом Кортки — жены Кобланды-батыра из одноименного эпоса. Ее характеризует уже не физическая сила, а сила ума. Хотя описывая испытание Корткой коня Бурыла, сказитель и замечает: «Не скажешь, что женщиной родилась, ведь очень сильна Кыз Кортка», однако это скорее дань былой традиции. Образ Кортки решен глубже и мотивированней образов других героинь казахских эпосов. Это было замечено еще автором опубликованной в 1899 году в газете «Туркестанские ведомости» статьи «Женщины киргизского эпоса Кобланды», подписанной псевдонимом «Туземец». Считая Кортку язычницей, автор пишет о язычестве: «Оно и дало умную красавицу Кортку с ее способностью предвидеть и предсказывать будущее. Но Кортка помогает Кобланды и другим лишь тогда, когда они слушаются ее советов, сама же она не может активно управлять поступками людей... Влияние ее на героя ограничивается лишь содействием ему в делах своими знаниями и ясновидением, но не переходит в руководство им... Герой Кобланды тотчас же навлекает на себя и свой народ бедствия, как только перестает следовать старым верованиям. Но язычество уже довольствуется лишь пассивным участием в жизни»¹³.

Таким образом, автор статьи считает, что в образе Кортки нашел отражение переходный период в истории казахов — от язычества к исламу.

Несомненно, образ Кортки отражает переходный этап в истории народа, но не смены верований, а изменения социальных условий жизни. Именно этим определяется двойственная природа образа, который отнюдь не является единичным в тюркоязычном эпосе. С подобными образами мы встречаемся в хакасском сказании «Большеглазая Пора Нинжи», в киргизском эпосе «Манас», что свидетельствует об общих закономерностях развития эпического образа женщины в тюркоязычном эпосе. Образы Кортки, Пора Нинжи, Каныкей отражают изменившиеся в переходный период социально-экономические отношения, поставившие женщину в экономическую зависимость от мужчины, хотя традиционно она продолжала еще пользоваться заслуженным почетом и уважением.

В образе Кортки проявляется, с одной стороны, ее готовность подчиняться Кобланды во всем, страх перед ним, как перед своим господином («Я не смею неласково взглянуть на тебя»); а с другой — ее необходимость для батыра: она выбирает и воспитывает ему коня, снаряжает его в поход, направляет его действия, дает им моральную оценку, то есть выполняет фактически все те функции, которые в древних сказаниях выполняли вещуньи, целительницы, покровительницы и т. д.

Аналогичен и образ Каныкей (из киргизского эпоса). Каныкей — бесправное существо рядом с Манасом. Она также шьет ему боевое

¹³ *Туземец. Женщины киргизского эпоса Кобланды. — Газ. «Туркестанские ведомости», 1899, № 38.*

одевание, готовит для него оружие. Не угодив батыру одеждой, она рискует быть им наказанной и даже убитой. Но в отсутствие батыра Каныкей умело управляет целым народом, прозорливо предупреждая Манаса о надвигающихся бедах.

Пора Нинжи (из хакасского эпоса) безропотно сносит жестокость и несправедливость главы семьи, не пытаясь даже защитить себя и сына. Однако, когда семье угрожает реальная гибель, она умело руководит борьбой с врагами, значительно превосходя силой духа и мудростью всех батыров эпоса.

В казахских эпосах «Алпамыс-батыр», «Камбар-батыр» нашло отражение более позднее положение женщины, оказавшейся в полной зависимости от мужчины: «Гульбаршин — верная невеста и верная жена... гордая и сильная духом, она слаба физически, Алпамыс ее опора и защита с начала и до конца»¹⁴. Карагоз (из эпоса «Алпамыс-батыр») действует лишь по подсказке батыра, сама же она лишена активности и инициативы. Назым (из эпоса «Камбар-батыр») предоставляется право выбора жениха, чем она пользуется с присущими ей умом и дальновидностью.

В названных образах в сказаниях выпячиваются не подвиги героинь, а их личные достоинства. Объективные условия развития эпического образа женщины привели к сужению его функциональности, однако не лишили женщину заслуженного ею уважения, благодаря ее высоким моральным достоинствам, верности и любви, которые теперь становятся необходимым условием свершения богатырями своих подвигов.

Затянувшийся процесс перехода к частнособственническому способу производства, по мнению Е. М. Мелетинского, является одной из причин сохранения в памяти тюркоязычных народов наиболее древних образов эпосов¹⁵. В этом же мы усматриваем причину того, что «эпос тюркских народов, сложившийся в патриархальных условиях кочевой жизни, охотно изображает жену героя как его подругу и помощницу»¹⁶.

Развитие эпического образа женщины в тюркоязычном эпосе находилось в зависимости от исторического развития общества, его социально-экономических отношений. Однако эпос сохранил и пронес через века глубокое уважение к женщине, почитание ее, основа которых была заложена еще в те давние времена, когда «женщина у всех диких и у всех варварских племен, стоящих на низшей, средней и отчасти высшей ступени варварства, не только пользуется свободой, но и занимает весьма почетное положение»¹⁷.

¹⁴ Н. Смирнова, Т. Садыков. О казахских версиях «Алпамыса». — В кн.: «Алпамыс-батыр». Алма-Ата, 1961, стр. 436.

¹⁵ Е. М. Мелетинский. Происхождение героического эпоса, стр. 251.

¹⁶ В. М. Жирмунский. Тюркский героический эпос. Л., 1974, стр. 41.

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Указ. соч., стр. 52.

ОНОМАСТИКА

Г. Ф. САТТАРОВ

СИНОНИМИЯ, АНТОНИМИЯ И ОМОНИМИЯ В ТАТАРСКОЙ АНТРОПОНИМИИ

Ономастическая лексикология, ее семантические и грамматические категории и их свойства как в татарском, так, впрочем, и во многих других языках, все еще остаются малоизученными¹. Синонимичность, антонимичность и омонимичность личных имен, составляющих один из основных лингвистических пластов в антропонимической системе языка, также не были до сих пор объектом специального исследования. Анализ материалов «Словаря татарских личных имен» (Казань, 1981, 256 стр.) показывает, что из 10 тысяч антрополексем более 300 являются синонимичными и образуют 100 синонимических рядов, более 60 имен антонимичны и около 20 личных имен — омонимичны.

Синонимичные личные имена в татарском языке возникли как в результате развития его внутренних ресурсов, так и на основе заимствованных слов из других языков. Рассмотрим эти имена по группам.

1. Синонимичные личные имена, возникшие за счет внутренних ресурсов языка, путем расширения значений слов, привлечения диалектной лексики (личных имен), присоединения к одной и той же основе синонимичных аффиксов и т. д.

У тюркоязычных народов, в том числе у булгаро-татар, синонимичные имена возникли еще в древности, образовав синонимические ряды или синонимические гнезда². Многие личные имена тюрко-татарского происхождения, связанные с древними верованиями и обычаями, составляют отдельные синонимические гнезда. К ним относятся синонимичные личные имена: а) выражающие радость по поводу рождения сына в семье (*Сөөндөк*, *Куандык*, *Юандык* 'мы обрадовались'; *Сөөнеч*, *Куаныч*, *Юаныч* 'радость, отрада, восторг' и т. д.); б) выражающие пожелание ребенку счастья, или имеющие значение «счастье», «счастливый», «приносящий счастье» (*Котлы*, *Уразлы*; *Котлыбикә*, *Уразбикә* и др.). Подобные синонимичные имена в татарском языке получили большое распространение. К данному синонимическому ряду имен тюрко-татарского происхождения позднее добавились имена арабского происхождения: *Бәхет*, *Сәгадәт* ~ *Сәгъдәт*, *Мөбарәк*. Кроме выполнения функции антрополексем, эти имена участвуют также в образовании сложных синонимичных мужских и женских имен; например: а) *Бәхетбай*—*Котлыбай*—*Уразбай*; *Котлыбәк*—*Сәгадәтбәк*—*Уразбәк* и т. д. — мужские

¹ См. сб.: «Ономастика и грамматика». М., 1981, стр. 3.

² Ш. С. Ханбикова. Татар телендә синонимия һәм сүзлекләр. Казан, 1980, стр. 36—51.

имена; 6) *Котлыбану—Сәгадәтбану—Уразбану; Котлыбикә—Сәгадәт-бикә—Уразбикә* и т. д. — женские имена.

Существовал обычай, по которому сыну долго не рожавшей снохи или невестки давалось имя со значением «оправдания», «обеления» роженницы. Так возникли синонимичные имена *Акларыш* и *Агарыш*. Первое из них в форме *Актаныш* (чередование согласных *л~т*), сохранилось в названии райцентра и района Татарии. А от имени тюрко-татарского происхождения *Агарыш* образовалась русская фамилия *Агарышев*.

Именем *Буре* 'волк' нарекали мальчика, если он рождался с зубами, или, наоборот, зубы у него долго не появлялись. Иногда мальчиков называли синонимичными слову *буре* древнетюркскими словами *Кашкар*, *Корт*, монгольскими *Ашан* и *Чан*. От этих имен с помощью однородных компонентов образовывались сложные синонимичные личные имена: *Бүребай~Кашкарбай~Кортбай~Чанбай; Бүрехан~Кашкархан* и т. п.

Синонимичные имена *Таш* и *Чал* 'камень' должны были принести их носителям здоровье, неуязвимость, невосприимчивость к болезням. Путем сложения антрополексем *таш* и *чал* с компонентами *бай* 'богатство, богач', *бәк* 'князь', *булат* 'булат, булатный', *бакты* 'взглянул', перен. 'родился', часто используемых в тюркских языках для образования сложных личных имен³, в татарском языке возникли следующие синонимичные имена: *Ташбай—Чалбай; Ташбәк—Чалбәк; Ташбулат—Чалбулат; Ташбакты—Чалбакты*.

В далеком прошлом мальчикам часто давались имена *Тәкә* и *Кучкар* 'некастрированный баран'⁴, выражавшие желание родителей видеть своего сына главой рода. К этим татарским именам примыкают монгольское имя *Кусай* и арабское *Кәбиш* 'курдючный баран', являющиеся их синонимами. В настоящее время эти имена вышли из употребления. От них образовались фамилии *Тәкәев~Такаев, Тәкин~Тякин~Такин; Кучкаров~Кучкарев~Кусаев; Кәбишев~Кабишев~Кабашев*.

У булгаро-татар существовал обычай нарекать мальчика именем, образованным от слова *эт* 'собака', благодаря которому, как считали родители, мальчик должен был вырасти здоровым и невосприимчивым к болезням. В древности использовались в качестве имен и синонимичные слову *эт* слова *кубәк, эгер, әнәк, әнчек*. В это синонимическое гнездо входит и монгольское имя *Нугай* (от *нокай* 'собака'). В древности словосочетание *нокай ил* означало «год собаки». Мальчиков, родившихся в это год, нарекали обычно, именем *Нугай* или *Нагай*, особенно активно использовавшимся казанскими татарами в XVI—XVII веках. От этих имен впоследствии были образованы фамилии *Нугаев* и *Нагаев*.

В качестве личных имен у татар часто выступали и названия хищных птиц. Такие имена выражали пожелание видеть мальчика храбрым и сильным. К таким именам, возникшим еще в глубокой древности, относятся синонимичные имена *Бөркет* 'беркут, орел', *Лачын* 'сокол', *Карчыга* 'ястреб', *Шоңкар* 'кречет'. К ним примыкает и заимствованное из арабского языка имя *Шәһбаз* 'ястреб, сокол'.

Было образовано большое количество синонимичных личных имен путем сложения однозначных антрополексем с одним и тем же компонентом; например, от антрополексем *иш* 'пара, чета, ровня' и *куш* 'парный, двойной, сдвоенный, спаренный' возникло более десяти синонимич-

³ Об основных опорных антрополексемах, активно участвующих в образовании сложных личных имен в татарском языке, см.: Г. Ф. Саттаров, Р. Х. Субаева. Основные компоненты сложных личных имен в татарском языке. — «Ономастика Поволжья, 4», Саранск, 1976, стр. 65—73.

⁴ «Татар теленең аңлатмалы сүзлеге», т. 2, Казан, 1979, стр. 196.

ных пар личных имен. *Ишбай—Кушбай, Ишбак—Кушбак, Ишбакты—Кушбакты, Ишбирде—Кушбирде, Ишэй—Кушай* и др. Среди них есть и древнейшие синонимичные имена *Ишбуга* и *Кушбуга*, общие для языков алтайской группы: тюркского, монгольского и тунгусо-маньчжурского. В основе этих имен лежит слово *буга* 'бык', встречающееся в диалектах татарского языка, а также в бурятском — *буха*, в эвенском — *бука*.

Синонимичные личные имена образовывались и путем присоединения к антрополоксемам *иш* и *куш* одних и тех же компонентов арабского и персидского происхождения: *Ишдәүләт—Кушдәүләт, Ишморза—Кушморза, Ишгали—Кушгали, Ишназар—Кушназар* и др.

На основе однозначных слов *татлы* 'сладкий' и *тәмле* 'вкусный' возникли синонимичные личные имена *Татлы* и *Тәмле*. Имя *Тәмле*, получив форму *Тәмте*⁵ (переход согласных *л~т*), сохранилось в названиях татарских деревень Сабинского района: *Тәмте, Тәмте—Мәтәскә, Терек—Тәмте*, став, таким образом, антропотопонимом. Путем добавления к указанным антрополоксемам одних и тех же компонентов личных имен было образовано несколько синонимичных пар женских и мужских имен: *Татлыбай—Тәмлебай, Татлыбәк—Тәмлебәк, Татлыжан—Тәмлежан* и др. — мужские имена; *Татлыбикә—Тәмлебикә, Татлыниса—Тәмлениса, Татлыҗиһан—Тәмлеҗиһан* и др. — женские имена. Существует мнение, что русское женское имя *Татьяна* восходит к тюрко-татарскому *татлы* 'сладкая' + персидское *жан—йан* 'душа' (окончание *-а*, характерно для славянских женских имен)⁶.

В древнетатарском языке в значении «солнце» употреблялось слово *көн* (в современном татарском языке *көн* 'день'). *Көн* в значении «солнце» и поныне встречается в диалектах татарского языка. С возникновением слова *кояш* (*күнәш*), *көн* 'день' и *кояш* 'солнце' стали употребляться параллельно. В дальнейшем за словом *көн* закрепилось значение «светлый», то есть солнечная часть суток. На основе этих слов образовались синонимичные женские имена: *Көн—Кояш, Көнбикә—Кояшбикә, Көнсылу—Кояшсылу*. Синонимичными с собственнотатарскими именами *Көн* (мужское и женское имя) и *Кояш* (женское имя) являются заимствованные арабское имя *Шәмес* (мужское и женское) и персидское *Афтаб* (мужское и женское). В татарском именнике они образовали синонимический ряд с именами *Кояш* и *Көн*.

В старотатарском языке существовали слова *ирмәк* и *исәкәй*, означающие 'интерес, утешение'. От них были образованы синонимичные мужские имена *Ирмәк* и *Исәкәй*, вышедшие в настоящее время из употребления. В Буинском районе ТАССР есть татарская деревня *Исәк*. У сибирских татар и казахов именем *Ирмәк* мальчиков нарекают до сих пор.

В татарском языке возникло синонимическое гнездо слов со значением «душа»: *өн, өрәк, үз-үз (ыз), кот, жан, рух, арвак*⁷. Параллельное существование этих слов или замена одного слова другим привело к образованию синонимичных мужских личных имен: *Котби—Өрәкби;*

⁵ Каюм Насыри писал: «Основоположником села Мулла иле (Молвино, ныне находится в Зеленодольском районе ТАССР. — Г. С.) был выходец из Булгара, человек по имени Муллагол. Вместе с ним сюда прибыл еще мужчина по имени Шәехби. Отцом Шәехбия был человек по имени Тәмте». (См.: К. Насыри. Зәя өязе авыллары. — «Сайланма әсәрләр ике томда», т. 2. Казан, 1975, стр. 21).

⁶ М. М. Маковский. Русские имена. — Журн. «Русская речь», 1979, № 6, стр. 121.

⁷ См.: Г. Ф. Саттаров. Татар теле тарихында «жан» төшенчәсен белдерүче сүзләр һәм алар белән мөнәсәбәтле кеше исемнәре. — «Татар тел белеме мәсьәләләре», 4 китап. Казан, 1972, стр. 42—60.

Котбай—Узбай—Жанбай; Өнбәк—Узбәк—Өрәкбәк—Котбәк—Жанибәк и т. д.

Путем соединения глагола *кәл*—‘смеяться, улыбаться’ с синонимичными аффиксами *-әч* и *-сәр* были образованы синонимичные личные имена *Кәләч* (мужское и женское) и *Кәлемсәр* (женское).

В современном антропонимиконе татарского языка появились новые имена, однозначные с древними тюрко-татарскими именами, например: *Күркәм~Сылу* (древние женские имена) ~ *Чибәр~Гүзәл* (новые женские имена); *Чулпан* (древнее мужское и женское имя) ~ *Венера~Таңһолдыз* (новые женские имена) и др.

2. Синонимичные личные имена, возникшие на основе заимствований из других языков.

Апеллятивная и ономастическая (в том числе антропонимическая) лексика татарского языка в течение веков обогащалась за счет заимствованных слов из монгольского, арабского, персидского, русского и через посредство последнего из западноевропейских языков. В результате совпадения значений имен тюрко-татарского происхождения и новых заимствованных имен, возникли синонимические гнезда.

Старотатарское имя *Тычкан* синонимично с монгольским именем *Колгына* ‘мышь’. У тюркских и монгольских народов подобными именами нарекались мальчики, родившиеся в «год мыши». В настоящее время эти имена в татарском языке не употребляются. В Апастовском районе ТАССР есть татарская деревня *Колгына*.

С древних времен у тюркских народов лев считается символом силы, ловкости, храбрости и благородства. Имя *Арслан* ‘лев’ издавна было распространено у булгаро-татар и других тюркских народов. У некоторых тюркских народов встречаются четыре имени того же значения: *Әсәд* и *Хәйдәр* (араб.), *Шир* (перс.), *Арслан* (тюрк.)⁸.

В татарском антропонимиконе на основе заимствованных арабских имен *Газанфар*, *Лаис*, *Хәйдәр*, *Әсәд* и персидского *Шир* ‘лев’, а также татарского *Арслан* был образован шестичленный синонимический ряд. Имена *Арслан*, *Хәйдәр*, *Шир* кроме своих функций антрополексем, выступают в качестве антропокомпонентов, образуя ряд сложных синонимичных мужских имен: *Галиарслан~Галихәйдәр~Галишир*; *Арслангали~Хәйдәргали~Ширгали*; *Арсланзадә~Хәйдәрзадә~Ширзадә*; *Арсланхан~Хәйдәрхан~Ширхан*; *Арсланбәк~Асланбәк~Хәйдәрбәк* и др.

В древнетюркском и старотатарском языках существовало слово *тәңре* ‘бог’. Из арабского языка были заимствованы слова с тем же значением — *алла*, *мәүла*, *рахман*, *рәхим*, *хак*, *кәрим* и другие, из персидского — *ходай* и *яздан*. В связи с этим в историческом антропонимиконе татарского языка появились сложные синонимичные мужские имена: *Тәңрегол~Аллагол~Рахмангол~Ходайгол*; *Тәңребирде~Аллабирде~Кәримбирде~Мәүлабирде~Хакбирде~Ходайбирде* и др.

Старотатарское имя *Күгәрчен* ‘голубь’ и однозначные с ним персидское имя *Кабутар* и арабское *Юныс* образовали синонимическое гнездо мужских имен. Первые два у татар вышли из употребления. В Рыбно-слободском районе Татарии имеется деревня *Күгәрчен*, в Башкирии — район и районный центр с тем же названием. От имени *Кабутар* у казанских татар образована фамилия *Кабутаров*. Имя *Юныс* широко распространено среди татар и поныне.

⁸ См.: В. А. Никонов. Имя и общество. М., 1974, стр. 89.

У болгаро-татар существовал обычай нарекать именем *Булэк* 'дар' ребенка, отец которого умер до его рождения, или отец и мать умерли вскоре после его рождения. Такой ребенок считался подарком отца или матери. Подобный обычай имелся и у других народов. Так возникли следующие имена: в арабском — *Гата, Инам, Ибэт (хибэт), Наил, Нәфил, Туфаил, Төхфэт* — мужские имена; *Гатия, Хиба, Наилә, Нәфилә, Һадия* — женские имена; в персидском — *Нияз* — мужское имя, *Нияза и Ниязия* — женские имена. Позже эти имена стали употребляться и в татарском языке, образовав синонимические ряды личных имен: а) *Булэк~Гата~Инам~Ибэт~Наил~Нәфил~Туфаил~Төхфэт* — мужские; б) *Булэк~Гатия~Наилә~Нәфилә; Булэкбану~Һадиябану~Булэкбикә~Һадиябикә* и др. — женские.

Более ста пятидесяти сложных мужских и женских имен татарского антропонимикона образовано с помощью антрополексемы *миңле (миңне~миң)* 'с родинкой', 'родинка'. В древности считали, что родимое пятно является знаком счастья. Новорожденного с родинкой на теле нарекали сложным именем с компонентом *миңле (миңне)*. Персидские и таджикские слова *хол~хал* с тем же значением вошли в татарский язык в варианте *кал*. В дальнейшем от этих антрополексем образовалось большое количество сложных синонимичных мужских и женских имен: а) *Калбай~Миңлебай; Калбэк~Миңлебэк* и т. п.; б) *Калбану~Миңлебану; Калбикә~Миңлебикә; Калзадә~Миңлезадә* и т. п.

У тюркских народов, в том числе и у болгаро-татар, новорожденного мальчика нередко нарекали именем *Кылыч* 'меч, сабля', чтобы отпугнуть от него злых духов и вырастить острым на язык. Подобный обычай существовал также у арабов и иранцев. В татарской антропонимикон вошли однозначные с данным словом арабские имена *Саяф, Сәйф, Хисам* и персидское имя *Шәмсир*, образовавшие синонимическое гнездо мужских имен.

Синонимичные слова: тюрко-татарское — *хан*, арабское — *солтан* и персидское — *шаһ* — трансформировались в антрополексемы *Хан~Солтан~Шаһ*. С их участием были образованы сложные мужские имена: *Хангали~Солтангали~Шаһгали (>Шагали); Хангәрәй~Солтангәрәй~Шаһгәрәй; Ханбэк~Солтанбэк~Шаһбэк; Ханәхмәт~Солтанәхмәт~Шаһиәхмәт* и др.

Называть мальчиков именами, означающими силу, храбрость, выносливость, а девочек — красоту, изящество, нежность — характерная особенность болгаро-татарской антропонимии. Девочек часто называли именами, обозначающими названия цветов, небесных тел, драгоценных камней и дорогих предметов. Женские имена с подобными значениями, различные по происхождению, образовали синонимические гнезда: а) *Лалә (перс.)~Лилия (лат.)~Тюльпан (голланд.); Миләүшә (перс.)~Фиалка (греч.)* — по названиям цветов; б) *Йолдыз (тюрко-татарск.)~Әсфирә (древне-иранск.); Чулпан (тюрко-татарск.)~Зәһрә (араб.)~Венера (лат.); Таңйолдыз (тюрко-татарск.)* — по названиям небесных тел; в) *Балкыш (тюрко-татарск.)~Ламига (араб.)~Нура, Нурия (араб.)~Һалә (араб.)~Светлана (русс.)* — по названиям небесных светил; г) *Эңжә (тюрко-татарск.)~Дөррия (араб.); Эңжекамал~Дөркамал; Эңжежамал~Дөржамал* и другие — по названиям драгоценных камней.

По очень древнему обычаю болгаро-татар ребенку, рожденному при полной луне и при ее восходе, давали имя, включающее антрополексему *ай* 'луна', имеющее и переносные значения: красивая, нежная, прекрасная, белая, чистая и др. Этот компонент включает большое количество

женских и мужских имен. Из арабского языка заимствованы имена и компоненты имен Камэр и Бэдэр (Бэдри), из персидского — Маһи со значением «луна». На их основе были образованы синонимические гнезда личных имен, в большинстве женских: *Маһия* ~ *Камэрия* ~ *Бэдрия*; *Ай-бикә* ~ *Маһибикә* ~ *Камэрбикә*; *Айбану* ~ *Маһибану* ~ *Камэрбану* и др.; *Камэржан* ~ *Маһижан* — синонимичные мужские имена.

Можно привести множество примеров образования синонимичных имен, появившихся в результате совпадения значения слов, заимствованных из разных языков: *Ирек* (тюрко-татарск.) ~ *Азат* (перс.) 'свободный'; *Таир* (араб.) ~ *Фэрвас* (перс.) 'летающий' и другие — мужские имена; *Сандугач* (тюрко-татарск.) ~ *Былбыл* (перс.) ~ *Гандәлиф* (араб.) 'соловей'; *Акчарлак* (тюрко-татарск.) ~ *Лариса* (греч.) 'чайка' и другие — женские имена.

Таким образом, антропонимикон татарского языка достаточно богат синонимичными личными именами, образующими соответствующие синонимические гнезда.

3. Антонимичные личные имена татарской антропонимической системы.

Основу старотатарских женских имен Ачи (Ачы) и Татлы, составляют антонимичные слова *ачы* 'горький' и *татлы* 'сладкий'. Антонимичными являются и сложные мужские имена Ачыбай и Татлыбай.

Некогда у тюркских народов были распространены сложные по структуре антонимичные личные имена типа *Олыхан* (вариант *Улухан*) — *Кечехан*; *Улугбәк* (Олыгбәк) — *Кечебәк*; *Улугмахаммат* — *Кечекмахаммат*, образованные путем соединения антонимичных слов *олы* 'старший, взрослый, большой' и *кече* 'младший, малый, маленький' с одними и теми же компонентами личных имен. Появлению таких имен способствовал обычай называть старшего сына в семье именем с компонентом *улуг* (*олы*), младшего сына — именем с компонентом *кечек* (*кече*). Ср. *дәү абый* 'старший брат' — *кечкенә абый* 'младший брат', *дәү апа* 'старшая сестра' — *кечкенә апа* 'младшая сестра'. С этими компонентами был образован также целый ряд микропонимов и топонимов. Этот обычай был типичен и для многих других языков. Перешедшие к татарам из арабского языка антонимичные личные имена *Әкбәр* 'большой, взрослый, самый большой, самый великий' — *Сәғыйрь* 'младший, маленький', *Галиәкбәр* 'взрослый, старший Гали' — *Галиәсгар* 'младший, маленький Гали' возникли именно благодаря этому обычаю. Подобный обычай имелся и у русских⁹. Более тридцати пар антонимичных личных имен татарского антропонимикона образовано при помощи антонимичных слов, антрополексем, обозначающих цвета *ак* 'белый' и *кара* 'черный': *Акарслан* — *Караарслан*, *Акбай* — *Карабай*, *Акбарс* — *Карабарс* и др.

В древнерусском антропонимиконе также имеется большое количество сложных по структуре личных имен и фамилий, содержащих антонимичные слова, означающие противоположные цвета — белый и черный, например: *Белобород* — *Чернобород* (Белобородов — Чернобородов), *Белобровка* — *Чернобровка* и т. д.

В древности у тюркских народов, в том числе и у татар, имелся обычай называть родившегося ребенка некрасивым, отталкивающим именем со значением «плохой» с целью отвлечь от новорожденного

⁹ См.: С. Б. Веселовский. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974, стр. 45, 192.

нечистую силу и злых духов. Так возникли в татарском антропонимиконе имена *Яман, Ямантай, Яманбикэ* и др.

Желание родителей видеть свое дитя счастливым, здоровым, благополучным способствовало появлению имен, основы которых восходят к словам со значением «хороший». Так возникли антонимичные имена *Яман* и *Яхшы*. Антонимичными являются также сложные личные имена, образованные путем прибавления к антрополоксемам *яхшы* и *яман* компонентов личных имен; ср.: *Яхшыбай—Яманбай, Яхшыбикэ—Яманбикэ, Яхшыгол—Ямангол* и др. В настоящее время в татарских семьях подобные имена уже не встречаются. Они сохранились в основном в фамилиях: *Яманов, Яхшиев* и т. п. Существуют деревни, основы названий которых восходят к подобным личным именам.

4. Омонимичные личные имена не получили большого распространения и в татарском антропонимиконе не превышают двух десятков.

Возникновение омонимичных личных имен связано либо с расширением и дифференциацией значений одного и того же слова, либо с омонимами, вошедшими в литературный язык из диалектов или других языков.

Тулэк I («весенний ягненок, ягненок, родившийся весной») — *Тулэк II* («долг, который необходимо отдать, оплатить») — древние тюрко-татарские омонимичные мужские личные имена, образованные на основе одинакового произношения и звучания, но обозначающие разные понятия.

Назил I («спускающийся с неба ангел») — мужское имя арабского происхождения — *Назил II* («нега родины», «ласка родины») — мужское имя, образованное в 30-е годы нашего столетия путем соединения персидского слова *наз* «нега, ласка», с татарским словом *ил* «родина, страна, отечество, государство», ср.: *Илназ* — женское имя, состоящее из тех же компонентов, что и *Назил II*, но имеющее обратный структурный порядок, то есть эти имена являются метакомпонентонимами.

Генезис антропокомпонента *нар*, участвующего в образовании татарских сложных личных имен типа *Нарбэк* (мужское имя), *Нарзифа* (женское имя) можно объяснить на основе двух языков: 1) по-арабски *нар* «огонь, пламя»; 2) по-персидски *нар* «гранат, плод граната». Поскольку этот компонент личных имен *Нарбэк* и *Нарзифа* омонимичен, то этимологию этих и подобных им личных имен необходимо рассматривать, основываясь на двух данных источниках.

Происхождение антропокомпонента *сал*, участвующего в образовании сложных мужских имен татарского антропонимикона типа *Салбай, Салморза, Салмахаммат* и т. д. можно объяснить также на основе понятий двух языков: 1) тюрко-татарского *сал* «увесистый, крепкий, сильный, здоровый» и 2) персидского *сал* «родина, отечество».

Тюрко-татарское имя *Дамир* (М. З. Закиев считает его вариантом имени Тимер; *тимер* «железо») в языках огузской группы произносится *демир*; отсюда *Дамир*¹⁰ омонимично с русским именем Дамир, возникшим в результате сокращения лозунгов «Да здравствует мир» или «Даешь мировую революцию».

Возникновение активно употребляющегося с 30—40-х годов имени Ренат (известен также вариант Ринат) объясняется на основе двух источников: оно восходит, с одной стороны, к латинскому *ренатус* «обнов-

¹⁰ См.: М. З. Закиев. Исеми жисемне туры килсен. — В кн.: Г. Ф. Саттаров. Татар исемнәре сүзлеге, Казан, 1981, стр. 6.

ленный, возрожденный; вновь рожденный, вернувшийся к жизни¹¹, с другой — к имени возникшему в русском языке в результате сокращения слов «революция», «наука», «труд».

Как видим, существование омонимии в ономастике приводит к возникновению ряда трудностей при раскрытии этимологии антропонимов, топонимов и других ономастических категорий (зоонимов, этнонимов, космонимов и т. д.), к появлению «омонимического барьера»¹², для преодоления которого ономатологу необходимо исследовать множество всевозможных этимологических вариантов.

¹¹ См.: «Справочник личных имен народов РСФСР», М., 1979, стр. 449.
¹² См.: Г. Ф. Саттаров. Татарстан АССРның антропотопонимнары. Казан, 1973, стр. 90.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

М. А. АХМЕТОВ

НЕАФФИКСАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Грамматические средства языков подразделяются на синтетические, выражающие грамматические значения¹ слитно, внутри отдельной словоформы (аффиксация, флексия, повторы, ударение), и аналитические, выражающие грамматические значения вне словоформы, при помощи взаимоотношений, в которые вступают слова в составе словосочетания и предложения (служебные слова, порядок слов, интонация и др.)². В зависимости от используемых грамматических средств, языки именуются либо синтетическими, либо аналитическими. Указанное подразделение грамматических средств является, разумеется, весьма условным, ибо, во-первых, нет языков, в которых грамматические значения выражались бы чисто синтетическими средствами, и, во-вторых, ни в одном языке синтетические средства не выражают грамматические значения исключительно внутри отдельной словоформы. Например, в индоевропейских языках префиксы и суффиксы не выражают синтаксических отношений³, а флексии, как правило, многозначны и служат для выражения не отдельного грамматического значения, а комплекса таких значений. Как пишет В. И. Дегтярев, «для флексии функция выражения грамматических значений не является самодовлеющей функцией, хотя грамматические значения как раз и выражаются именно флексией. Функцию выражения грамматических значений флексия выполняет через функцию оформления грамматических связей и отношений слов в предложении»⁴ (выделено нами. — М. А.). Другими словами, грамматические значения словоформ, у которых многозначны и корень слова, и аффиксы, и флексии, выражаются посредством ограничения семантического объема (полисемии) слова и словоформы, то есть конкретизацией, выделением (и созданием) определенного, необходимого при данном акте коммуникации, значения

¹ В данной статье под термином «грамматическое значение» понимается категориальное значение (то есть составляющее грамматическую категорию), выражающее как деривационные, так и реляционные отношения, а под термином «грамматические средства (способы)» подразумеваются внешние (формальные или грамматические) выражители грамматических значений, выполняющие смысловозначительные функции. Как нам кажется, со времен А. А. Шахматова, Л. В. Щербы, В. В. Виноградова эти термины в указанных значениях устоялись в советском языкознании, а высказывавшиеся впоследствии различные толкования не затрагивали основной сути этих терминов.

² Л. И. Баранникова. Введение в языкознание. Саратов, 1973, стр. 214.

³ В. И. Дегтярев. Основы общей грамматики. Ростов, 1973, стр. 70.

⁴ Там же, стр. 62.

в составе словосочетания и предложения, как это происходит в аналитических языках. Следовательно, и для синтетических языков в выражении реляционных и деривационных значений позиция в системе играет не меньшую роль, чем для аналитических языков. Это указывает на то, что во всех типах языков в выражении грамматических значений основную роль выполняют аналитические средства. Из этого следуют, по крайней мере, два вывода, определяющие развитие структуры и метод исследования языков: 1) в языках разных типов исторически развивался процесс либо увеличения, либо уменьшения синтетических средств внутри аналитических средств, то есть по традиционной терминологии — «переход» строя языка из «аналитического» в «синтетический» и наоборот. Одновременно происходило уравнивание данных двух способов, как это наблюдается в агглютинативных языках, например в тюркских, для которых характерна статичность структуры на протяжении многих веков; 2) для выявления системы функционирования и особенностей исторического развития языка необходимо изучение всех видов его грамматических средств и, по возможности, определение тенденции развития каждого из них. Поэтому при рассмотрении всех типов языков многообразные методы и приемы их описания должны основываться на принципах «от формы к значению» и «от значения к средствам его выражения», конечно, с учетом специфики языка, заключающейся в развитости или слабой развитости его морфологической системы⁵.

Тюркские языки (современные и древние письменные) из грамматических средств обычно используют аффиксацию (то есть суффиксацию), служебные слова, порядок слов, интонацию, редупликацию и ударение. Тип тюркских языков определяется, в связи с характерной для них аффиксацией, как агглютинативный в составе синтетического строя.

К аффиксации близки по своим функциям служебные слова. О функциональной близости отдельных служебных слов в тюркских языках к аффиксам писали А. Н. Кононов⁶ и А. А. Юлдашев⁷. Согласно определению Е. С. Кубряковой, «служебные слова-морфемы — это функциональные эквиваленты аффиксов, и они часто функционально изоморфны связанным служебным морфемам (ср. роль сочинительных союзов и соединительных гласных в сложных словах, роль падежных флексий косвенных падежей и предлогов и т. п.)»⁸.

В то же время, по сравнению с индоевропейскими, тюркские аффиксы, как известно, в большей степени моносемантичны и близки к служебным словам. В тех же случаях, когда тюркские аффиксы многозначны, это проявляется не в одной, а в различных позициях, за исключением, может быть, нескольких личных аффиксов: *kildem* 'я пришел' и *kildek* 'мы пришли'.

Самой значительной особенностью, сближающей служебные слова с аффиксами, по-видимому, является их переход во многих случаях в процессе развития в аффиксы, что также обуславливается их функциональной близостью.

⁵ «Принципы описания языков мира», М., 1976, стр. 7—52 (глава написана Б. А. Се-ребренниковым).

⁶ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 259, 297, 314.

⁷ А. А. Юлдашев. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965, стр. 268—270.

⁸ Е. С. Кубрякова. Морфологическая структура слова в современных германских языках. — В кн.: «Морфологическая структура слова в индоевропейских языках». М., 1970, стр. 144.

Как известно, в тюркских языках грамматические значения выражаются порядком слов и интонацией. Часто употребляется и редупликация, несколько реже — ударение. Редупликация по своим функциям и роли близка к порядку слов в предложении, ибо она представляет собой «элементарную синтаксическую связь в чистом виде»⁹ и оформляется характерной для нее интонацией. Тюркская редупликация не повторяет значения аффиксов и служебных слов, являясь дополнительным, вернее, параллельным в этом отношении средством. Ударение — это часть или вид интонации, то есть как грамматическое средство, оно выступает лишь при омонимии слов (словоформ) в связи с исторической закрепленностью ударения за разными слогами: ср. *мѹка* и *мукá* в русском языке, *jaŋu* 'новый' и *jaŋu* 'только что' в башкирском. Поэтому и не существует словообразовательных моделей ударения с определенным потенциальным значением.

Одной из отличительных особенностей, свидетельствующей о функциональной близости друг другу таких грамматических средств, как порядок слов, редупликация, интонация и ударение, а также об их противопоставленности аффиксальным и служебным средствам, является то, что эти средства в процессе развития языка не переходят в аффиксы и служебные слова, а употребляются параллельно с ними и в некоторых случаях дополняют их. Поэтому в ходе развития языка они могут лишь «вытеснить друг друга». История тюркских языков показывает, что аффиксальными и служебными средствами постепенно вытеснялись такие грамматические средства, как порядок слов, интонация, редупликация. В современном башкирском языке одинаковые значения выражаются порядком слов, интонацией либо с помощью аффиксов, служебных слов, причем верх берет тенденция к преимущественному употреблению последних. Об этом наглядно свидетельствуют следующие примеры: *buŧ alyu* — *buŧqa* (*buŧlaj*) *alyu* 'взять бесплатно, без оплаты', *jamuug köp* — *jamuurgly köp* 'дождливый день', *biŧ kileü* — *biŧ rät(qat) kileü* 'приходить пять раз' и др.

Таким образом, исходя из функциональной близости и основанных на этом исторических закономерностей, грамматические средства тюркских языков можно подразделить на две группы: аффиксально-служебную, в которую входят аффиксация и служебные слова, и неаффиксальную, включающую порядок слов (сюда относится и синкретизм глагольно-именных основ, конверсия), редупликацию, интонацию, ударение.

Деление грамматических средств на аффиксально-служебные и неаффиксальные на первый взгляд противоречит традиционному делению на синтетические и аналитические средства, согласно которому служебные слова относятся к синтетическим, то есть аффиксальным, средствам, а редупликация (традиционно определяемая как синтетическое средство) занимает место в одном ряду с аналитическими средствами. По нашему убеждению, тюркскую редупликацию нельзя относить к синтетическим средствам, ибо, помимо сказанного (редупликация — «элементарная синтаксическая связь в чистом виде»), она не имеет словообразовательной модели с определенной семантикой и поэтому не выражает грамматического значения внутри отдельной словоформы. Редулицированные имена существительные выступают со значением неопределенного множества, усиления значения существительного в предложении (своеобразная актуализация), а также в роли прилагательных и наречий. Значение парных существительных опреде-

⁹ Ю. С. Степанов. Основы общего языкознания. М., 1974. стр. 132.

ляется семантикой (лексико-семантической группой) компонентов, а также позицией в предложении. Примеры: *vaqyt-vaqyt* 'иногда, время от времени', *rät-rät* 'рядами', *saq-saq* 'чуть-чуть', 'еле-еле', *tau-tau toqtar* 'горы мешков' и т. п.

На основе сказанного турецкие аналитические грамматические средства также делятся на две группы: служебно-аналитическую, функционально и исторически близкую к аффиксальным средствам, и чисто аналитическую, включающую порядок слов, редупликацию, интонацию и ударение.

Неаффиксальные средства выражения грамматических значений в турецких языках употребляются довольно активно. По нашим подсчетам в современном башкирском языке лишь от 60 до 70 процентов слов (по разным текстам) оформляются аффиксами, причем служебные слова автоматически включаются в это число, ибо абсолютное большинство служебных слов всегда употребляется с аффиксами. Неаффиксальные грамматические средства выражают многочисленные деривационные и реляционные значения.

Порядок слов как грамматическое средство имеет, по нашему мнению, словообразовательные функции конверсии имен существительных в прилагательные: *kötmöş* 'серебро', *kötmöş jöðök* 'серебряный перстень'; существительных в наречия (редко): *täräjä* 'нога', *täräjä töşöü* 'спуститься (с лестницы) пешком'; прилагательных в наречия: *jüly* 'теплый' — *jüly höjläseü*, *kejepeü* 'тепло поговорить, одеваться'; прилагательных в имена существительные: *jarly* 'бедный' — *jarly* 'бедняк'; наречий в прилагательные: *aluv* 'далеко', *aluv auyul* 'дальняя деревня'; наречий в существительные (редко): *bejek* 'высоко' — *bejekkä teppeü* 'подняться на высоту'; именных частей речи в глагол (т. н. синкретичные основы; в современном башкирском языке встречается более двадцати таких основ): *öñ* 'берлога' — *öñ-* 'рыть берлогу'; глагольных форм (причастий, имен действия и заложенных форм) в существительные: *jäbäyü* 'пишущий' и 'писатель'; глагольных форм в прилагательные: *ütkäñ* 'прошедший' — *ütkäñ jyl* 'прошлый год'; глагольных форм в наречия: *jäşeren* 'спрятаться' — *jäşeren (uqu)* 'читать тайно'; падежных и некоторых других форм имен существительных в наречия: *buş* 'свободный, ненаполненный' — *buşqa* 'зря, понапрасну'; именных и глагольных форм в служебные части речи (в основном лексикализованные единицы): *jänä* 'еще', от древнетюркского *jan*¹⁰ 'возвращаться' и аффикса деепричастия *-a/-ä*; *jüqha* 'иначе, а то' (*jüq* 'нет' и аффикс условного наклонения *-ha/-hä*). Сюда же может быть отнесено употребление глагольных форм в роли финитных и именных (причастий) глаголов, например: *ul kiläsäk* 'он (обязательно) придет' — *kiläsäk keşe* 'человек, который придет (должен прийти)'.

Роль грамматического средства для выражения отдельных значений категорий выполняет нулевая форма, остальные значения выражаются аффиксально. Кроме основного падежа, безаффиксальные формы имеют: а) винительный неопределенный падеж: *kitar uqu* 'читать книгу', *aças ququ* 'рубить лес', (ср. винительный определенный падеж: *kitarty* 'известную книгу', *açasty* 'определенное дерево'); б) направительный падеж: *Mäskäü baryu* 'поехать в (какую-то неизвестную, невиданную) Москву', *Seber jebäreü* 'послать в (невиданную, неизвестную) Сибирь'; в) родительный падеж: *kolhoz hauynsyhu* 'доярка колхоза' — *kolhozduñ hauynsyhu* 'доярка (определенного, известного) колхоза'.

¹⁰ «Древнетюркский словарь». М., 1969, стр. 231.

Как видно из примеров, употребление основной и других падежных форм полностью связано с категорией определенности—неопределенности. Эта же категория, только в конкретном проявлении актуализации, выражается в факультативном употреблении аффикса множественного числа: *-lar/-lär* (с фонетическими вариантами) в именах и глаголах: *hujug köttö* 'пасти коров' — *hujug ðar(ðu) köttö* 'пасти (определенных, известных) коров' и др.¹¹

Редупликация (полные повторы, повторы самостоятельных лексем и повторы со словом-эхом) выполняет следующие функции.

1. Образования новых слов со значением, вытекающим из значений компонентов: *aş-hyu* 'кушанье, угощение' (букв. 'еда-вода'), *bälä-qaza* 'горе, несчастье', *hatyu-alyu* 'купля-продажа'.

2. Выражения множественного числа: *bala-saya* 'дети', *bejek-bejek taubar* 'высокие-высокие горы'.

3. Продолжительности действия: *bara-bara* 'идя-идя', *eşläj-eşläj* 'работая-работая'.

4. Усиления значения слова (интенсив): *obop-obaq* 'долгий-предолгий', *ikheð-sikheð* 'бескрайний, безграничный'.

5. Образования прилагательных: *qosaq-qosaq utyn* 'охапки дров', *toq-toq aşlyq* 'мешки зерна'.

6. Образования наречий: *qat-qat* 'рядами', *başqa-başqa* 'в отдельности', *aqrup-aqrup* 'потихоньку'.

В башкирском языке интонация без других дополнительных грамматических средств указывает на повествование, выражает вопрос, восклицание, отрицание, предикацию имен, утверждение, неуверенность, недовольство и т. п. Кроме того, своеобразной интонацией отличаются парные слова (равнозначные ударения и паузы): *timer-tomog* 'металлолом', *jer-hyu* 'родина' (досл. 'земля-вода'), *arba-arba igen* 'тележки зерна'; перечисление (ударение на первом слове и пауза между перечисляемыми именами): *ösönsö, dürtense, bişense kurs studentary* 'студенты третьего, четвертого и пятого курсов'; атрибутивные сочетания (т. н. I и II изафеты, отличающиеся от интонации единого слова паузой): *altyn başaq* 'золотой колос', *aşas öj* 'деревянный дом', *ivke kitap* 'старая книга' (интонация III изафета или словосочетания с родительным падежом отличается от приведенных); интенсив прилагательных (удлинение последнего ударного слога): *olo-ó* 'очень большой', *bäläkä-äj* 'малюсенький'; просьба, мольба (удлинение последнего ударного слога и понижение голоса): *barma-á* 'не ходи же', *başla-á* 'начинай же', *jüge-ér* 'беги же'; актуализация, выделение (т. н. логическое ударение) и конкретизация при сравнениях типа: *byl mal öjö, masterskoj tügel* 'это сарай для скота, а не мастерская' и др.

Ударение на первый слог (или на первое слово словосочетания) падает во многих наречиях (в отличие от прилагательных и имен конверсных отношений): *jánu* 'только-что' и *janú* 'новый', *bárlıyq* 'весь' и *barlıq* 'что-то имеющееся'; в наречиях, образованных из словосочетаний: *tön buju* 'всю ночь', *báru ber* 'все равно'; в вопросительных местоимениях: *qajhınuhu* 'который из вас (или них)', *näma* 'что' (ср.: *qajhınuhın* 'al' 'некоторые из них возьми'); в конверсированных из имен наречиях: *ut janı* 'гореть, как огонь', *qap qudu* 'красный, как кровь'; во 2-м лице повелительного наклонения: *ıqu* 'читай', *barma* 'не ходи', *átla* 'шагай' и др.¹²

¹¹ Подробнее о специфике множественного числа в тюркских языках см.: С. Н. Иванов. Курс турецкой грамматики. Часть I. Л., 1976, стр. 15—16.

¹² О перемещении ударения в современном башкирском языке подробнее см.: «Грамматика современного башкирского литературного языка». М., 1982, стр. 68.

Как видно из приведенных примеров, почти во всех категориях тюркских языков наряду с аффиксально-служебными имеются и неаффиксальные способы выражения, поэтому грамматическая сущность многих аффиксов и служебных слов выявляется лишь при их сопоставительном изучении с безаффиксальными параллелями.

Все это указывает на необходимость изучения неаффиксальных средств для выявления системы функционирования тюркских языков, которая не может быть понята без комплексного рассмотрения аффиксально-служебных и неаффиксальных способов выражения грамматических значений.

Между тем неаффиксальные средства выражения грамматических значений изучены в значительно меньшей степени, нежели аффиксально-служебные, ибо до последних десятилетий тюркологические исследования посвящались в основном изучению аффиксов и служебных слов. Работ же, в которых наряду с аффиксально-служебными рассматривались бы и неаффиксальные средства выражения отдельных грамматических категорий, весьма мало.

В последние годы неаффиксальные средства, в частности порядок слов (конверсия, синкретизм глагольно-именных основ), редупликация привлекают все большее внимание ученых. Появляются труды, посвященные нулевым аффиксам в тюркских языках и более детальному изучению редупликации и ударения.

Сравнительно-сопоставительное изучение развития аффиксально-служебного и неаффиксального способов может стать незаменимым при выявлении этапов развития строя тюркских языков, путей и причин возникновения аффиксально-служебного способа и, в частности, отдельных аффиксов и служебных слов. Проиллюстрируем это на нескольких примерах.

В приведенных выше параллельных выражениях одних и тех же грамматических явлений неаффиксальным и аффиксально-служебным способами можно установить первичность того или иного из этих способов. Учитывая, что примеры с неаффиксальным выражением грамматических значений, такие как *til-tildä* 'в (различных) языках' в казахском языке, *täräǰ töşöi* 'спуститься пешком' (досл. 'нога спустится'), *ut jaluı* 'гореть, как огонь' (досл. 'огонь гореть'), в башкирском языке воспринимаются как реликтовые сочетания и их следует считать наиболее древними.

Можно сказать, что современные тюркские литературные языки имеют явную тенденцию к увеличению аффиксально-служебного способа выражения. Об этом говорит хотя бы то, что многие случаи неаффиксального выражения грамматических значений все чаще заменяются аффиксами и служебными словами (примеры см. выше). Сравнение древних письменных и современных тюркских языков также свидетельствует о том, что в первых больше употреблялись неаффиксальные способы. Например, в языке орхон-енисейских памятников падежные значения часто выражались безаффиксально, в то время как употребление падежных аффиксов в современных тюркских языках в большинстве случаев носит обязательный характер. В языке древнетюркских надписей вспомогательные глаголы *bol-*, *it-* не встречаются в форме деепричастия в адвербиальном значении, подобно тому, как это наблюдается в современных тюркских языках, поэтому имя существительное конверсируется в наречие посредством изменения порядка слов: *qayap olurtym* (КТм) — *qayap bulyp ultyrđym* 'я сел каганом', *...qyrqyz qayapnuı balbal tikdim* (КТ6, 25), *...qyrquđ qaranyn balbal itep qujđym* 'киргиз-

ского кагана поставил балбалом'. В древнетюркских письменных памятниках употреблялись редко или же не употреблялись вовсе вспомогательные слова *keïek*, *humaq*, *köjō*, *gāt*, *qabat* и другие, в результате чего имена существительные или числительные в предглагольной позиции конверсировались в наречие.

Менее употребительными были аффикс обладания *-ly/-le* и аффикс множественного числа *-lar/-lār* и т. д. Методом последовательного исключения случаев неаффиксального выражения определенных грамматических значений можно выявить более ранние значения и функции тюркских аффиксов и служебных слов.

Изучение порядка слов в тюркских языках необходимо для доказательства гипотезы о возникновении аффиксов из слов. Современный порядок слов, характеризующийся препозитивностью пояснительных, конкретизирующих слов и частиц, препятствует возможности возникновения из них аффиксов. Для того, чтобы утверждать, что такие аффиксы как, например, аффикс множественного числа (ср. *kür at*, *ber-nisä at*, *han-huδ at*, но *atlar*), аффикс винительного падежа (*tege at*, *byl at*, *ul at*, но *atty*), аффикс уменьшительной степени прилагательных (*quδyl-hu* < *quδyl* + *hu* при современном порядке слов просто 'красная вода', а 'водянисто-красный' — это *huuly quδyl*, *hu quδyl*) и т. д. возникли из слов, необходимо доказательное восстановление существовавшего в прошлом обратного порядка слов.

Изучение неаффиксальных средств выражения позволяет аргументировать высказывающиеся мнения о развитии строя языка. Так, например, в тюркологической литературе высказывалась гипотеза о том, что современные глаголообразующие аффиксы в древности были формообразующими. Эта гипотеза подтверждается тем, что при синкретизме глагольно-именных основ важнейшим словообразующим средством глагола был порядок слов, а аффиксы глагола выражали конкретные категории, присущие глаголу. Точно такое же положение со словообразованием прилагательных существует в современных тюркских языках, где функцию основного словообразовательного средства выполняет порядок слов (позиция перед именем существительным), а большинство так называемых «словообразовательных аффиксов прилагательных» в сущности являются формообразовательными, выражающими конкретные грамматические значения: обладания (аффикс *-ly/-le*), отсутствия признака (*-huδ/-heδ*), сравнения (*-daj/-dāj*) и др.

На соотношение аффиксально-служебного и неаффиксального способов выражения в истории тюркских языков существуют два взгляда. Одни исследователи полагают, что некоторые неаффиксальные средства древнее аффиксальных. Другие считают, что агглютинативные языки развились из корневых и, следовательно, тюркские аффиксы возникли из некогда самостоятельных лексем через промежуточную ступень служебных слов. Однако некоторые сторонники второй точки зрения полагают, что многие неаффиксальные средства, такие, например, как порядок слов и интонации, являются более поздними, возникшими путем редуцирования и эллиптирования аффиксов (в свою очередь восходящих к самостоятельным словам) и связочных элементов полных синтаксических конструкций. Здесь, как нам кажется, обнаруживается главное противоречие между представителями данного направления, ибо, как известно, основными грамматическими средствами корневых языков являются порядок слов и интонация. Изменение строя древних и современных индоевропейских языков показывает, что во все периоды их развития существовали разные грамматические средства при наличии

одного, интенсивно развивающегося. Поэтому трудно допустить, что тюркские языки в любую эпоху их развития не знали иных грамматических средств, кроме служебных слов. В этом отношении представляет большой интерес мнение Г. П. Мельникова о том, что строй урало-алтайских языков «...начал специализироваться в таком способе передачи информации, при котором в предложении используются по возможности полнозначные слова, а конкретизация смысловых (деривационных) и синтаксических (реляционных) значений слов осуществляется в первую очередь за счет контекста и строгого порядка слов, и лишь когда этих средств недостаточно, допускается использование формальных уточнителей. Эти уточнители приобрели форму аффиксов, т. к. изолированно употребляемый уточнитель представлял бы чисто служебное слово, что противоречило бы условию использования полнозначных слов»¹³.

Вторая ошибка некоторых представителей традиционного направления состоит в том, что они склонны считать корневое состояние наиболее древним этапом в развитии строя тюркских языков. Таким образом, возникновение грамматических категорий и средств их выражения они связывают с развитием мышления человека, в то время как хорошо известно, что в истории современных языков невозможно предположить существование каких-то схем прямого, непосредственного развития от низшего состояния к высшему, и что современные языки в процессе исторического развития несколько раз меняли свой грамматический строй. Из этого следует, что грамматический строй языка не связан непосредственно с уровнем развития мышления. Эти положения, имеющие, по нашему мнению, методологическое значение, заставляют компаративиста избрать чисто лингвистический метод изучения, то есть в данном случае — скрупулезный учет тенденций развития всех грамматических средств языка и строгое доказательство соотношения этих грамматических средств в определенные периоды его развития. Только таким образом представляется возможным поэтапное восстановление строя языка до определенного предела.

Неаффиксальные средства выражения грамматических значений распространяются почти на все категории тюркских языков. Однако в письменном языке они встречаются лишь в 30—40 процентах тюркских текстов.

Таким образом, неаффиксальные средства выражения грамматических значений играют большую роль в системе функционирования современных тюркских языков, и сравнительно-сопоставительное изучение аффиксально-служебных и неаффиксальных грамматических средств выражений языка является единственным научным лингвистическим методом, раскрывающим их природу.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- КТм — памятник в честь Кюль-тегина, малая надпись.
КТб — памятник в честь Кюль-тегина, большая надпись.
ДТС — «Древнетюркский словарь», М., 1969.

¹³ Г. П. Мельников. Принципы системной лингвистики в применении к проблемам тюркологии. — «Структура и история тюркских языков», М., 1971, стр. 124.

А. Ш. САДЫХОВ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СИНТАКСИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ВВОДНЫХ СЛОВ И ВВОДНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Существует целый ряд суждений о происхождении и синтаксической сущности вводных слов и вводных предложений. Известный русский языковед Ф. И. Буслаев рассматривал предложения с вводными словами как один из видов сложного или слитного предложения. По его мнению, вводные слова «должны бы быть соединены» с основным предложением «по способу подчинения», хотя они вставлены в предложение, как он пишет, «без всякой видимой грамматической связи»¹. Употребление союза «что» с вводным словом Ф. И. Буслаев считает ошибочным, так как при этом вводное слово (предложение) превращается в главное. Он предлагает в подобных случаях «выпустить лишний союз *что*», ибо именно тогда выражение будет выступать как подлинно вводное предложение².

А. Г. Руднев, разделяя мнение Ф. И. Буслаева, пишет: «...есть основания полагать, что значительная часть вводных слов и словосочетаний в прошлом выступала в роли главных либо придаточных или во всяком случае отдельных предложений»³. Этот автор утверждает, что «немало вводных членов предложения, которые возникли иным путем, например, из наречий и других частей речи в роли обстоятельств, сказуемого или дополнения»⁴. Считая вводные слова членами предложения, он отмечает наличие связи между вводным членом и другими членами предложения, называя эту связь «соотносительной связью»⁵. Соответственно вводные предложения он именует «вводными придаточными предложениями»⁶.

М. З. Закиев разделяет эту концепцию А. Г. Руднева и пишет, что он «...на конкретных примерах убедительно доказывает, что традиционное понимание вводных слов, как стоящих вне предложения и не являющихся членами его, не соответствует действительности, и что вводное слово является полноправным членом предложения»⁷. При этом он дает собственное определение вводных слов («вводных членов»): «Член предложения, служащий для выражения отношения говорящего к высказываемой мысли, называется вводным словом (вводным членом)»⁸. Та-

¹ Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1959, стр. 281.

² Там же, стр. 552.

³ А. Г. Руднев. Синтаксис современного русского языка. М., 1963, стр. 203.

⁴ Там же, стр. 203.

⁵ Там же, стр. 217.

⁶ Там же, стр. 318—322.

⁷ М. З. Закиев. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963, стр. 73.

⁸ Там же, стр. 73—74.

ким образом, М. З. Закиев, считая вводные слова основными членами предложения, вместе с тем утверждает, что некоторые вводные слова образовались из компонентов сложноподчиненного предложения и рассматривает вводное предложение как придаточное: «...вводные предложения органически связаны с главным»⁹.

А. З. Абдуллаев в своей книге «Сложноподчиненные предложения в современном азербайджанском языке» указывает, что большинство вводных слов и предложений образуется в результате трансформации главного и придаточного предложений¹⁰. Таким образом, он разделяет концепцию А. Г. Руднева, М. З. Закиева, а также В. Н. Мигирова¹¹. Этой же точки зрения придерживаются З. Шахбазова¹² и Т. М. Гаджиев¹³.

Прежде чем высказать свою точку зрения на данный предмет, обратимся к примерам:

1. Demäli yaxşı gün öz-özünə gəlməz, onu zəhmətlə gəzməyə lazım-dır 'Значит, хороший день сам собой не придет, его надо заработать трудом'.

2. Allah eləməmiş, belə getsə, ...bir adam say gəlməz (С. Рəhimov) 'Не дай бог, (если) так пойдет, ...ни один человек не останется в живых'.

3. Mən öz həyatımda beləyəm, ...köhnə sözlə desək, bir tanrı özü bilir ki, belədir (С. Рəhimov) 'Я таков в своей жизни, ...если выразиться по-старому, бог свидетель (сам знает), что это так'.

4. Elədir, doktor, əgər məhəbbət dili ilə danışsag, biz 70 ildən artıqdır ki, bu xəstə ilə məşğulug... (А. Мəммədханлы) 'Правильно, доктор, если говорить на языке любви, мы более 70 лет занимаемся этим больным'¹⁴.

В этих примерах выражения demäli 'значит', allah eləməmiş 'не дай бог' не являются результатом трансформации главного предложения, а сочетания köhnə sözlə desək 'если выразиться по-старому', əgər məhəbbət dili ilə danışsag 'если говорить на языке любви' — результатом трансформации придаточного предложения. Приведенные здесь слово demäli и сочетание allah eləməmiş не выражают значения глагола, а как готовые словарные формулы выполняют чисто модальные функции. Если слово demäli в данной позиции где-то выступало в функции главного предложения, то оно никак не может выполнять функции вводного слова, если на то не будет установки автора и не будут тому соответствовать контекстуальные условия.

Употребление в качестве вводного или придаточного предложения сочетаний köhnə sözlə desək и əgər məhəbbət dili ilə danışsag в последующих примерах определяется установкой автора и соответственно контекстуальной ситуацией.

Если в приведенном предложении сочетание köhnə sözlə desək считать придаточным предложением, то выражение bir tanrı özü bilir ki,

⁹ М. З. Закиев. Синтаксический строй татарского языка, стр. 78.

¹⁰ См.: Ә. Абдуллаев. Мүасир Азәрбајҹан дилиндә табели мурәккәб чүмләр. Бақы, 1974, стр. 401—414.

¹¹ См.: В. Н. Мигирин. Разные виды трансформации придаточного и главного предложений в русском языке. — «Известия Крымского педагогического института», т. XIX, 1954, стр. 5—112; его же. Эволюция придаточного и разные виды главного и придаточного предложений в русском языке. Автореф. докт. дисс., Симферополь, 1955.

¹² См.: Ш. Земфира. Вводные слова и вводные словосочетания в современном азербайджанском языке. Автореф. канд. дисс., Баку, 1980.

¹³ См.: Т. М. Гаджиев. Табели мурәккәб чүмләнин трансформасиясы. — В сб.: «Азәрбајҹан дилиндә табели мурәккәб чүмлә мәсәләләри», Бақы, 1983, стр. 90—93.

¹⁴ Примеры взяты из названной книги А. З. Абдуллаева, стр. 406—412.

belädır никак не может считаться главным предложением, так как синтаксическая среда, в которой употреблено это вводное предложение, не отвечает условиям функционирования сложноподчиненного предложения. Здесь может выступать только вводное предложение.

То же самое можно сказать и о четвертом из приведенных выше предложений. Если бы выражение *ägär mähäbbät dili ilä danyşsag*, являющееся здесь вводным, было бы придаточным предложением, то его главным предложением должно было бы быть *biz 70 ildän artygdyr ki, bu hästä ilä mäşyulug*, что невозможно.

Вводные предложения в приведенных примерах могут выступать в качестве придаточных только в совершенно иных контекстуальных условиях, например: 1) *Köhnä sözlä desäk, mädäni çuxmaz* 'Если выразиться по-старому, культурно не получится', 2) *Ägär mähäbbät dili ilä danyşsag, heç käs bizi başa düşmäs* 'Если будем говорить на языке любви, никто нас не поймет'. Превращение придаточных предложений, употребляемых в этих сложноподчиненных предложениях, путем трансформации во вводные невозможно.

Сложное предложение состоит из двух и более простых предложений и выражает одну мысль. При этом одно предложение, частично утрачивая свою самостоятельность, подчиняется другому, семантически его дополняя. А между вводным словом или вводным предложением и основным предложением, в состав которого они входят, подобные отношения подчиненности одного другому отсутствуют.

Вводные слова и вводные предложения могут быть легко устранены из состава основных предложений. В этом случае модальный оттенок, придаваемый выражаемой мысли вводным словом или предложением, утрачивается. Однако это не отражается на основном содержании предложения. Если же в сложноподчиненном предложении опустить главное или придаточное предложение, то результат будет совершенно иным. Если, например, в приведенном выше третьем предложении опустить вводное предложение *köhnä sözlä desäk*, то основная мысль сохранится: *män öz häjatymda beläjäm, ...bir tanrı özü bilir ki, belädır* 'в своей жизни я таков, ...бог свидетель (сам знает), что это так'. Если же это вводное предложение выступает в роли придаточного: *Köhnä sözlä desäk, pis çuxar* 'Если выразиться по-старому, плохо получится', то при его сокращении ясность мысли полностью утрачивается: *pis çuxar* 'плохо получается'.

Как видно из сказанного, слова и предложения могут выступать вводными только в определенной текстовой или синтаксической ситуации, то есть тогда, когда вводное слово или вводное предложение не может выступить в функции главного предложения.

В соответствии с целевой установкой говорящего, им выбираются слова с модальным или реальным значением. Поэтому в высказывании могут быть сокращены или уточнены элементы, не играющие существенной роли в передаче нужной информации. Информационность предложения может изменяться только по воле говорящего, но тогда возникает новое предложение.

Таким образом, вводные слова и вводные предложения, будучи грамматически не связанными с членами предложения, не являются сами его членами. Это указывает на то, что они не вычленились из состава предложения, не были органической частью его конструкции, а были привнесены как бы со стороны с целью выражения субъективного отношения говорящего к высказыванию для придания ему оттенка модальности.

Использование вводных слов и предложений в конструкции основного предложения отражает позднейший этап в развитии языка.

Сложносочиненные предложения, как известно, исторически возникли в результате примыкания простых предложений, семантически и логически соответствовавших друг другу. Сложноподчиненные же предложения развились в последующем из сложносочиненных¹⁵. В отличие от этого, между основным предложением и входящими в него вводными словами (предложениями) в большинстве случаев такие непосредственные семантические и логические соответствия отсутствуют.

Место вводных слов и сочетаний в предложении не локализовано, что еще раз подтверждает, что это свободные, самостоятельные включения. Поэтому употребляемые с ними вспомогательные лексемы выступают в функции не союзов, а, скорее, частиц. «Синтаксические связи с каким-либо членом предложения или с предложением в целом у вводных слов, вводных сочетаний и вводных предложений отсутствуют: даже если в составе вводимой группы есть союз, он в этих случаях не выполняет связующей функции»¹⁶.

А. М. Пешковский отмечает, что «вводные слова и сочетания потому не являются частями данной мысли, что когда-то составляли часть другой мысли. Дело в том, что вводные слова и сочетания образуются из так называемых вводных предложений, т. е. предложений, вставленных в середину других предложений, но не соединенных с ними грамматически»¹⁷.

А. М. Пешковский указывает на возможность перехода вводных предложений в результате исторического морфологического и фонетического развития даже в «частичное слово» (*конечно, да, нет, чай, знать, мол, де, дескать* и т. д.)¹⁸.

Если бы вводные слова образовывались из главного предложения, то при сужении его значения даже до крайней ступени, они сохранили бы свою прежнюю синтактико-семантическую позицию. Полнота или ослабление значения слова, его многозначность — вопросы, относящиеся к словарному фонду языка. В конкретном предложении, выражающем законченную мысль, значение слова не может ослабеть или усилиться. Поэтому нельзя согласиться с мыслью, что вводные слова образовались в связи с семантическим ослаблением самостоятельного члена предложения.

Таким образом, большинство слов, функционирующих в качестве вводных, носит омонимический характер, то есть в реальном значении они могут образовывать даже главные предложения, а в модальном — употребляются в качестве вводных слов. Выступая в соответствующей позиции в функции вводных слов, они никаких словообразующих и словоизменяющих аффиксов не принимают. Об этом пишет и Ф. Зейналов: «...Почти все модальные слова в современном состоянии имеют омонимы»¹⁹. Каждое из значений многозначного слова — модальное и прямое — реализуется в конкретной семантико-синтаксической конструкции.

Употребление вводных слов как в современных тюркских языках,

¹⁵ См.: А. Я. Спринчак. Очерк русского исторического синтаксиса. Киев, 1964, стр. 7; Б. Серебренников, Н. Гаджиева. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979, стр. 281—283.

¹⁶ «Русская грамматика». Т. II. Синтаксис. М., 1980, стр. 229.

¹⁷ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 410.

¹⁸ Там же, стр. 410.

¹⁹ Ф. Зейналов. Мүасир түрк дилләриндә көмәкчи нитг һиссәләри. Баку, 1971, стр. 171.

так и в древних письменных памятниках по материалу, по функциям и по выражаемым ими модальным отношениям ничем не отличается от употребления в современном азербайджанском языке. Это указывает на то, что во всех тюркских языках вводные слова включаются в речь с целью выражения своего субъективного отношения к высказываемому.

Вводные слова и вводные предложения начали функционировать в языке тогда, когда в нем уже существовали модальные слова, сложно-сочиненные и сложноподчиненные предложения. Для выражения отношения говорящего к высказываемому не было необходимости в трансформации главного или придаточного предложений, имевших иное назначение. Следовательно, вводные слова и вводные предложения образовались на относительно поздних этапах развития языка, когда возникла необходимость в выражении своего отношения к передаваемой информации.

В современном языкознании вводные слова, словосочетания и предложения включаются в особую лексико-семантическую группу²⁰. Здесь уместно вспомнить слова А. М. Пешковского о том, что вводные слова «не будучи связаны с какими-либо предложениями в порядке согласования, управления и примыкания, не образуют и частей этих предложений... они остаются элементами, внутренне чуждыми приютившему их предложению, подобно пуле, попавшей в организм»²¹.

А. Н. Кононов тоже характеризует вводные слова и их группы как грамматически не связанные с предложением: «В составе предложения семантически выделяются отдельные слова и группы слов, которые не могут быть отнесены ни к главным, ни к второстепенным членам предложения, ...такие слова и группы слов (предложения) называются вводными»²². И далее: «Вводные предложения, как и вводные члены предложения, не связаны с каким-либо отдельным членом предложения, ...этим своим свойством, особой семантикой и особой интонацией, такие предложения отличаются от придаточных предложений»²³.

Таким образом, вводные слова и вводные предложения исторически образовали некую «автономию» по отношению к основному предложению и не зависят от него. Вводные слова и вводные предложения в устной речи выделяются паузами и особой интонацией.

²⁰ «Русская грамматика», т. II, стр. 229.

²¹ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, стр. 404.

²² А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 391.

²³ Там же, стр. 392.

Ф. Р. ЗЕЙНАЛОВ \ М. Д. НОВРУЗОВ

ОБ ЭТИМОЛОГИИ СЛОВА *altun*

В большинстве слов и словосочетаний аккумулируется информация самого различного характера, накапливающаяся в течение многих веков в процессе формирования и развития данного языка.

В этом отношении не является исключением и слово *altun* 'золото', употребляющееся во многих тюркских языках в различных фонетических формах: *altun* — азерб., диал. кум. и уйг. яз.; *altyn* — тур., туркм., кар-балк., кирг., каз., ног., ккалп., тат., башк., алт., хак.; *a^oltin* — узб., *aldyn* — тув.; *yltan* — чув.; *altan* — як. В древне- и среднетюркских памятниках¹ зафиксирована форма *altun*. В современном саларском языке данное слово встречается в четырех фонетических вариантах².

В большинстве случаев слово *altun* употребляется в значении «золото» и только в якутском имеет значение «медь». Но в якутском фольклоре встречаются случаи употребления его и в значении «золото», например: *altan uja* 'золотое гнездо'.

Среди всех известных фонетических форм, особняком стоит и по значению, и по звучанию як. *altan*. По мнению Э. В. Севортяна як. *altan* заимствовано из монгольского³ (такой же точки зрения придерживается и В. И. Рассадин⁴). Однако Г. Дёрфер полагает, что древнетюркские закрытые гласные имели в якутском языке тенденцию к переходу в открытые, поэтому *altan*, по его мнению, правомерно считать чисто якутской формой⁵.

Небольшие фонетические изменения, встречающиеся в узбекском — *a^oltin*, тувинском — *aldyn* и чувашском — *yltan*, на наш взгляд, не требуют специального рассмотрения, так как обусловлены особенностями, присущими этим языкам.

Для выяснения этимологии слова *altun* следует привлечь материалы не только тюркских, но и языков других семей. Исходя из этого, мы сравниваем данное слово со словами, употребляющимися в индоевропейских, китайско-тибетских, семитских, а также нетюркских языках алтайской семьи с теми же семантическими и фонетическими особенностями.

¹ «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 40; Э. Н. Наджип. Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века. М., 1979, стр. 226.

² Э. Р. Тенишев. Строй саларского языка. М., 1976, стр. 287.

³ Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1976, стр. 142.

⁴ В. И. Рассадин. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М., 1980, стр. 66.

⁵ См.: Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 142.

Данное слово в монгольских языках в значении «золото» зафиксировано в следующих фонетических вариантах: калм. *алтн*, бурят. *алта(н)*, монг. *алт(ан)*, орд. *алта*, монгол. *хардам* и *анта*⁶.

То же можно сказать и о тунгусо-маньчжурских языках, в которых рассматриваемое слово употребляется в значении «жесть», «железо», «медь», «оцинкованное железо». При этом используются разные фонетические формы: ср. эвенк., нег. *алтан* 'медь', эвенк. *алтан*, солон. *алта* 'золото', нан., ульч., уд. *алта(н)*, ороц. *акта(н)* < **алтан* 'жесть', 'оцинкованное железо', маньчжур., нег. *айсин*, нан. *айсй*, *аиси(н)*, *айса(н)*, ульч., орок., уд., ороц., нивх. *айзин* 'золото' и т. д.⁷

Из приведенного явствует, что фонетические формы в маньчжурских языках отличаются от аналогичных в других алтайских языках. По этому поводу В. И. Цинциус и Т. Г. Бугаева пишут: «В отличие от тюркских и монгольских вариантов, особенности фонетического облика маньчжурского и чжурчженского наименования для золота при возведении их к праформе **алтун* вызывают некоторые затруднения... для возведения их к праформе **алтун* необходима реконструкция промежуточных звеньев»⁸.

Праформа этого слова в маньчжурских языках реконструируется следующим образом: **алтин* > **алчин* > **айшин* > **айсин*⁹.

Можно предположить, что праалтайской формой этого слова было *aitun*. Тогда образуется следующая цепочка: общеалтайск. **altun*, тюрк. **altun* (> *altyn*), ~ монг. **alton*, тунг. **altun*, **altan* и маньчжур. **altin*.

Благодаря обширному ареалу употребления это слово давно привлекало внимание исследователей. Так, Г. Рамстедт считает, что оно является сложным словом, состоящим из компонента *al*, широко известного в тюркских и монгольских языках в значении «красный», «рыжий», «розовый», и второго составляющего, представленного в корейском языке либо в виде *ton* со значением «деньги», либо в форме китаизма *ton* в значении «медь», «бронза» и, следовательно, **alton* первоначально означало «красный металл»¹⁰.

С этим мнением согласен и А. М. Щербак¹¹. Г. Дерфёр выступает против данного суждения, считая, что **alton* является дотюркским словом, вошедшим в монгольский язык и через него — в другие языки¹².

В. И. Цинциус и Т. Г. Бугаева полагают, что кор. *ton* 'деньги' и *ton* 'медь' восходят к одному источнику, поскольку обозначение денег, как правило, связано с названиями металлов¹³. Однако, М. Ряснен полагает, что оба эти слова заимствованы из китайского языка, но в разное время¹⁴. В. И. Цинциус и Т. Г. Бугаева считают возможным рассмат-

⁶ В. И. Цинциус, Т. Г. Бугаева. К этимологии названий металлов и их сплавов в алтайских языках. — «Исследования в области этимологии алтайских языков», Л., 1979, стр. 19.

⁷ Там же, стр. 20; В. И. Цинциус. Негидальский язык. Л., 1982, стр. 169; Л. И. Сем. Очерки диалектов нанайского языка. Бикинский (уссурийский) диалект. Л., 1976, стр. 136—137; «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков», т. I (А—Н), Л., 1975, стр. 22 и сл.

⁸ В. И. Цинциус, Т. Г. Бугаева. Указ. раб., стр. 21.

⁹ Там же, стр. 20.

¹⁰ Там же, стр. 22.

¹¹ См.: А. М. Щербак. О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. — «Вопросы языкознания», 1966, № 3, стр. 34.

¹² См.: Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 143.

¹³ В. И. Цинциус, Т. Г. Бугаева. Указ. раб., стр. 22.

¹⁴ Там же, стр. 10.

ривать алтайское *altun* ~ *al-tyn* ~ *al-tan* с исторической точки зрения, как сложное слово, развившееся из архетипа *al+ton* со значением «красный металл», «красное золото», «красная медь»¹⁵. Н. Поппе связывает монг. *altan* 'золото' с тюркским источником¹⁶.

Иной точки зрения придерживается Г. Рамstedт: тюрк. *altun* и монг. *altan* заимствованы из арабского языка — араб. *latun* 'латунь, желтая медь' проникло в тюркские языки¹⁷. В свою очередь, М. Ряснен предполагает, что русск. «латунь», возможно, восходит к тюркскому *altun*, предполагая при этом метатезу в первом слоге — *al<la*¹⁸. Русское «латунь», по мнению Г. Рамstedта, заимствовано из арабского через посредство итальянского или греческого языков¹⁹. Следует отметить, что согласиться с мнениями как М. Ряснена, так и Г. Рамstedта трудно. Этимология М. Ряснена не обоснована с фонетической точки зрения: в перешедших в русский язык тюркских словах, начинающихся с *al-* может исчезнуть гласная в первом слоге (ср. *alacug* — *лачуга*, *alaša* — *лошадь* и т. д.), однако, явление метатезы для первого слова вряд ли возможно. Вызывает сомнения в фонетическом аспекте и этимология Г. Рамstedта, так как в словах с начальным *la-*, перешедших из арабского в тюркские языки, нет ни одного, подвергнувшегося метатезе. В начинающихся с *la-* арабских словах, употребляющихся в современном азербайджанском языке, это тоже не наблюдается; ср.: *labüd* 'неизбежный', 'вынужденный', *lajig* 'заслуживающий', 'достойный', *lajihä* 'проект', *lazum* 'нужный, необходимый'.

В «Кратком этимологическом словаре казахского языка» слово *altun* объясняется как состоящее из двух частей: *al* 'шесть' и *tun<tün* 'белка', *altun<alty tün*²⁰.

По Э. В. Севортыню, *altyn* ~ *altun* произошло в результате слияния слов *al* 'алый' и *ton//toŋ* 'медь'²¹.

Выше уже отмечалось, что второй компонент слова *altun*, то есть *tun*, встречается и в корейском языке в значении «медь»²².

Из приведенного краткого обзора видно, что некоторые исследователи связывают происхождение *altun* (а также его второго компонента) с китайским языком. Действительно, слово *tun* в значении «медь» встречается в китайском языке, ср.: *tun* 'медь', *tun juan* 'медь', 'медяк', 'медная монета'²³.

Однако, на наш взгляд, наличие этого слова в китайском языке еще не дает достаточных оснований для того, чтобы относить его к исконно китайским лексемам, ибо указанные значения не являются первичными, а возникли позднее.

По нашему мнению, *altun* изначально было сложным словом, состоящим из двух компонентов: *al* и *tun*, в последующем слившимися в одно простое слово. Первый компонент *al-* употребляется в большинстве тюркских языков в значении «красный», «алый», «розовый», второй — *tun//toŋ* выражает понятие «шкура». Сюда можно включить и близкое по семантике слово *don//toŋ* 'шуба', 'одежда' — в далеком историческом

¹⁵ В. И. Цинциус, Т. Г. Бугаева. Указ. раб., стр. 10.

¹⁶ См.: Э. В. Севортыня. Указ. раб., стр. 143.

¹⁷ См.: Там же.

¹⁸ В. И. Цинциус, Т. Г. Бугаева. Указ. раб., стр. 24.

¹⁹ См.: Э. В. Севортыня. Указ. раб., стр. 143.

²⁰ «Қазақ тілінің қысқаша этимологиялық сөздігі», Алматы, 1966, стр. 35—36.

²¹ Э. В. Севортыня. Указ. раб., стр. 142.

²² «Русско-корейский словарь», М., 1954, стр. 341.

²³ В. И. Цинциус, Т. Г. Бугаева. Указ. раб., стр. 23.

прошлом шкуры животных использовались в качестве одежды. Такая этимология вполне соответствует и семантике, и звучанию слова. Ср. тур., тат. *تون (دون) [ton(don)]*, тур. *تون (ton)*, чаг. *تون (ton)* 'шуба', 'шерсть', 'шкура', 'сапог', 'обувь', кирг. 'женская летняя шуба'²⁴, хак. *ton* 'шуба'²⁵, тув. *ton* 'шуба', 'халат', 'пальто'²⁶, ног. *ton* 'шуба', 'тулуп', *tonav* 'обдирать, отдирать, снимать (шкуру с убитого животного)', *tonpavšu* 'тот, кто обдирает, сдирает, снимает (шкуры)', *tonlyk* 'материал, шкура на шубу'²⁷, тат. *tun* 'шуба', *tunalu-* 'обдираться (о шкуре)', *tu-paц-* 'обдирать шкуры'²⁸, тат. диал. *tuni* 'пимы'²⁹, *tun/ton* 'шуба', *tunaš-* 'заставлять сдирать кожу'³⁰. Сюда же можно включить близкое по семантике слово *tin* 'белка', ср.: тув. *diin* 'белка'³¹, башк. *tejen < tiin* 'белка'³².

Может возникнуть вопрос: каким образом *tun/ton*, выражающее значение «шкура», в дальнейшем стало обозначать также «медь», «золото»? Это могло быть, скорее всего, обусловлено социоэкономическими факторами: после переходных форм натурального товарообмена возникла, как известно, новая форма торговых взаимоотношений, когда один из товаров стал играть роль общего эквивалента при обмене. Можно предполагать, что у предков тюркских народов на определенном этапе их развития таким товаром-эквивалентом были шкуры, пушнина. После введения в обиход металлов (особенно цветных) шкуры постепенно вытесняются из товарообмена. Наряду с функциями шкуры металл заимствует и ее название. Так, у слова *tun/ton* появляется и значение «медь». При этом семантический сдвиг «шкура—медь—золото» происходил в течение длительного времени. По нашему мнению, вначале роль общего эквивалента при обмене всех товаров играла медь. Именно с этого времени медь и начинает, по всей видимости, обозначаться словом *ton*. Именно поэтому в тюркских языках в значении «медь», наряду с исконным *bakur*, стало использоваться слово *tun/ton*.

Правоммерно, на наш взгляд, также предположить, что корень использующегося в тюркских языках в значении «деньги» слова *tanga* (*tap+ga*) имеет это же происхождение, ср. кирг., каз., уйг. *tin* 'копейка'³³, туркм. диал. *tin* 'копейка'³⁴ и т. д. Сюда восходит, по-видимому, и азерб. *donlug* 'зарплата'³⁵.

Слово *tanga* в последующем перешло: в русский язык — «деньги»³⁶, в персидский — *tāngah*³⁷, в корейский — *ton*³⁸, в удмуртский — *tuj* 'латунь, желтая медь', *dupo* 'дорогой, ценный; дорого, ценно'³⁹.

Однако, вследствие того, что новый товарный эквивалент — медь, следовало отличить от прежнего, то есть шкуры, в процессе дальней-

²⁴ Л. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. II, СПб., 1871, стр. 753.

²⁵ «Хакаско-русский словарь». М., 1983, стр. 23.

²⁶ «Тувинско-русский словарь». М., 1968, стр. 415.

²⁷ «Ногайско-русский словарь». М., 1963, стр. 356—357.

²⁸ «Татарско-русский словарь». М., 1966, стр. 556.

²⁹ «Татар теленен диалектологик сүзлегө». Казан, 1969, стр. 448.

³⁰ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Т. III, СПб., 1905, стр. 1360—1361.

³¹ «Русско-тувинский словарь». М., 1980, стр. 42.

³² «Русско-башкирский словарь». М., 1964, стр. 37.

³³ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Т. III, стр. 1360—1361.

³⁴ «Туркменско-русский словарь». М., 1968, стр. 633.

³⁵ «Азербайджан дилинин изафлы лугәти», II ч., Баку, 1980, стр. 138.

³⁶ Н. Заринзада. Фарс дилиндә Азербайжан сөzlәри. Баку, 1962, стр. 219.

³⁷ М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. М., 1964, стр. 499.

³⁸ «Русско-корейский словарь», М., 1954, стр. 166.

³⁹ «Удмуртско-русский словарь», М., 1948, стр. 295, 79.

шего развития языка к слову *tun* было присоединено слово *al* 'алый', в результате чего и возникло *altun*. Присоединение к названиям металлов слов, обозначающих цвета, характерно не только для тюркских, но, как справедливо указывают В. И. Цинциус и Т. Г. Бугаева, для всех алтайских языков⁴⁰.

Слово *altun* в значении «медь» из тюркских языков сохранилось только в якутском. Это отмечается также в эвенкийском и негидальском языках, входящих в тунгусо-маньчжурскую семью языков.

Употребление слова *altun* в тюркских языках в значении «медь» косвенно подтверждается множеством фактов. В алтайских языках, в том числе и в тюркских, когда это слово употребляется в значении «золото», ему обычно предшествуют определения «чистое», «очищенное»: ср. туркм. *sap altyn*, тат. *saf altyn*, чув. *tosa yltan*, письм. монг. *seber altan*, *sizir altan*, калм. *tsevr altın* 'червонное — чистое золото'⁴¹. Видимо, омонимичность этого слова — употребление его как в значении «медь», так и в значении «золото» — привела к тому, что для различения этих значений и стали использовать приведенные эпитеты. Это подтверждается употреблением слова *altun* в древнетюркских языках в значении «медь».

Слово *altun* начало использоваться в значении «золото», видимо, с того времени, когда этот металл стал общетоварным эквивалентом. Тогда же слово *altun* вошло и в русский язык. Впервые оно было зафиксировано в русских памятниках XIV века. Ср. «алтынец» — уменьшительное к слову «алтын»; «алтынный» — прилагательное к тому же слову: «алтынник» — монета достоинством в «алтын»; «алтыновщина» — пошлина.⁴² В «Словаре» В. Даля указывается, что это слово заимствовано из татарского языка: *алтын* татарск. (золото? шерсть?) бывшая серебряная монета в 6 денег или в 3 копейки⁴³. В. Даль отмечает, что в живом русском языке употребляются такие слова, как «алтынник», «алтынщик», «алтынничать», «алтынничанье»⁴⁴. В «Толковом словаре русского языка», вышедшем под редакцией Д. Н. Ушакова, слово «алтун» толкуется как «старинная русская медная монета»⁴⁵, заимствованное из татарского языка. М. Фасмер пишет, что русское «алтын» — это «старая разменная монета в 6 денег, равная 3 коп.» — отсюда «пятиалтынный» — пятнадцать копеек, «считается заимствованным из тюркских языков — из тур., тат. *altun* 'золото', 'золотой'»⁴⁶.

Следует отметить, что слово *altun* проникло не только в русский, но и во многие другие языки. В осетинском языке слово *altunzæq* означает «украшение, привешиваемое на лоб верховой лошади». Первый компонент этого слова — *altun* 'золото'⁴⁷.

Слово *altun* зафиксировано также в болгарском⁴⁸, украинском, сербском, мансийском, ненецком языках⁴⁹; ср. болг. *алтън* 'золотая турецкая монета' и т. д.

⁴⁰ В. И. Цинциус, Т. Г. Бугаева. К этимологии названий металлов..., стр. 23.

⁴¹ Там же.

⁴² «Словарь русского языка XI—XVII вв.», вып. I (А—Б), М., 1975, стр. 32.

⁴³ В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб. — М., т. I (А—З), 1912, стр. 31.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ «Толковый словарь русского языка». Под ред. Д. Н. Ушакова, т. I, М., 1935, стр. 29.

⁴⁶ М. Фасмер. Указ. словарь, т. I, стр. 72—73.

⁴⁷ В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I (А—К), М.—Л., 1958, стр. 48.

⁴⁸ «Болгарско-русский словарь», М., 1966, стр. 16.

⁴⁹ В. И. Цинциус, Т. Г. Бугаева. Указ. раб., стр. 24.

В литературе давно отмечается связь между тюркским *altun* и русским «латунь» (желтая медь). М. Фасмер считает, что русск. «латунь» заимствовано либо из нового верхненемецкого — *latûn*, либо из средневерхненемецкого — *laton*, либо же непосредственно из итальянского — *lattone* 'жесть'⁵⁰. Г. Рамстедт, сопоставляя русское «латунь» с тюркским *altun*, считает «латунь» заимствованием из арабского *al-latun* через посредство итальянского или греческого⁵¹.

На наш взгляд, справедливо мнение Г. Рамстедта, о том, что все варианты данного слова в западных языках заимствованы из арабского, однако, *al-latun* нельзя считать исконно арабским, ибо все говорит за то, что оно перешло в арабский язык из тюркских языков еще в значении «медь», хотя и в несколько измененной форме. В результате метатезы *altun* превратилось в *latun*, чему способствовало то, что первый слог слова *altun* фонетически идентичен арабскому определенному артиклю. В этой связи А. И. Захиди отмечает: «Выпадение звука в арабском языке в тюркских словах, начинающихся на *al* — связано с тем, что эти компоненты отбрасывали, принимая их за определенный артикль „*al*”»⁵².

Следовательно, тюркские слова, начинающиеся на *al*-, переходя в арабский, неизбежно подвергались соответствующим изменениям: либо элизии, либо метатезе.

В древнетюркских мифологических представлениях культ *Albasty* оставил глубокий след. Влияние его на мифологию народов, контактировавших с тюркоязычными народами еще с древних времен, не вызывает сомнения⁵³.

В мифологии одного из древнейших государств Передней Азии Элама встречается божество *Labastu*⁵⁴. Однако это имя дошло до нас в аккадской передаче. Г. А. Климов и Д. И. Эдельман возводят тюркское *Albasty* к аккадскому языку⁵⁵. Однако, думается, что более правомерно говорить о происхождении *Labastu* из *Albasty*. И в этом случае, как и в случае со словом *altun*, произошла метатеза. Переход *Albasty* в *Labastu* в аккадском, принадлежащем к семитским языкам, с фонетической точки зрения возможен. Следовательно, при заимствовании семитскими языками тюркских слов, начинающихся на *al*-, первый их слог подвергался, как отмечалось, либо элизии, либо метатезе.

Ученые, исследовавшие этимологию *Albasty*, отмечали его исконно тюркское происхождение. С другой стороны, в тюркских языках *Albasty* (<*Al* *basty*) не является единственной конструкцией такого типа. Можно проиллюстрировать это положение следующим примером из азербайджанского языка: *Qara basdy*, *Qaramat basty* и т. д. Эти выражения по своей семантике и структуре идентичны *Albasty*.

Таким образом, приведенное выше доказывает, что исконно тюркское слово *altun* 'золото' было заимствовано арабским языком, в котором соответственно его фонетическим законам подверглось метатезе (*al-latun*), и из него уже перешло в большинство европейских языков.

⁵⁰ М. Фасмер. Указ. словарь, т. II, стр. 465.

⁵¹ См.: В. И. Пинциус, Т. Г. Бугаева. Указ. раб., стр. 24.

⁵² А. И. Захиди. *Муасир эрб дилинде түрк мәншәли сөзләр*. Баки, 1977, стр. 90.

⁵³ А. Ачалов, М. Новрузов. *Ал инанышы вә онун изләри*. — «Азербайжан филологиясы мәсәләләри». Баки, 1983, стр. 247—258.

⁵⁴ В. Хинц. *Государство Элам*. М., 1977, стр. 61—62.

⁵⁵ Г. А. Климов, Д. И. Эдельман. К этимологии *Albasty*. — «Советская тюркология», 1979, № 3, стр. 56—62.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ ЯЗЫКОВ

монгор. — монгорский
ман. — нанайский
нег. — негидальский
нивх. — нивхский
орд. — ордосский

ороч. — орочский
солон. — солонский
уд. — удэ́йский
ульч. — ульчский
эвенк. — эвенкийский

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Р. Г. СИБАГАТОВ

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЧАСТИЦ В ПРЕДЛОЖЕНИИ

В лингвистической литературе со всей определенностью указывается на синтаксический статус частиц в языке. Н. К. Дмитриев, рассматривая частицы как «некоторые переходные элементы от отдельного слова (т. е. частей речи) к формантам (т. е. аффиксам)», писал: «Аффиксы есть элемент морфологический, они могут стоять при какой-нибудь одной морфологической категории (части речи), частицы — при нескольких, если не при всех. Они, таким образом, играют уже не морфолого-синтаксическую (как аффиксы), а чисто синтаксическую роль»¹. Синтаксический характер частиц проявляется и в том, что они, согласно определению, способны детерминировать не только отдельные слова (члены предложения), но и предложение в целом. Как пишет А. Н. Кононов, частицы «не связывают отдельные слова и предложения, а только сообщают им (отдельным словам и выражениям) различные смысловые оттенки», «обладают только грамматической семантикой», «служат только семантико-синтаксическим целям»².

В работах, посвященных актуальному членению предложения, частицы рассматриваются в числе вспомогательных (дополнительных) формальных показателей ремы (предиката). Некоторые частицы, по словам И. П. Распопова, «действуют, так сказать, заодно с логическим ударением»³. Причем, такая функциональная особенность частиц выявляется на материале самых различных языков, в том числе и на материале татарского языка⁴.

Указанные признаки частиц (их способность стоять при разных частях речи; относиться к содержанию предложения в целом; быть показателем предиката), безусловно, характеризуют их с синтаксической стороны. Во всем этом с той или иной степенью приближенности отражается роль частиц в формировании предикативного отношения. Однако этот вопрос в традиционной грамматике до сих пор специально не рас-

¹ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 129.

² А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1965, стр. 346.

³ И. П. Распопов. Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970, стр. 167.

⁴ Ф. С. Сафиуллина. Татар телендә сүз тәртибе. Казан, 1974, стр. 44.

сма­тривался⁵. Его обычно касаются лишь при исследовании структуры отрицательных и вопросительных предложений. Существует положение, что значение отрицания при­да­ется всему предло­же­нию тогда, когда отрицательная частица относится к сказуемому, носителю предикативного признака. Такое отрицание рассматривается как общее. В татарском языке, по утверждению М. З. Закиева, общеотрицательными являются предложения, сказуемое которых оформлено при помощи показателя отрицания — частицы *тугел* (или аффикса *-ма/-мә*) и находится под логическим ударением, например: *Бу урман зур тугел* 'Этот лес не большой'⁶. По такому же принципу выделяются общевопросительные предложения, в которых вопрос относится ко всему высказыванию. Таковыми в татарском языке считаются предложения, где сказуемое принимает вопросительную частицу *-мы/-ме* и одновременно логическое ударение, например: *Жир бирәсезме?* 'Землю дадите?'⁷.

Общеотрицательные и общевопросительные предложения, таким образом, формируются именно тогда, когда сказуемое наряду с соответствующими частицами принимает логическое ударение. Указанные частицы, входящие в состав сказуемого, не характеризуют его, если это сказуемое не выделяется логическим ударением. Они при этом относятся к тому члену предложения, на который падает логическое ударение; ср., например: *Син буген кайттыңмы?* 'Ты пришел сегодня?'; *Жыелыш иртәгә буламы?* 'Собрание состоится завтра?'; *Бу егет Казаннан килгәнме?* 'Этот парень приехал из Казани?', здесь вопрос относится к логически выделяемым второстепенным членам: *буген* 'сегодня', *иртәгә* 'завтра', *Казаннан* 'из Казани', хотя вопросительная частица *-мы/-ме* входит в состав сказуемых (*кайттыңмы?* 'приехал?', *буламы?* 'состоится?', *килгәнме?* 'приехал?'). В соответствии с содержанием предложения, могут быть употреблены и такие синонимические формы вопроса, как *Кайтуың бугенме?* *Жыелыш иртәгәме?* *Бу егет Казаннанмы?* В частности отрицательном предложении: *Ул юкка гына йөрми* (букв.: 'Он зря не ходит') показатель отрицания (*-мә*), включенный в состав сказуемого *йөрми* 'не ходит', не принимающего логического ударения, на самом деле характеризует обстоятельство *юкка* 'зря', произносимое с логическим ударением. При переводе на русский язык показатель отрицания из состава сказуемого переходит непосредственно в состав второстепенного члена; ср.: *Он ходит не зря*.

Обнаруживается закономерная связь, взаимодействие отрицательных и вопросительных частиц с логическим ударением. Формально входя в состав сказуемого, они в действительности могут относиться и не относиться к нему. Вопрос решается в зависимости от того, становится ли

⁵ В рамках теории актуального членения по этому вопросу далеко идущих выводов тоже не сделано. Во-первых, в качестве показателей ремы (предиката) рассматриваются лишь отдельные частицы. Например, И. П. Распопов выделяет частицы *это, именно, прямо, только, лишь*. И. И. Ковтунова конкретно называет две частицы: *только и лишь*. В. Е. Шевякова на материале английского языка приводит тоже несколько частиц, в основном соответствующих по содержанию названным выше. Ф. С. Сафиуллина указывает на четыре частицы татарского языка: *гына/генә, кына/кенә, ук/үк, хэтта, да/дә, та/тә*. Во-вторых, на роль частиц в формировании ремы (предиката) обращается внимание преимущественно или даже исключительно только тогда, когда эта рема (предикат) выражена не сказуемым, а другими членами предложения. (См.: И. П. Распопов. Указ. раб., стр. 167; И. И. Ковтунова. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976, стр. 12; В. Е. Шевякова. Актуальное членение предложения. М., 1976, стр. 15; Ф. С. Сафиуллина. Указ. раб., стр. 44).

⁶ «Современный татарский литературный язык. Синтаксис». М., 1971, стр. 51.

⁷ Там же, стр. 57.

сказуемое, принимая логическое ударение, ремой (предикатом) или нет. Указанные частицы в этом отношении не составляют исключения.

Принцип связи и взаимодействия частиц с логическим ударением может быть распространен на определение синтаксической роли (или функции, назначения) и многих других частиц. Рассмотрим, например, употребление модальной частицы *-дыр/-дер, -тыр/-тер*, выражающей сомнение, неуверенность говорящего, в предложениях с разным интонационным оформлением. В предложении с логическим ударением на сказуемом: *Ул килгәндер* 'Он, наверно, пришел' частица *-дер* относится к самому сказуемому, указывая на неполную достоверность факта прихода названного лица. Когда это предложение произносится с логическим ударением на подлежащем (*ул* 'он'), частица *-дер*, хотя и остается в составе сказуемого, но фактически характеризует подлежащее; при этом выражается неуверенность, сомнение говорящего в том, действительно ли пришедшим является *он*. Ср. синоним данной конструкции: *Килгән кеше улдыр* 'Пришедший, наверно, он', где частица *-дыр* формально входит в состав того члена, к которому она фактически относится.

В первом случае, когда частица *-дыр/-дер* характеризует сказуемое, входя в его состав, она интонационно сливается с ним, фонетически становится как бы частью полнозначного (характеризуемого) слова, а во втором случае, когда эта частица характеризует другой член (подлежащее), оставаясь в составе сказуемого (во всяком случае орфографически), она отделяется от него некоторой паузой.

К этой группе частиц (употребляющихся в составе сказуемого и характеризующих разные члены предложения), кроме указанных *түгел, -мы/-ме, -дыр/-дер, -тыр/-тер*, относятся: модальная частица *-магае/-мәгәе*, выражающая значение опасения; эмоциональные частицы *ич, лабаса/ләбаса*, выражающие различные оттенки чувств и настроения говорящего. Причем одни из них (*-магае/-мәгәе, ич, лабаса/ләбаса*) остаются всегда в составе сказуемого; в случаях, когда рема (предикат) выражена не сказуемым, а другими членами предложения, эти частицы не переходят в состав последних, хотя фактически и характеризуют именно их. Примеры на оба случая:

1) частицы *-магае/-мәгәе, ич, лабаса/ләбаса* находятся в составе сказуемого и характеризуют его: *Әни, безнең теге меринос сарык буген көндөз бәтиләмәгәе* (М. Мәһдиев) 'Мама, наша овца мериносовой породы как бы сегодня днем не стала ягниться'; *Адашкан болан баласы кебек ич ул* (Ш. Рәкыйпов) 'Она напоминает заблудившегося олененка'; *Ул бер үк вакытта горур да, шат та лабаса* (Ә. Касыймов) 'Он в одно и то же время и горд, и рад'. Частицы в этой позиции интонационно сливаются со сказуемым.

2) Частицы *-магае/-мәгәе, ич, лабаса/ләбаса* находятся в составе сказуемого, но характеризуют другие члены предложения: *Кемдер йөри, әнием килеп кермәгәе* (разг.) 'Кто-то ходит, как бы не вошла моя мама'; *Аңлыйсыңмы, сүз синең хакта бара ич, Гайнан?* (Ә. Шәмин) 'Ты понимаешь, речь ведь идет о тебе?'; *Үзгәргәндер Әдилә, күрешмәгәнгә ике жәй, бер кыш узды лабаса* (А. Гыйләжев) 'Наверно, изменилась Адиля, ведь с тех пор, как расстались, прошли два лета и одна зима'. Частицы в этой позиции отделяются от сказуемого некоторой паузой.

Синтаксическая позиция частиц *түгел, -мы/-ме, -дыр/-дер, -тыр/-тер* не постоянна. Они могут находиться в составе как сказуемого, так и других членов предложения. В составе сказуемого они характеризуют тот член предложения, на который падает логическое ударение. И само

сказуемое характеризуется исключительно в тех случаях, когда ударение падает на него. Названные частицы, находясь в составе других членов, характеризуют только их. Не всегда и не обязательно эти члены предложения принимают на себя логическое ударение и, стало быть, не всегда и не обязательно становятся выразителями предиката. Сопоставим синтаксические функции рассматриваемых частиц:

1) находятся в составе сказуемого, на которое падает логическое ударение, и характеризуют его: *Зайтунэ мактаптэн кайтып киткэн икэн. Димэк, туры өйләренә. Өй — ерак түгел* (М. Мәһдиев) 'Зайтуна из школы пошла домой. Значит, прямо домой. До дома — недалеко'; *Әйтегезче, әйтегезче миңа: алсу таңнар һаман шундый матурмы?* (Ш. Рәкыйпов) 'Скажите мне, скажите, зори так же красивы, как раньше?' *Плакат яздым. Плакатның биеклеге метр ярымнар булгандыр* (Г. Ахунов) 'Написал плакат. Высота плаката, наверно, была метра полтора';

2) находятся в составе сказуемого, на которое не падает логическое ударение, и характеризуют другой член предложения, принимающий это ударение: *Хәзер жирләргә дә, урманнарга да алар хуҗа түгел* (Г. Галиев) 'Хозяева и земель и лесов теперь не они'; *Әллә узе кайтымы?* (Ә. Баянов) 'Сам что-ли пришел?'; *Бу мәхшәр бер ун минутка сузылгандыр* (Ә. Еники) 'Этот кошмар продолжался, наверно, минут десять';

3) находятся в составе других членов предложения, которые:

а) принимают логическое ударение и выполняют функцию ремы (предиката): *Без алар өеннән ерак түгел генә басып тора идек* (Р. Төхфәтуллин) 'Мы стояли недалеко от их дома'; *Иәзәндә әллә нинди бер усал катыш ачумы, кемгәдер иге-чиге булмаган дошманлыкмы бар* (Г. Ибраһимов) 'На лице у него не то какая-то злобная ярость, не то нескончаемая вражда по отношению к кому-то'; *Минем табакташ Шәһит Кәримовка икмәгедер, бәләштәй зур орлык бөккәндер һәрвакыт килеп тора* (Ш. Маннур) 'Моему товарищу по столовой, Шагиту Каримову, постоянно присылают либо хлеб, либо пироги с льняным семенем';

б) не принимают логического ударения и не выполняют функцию ремы (предиката), или составляют только зависимую часть ее: *Әле куптән түгел Сахалинга Ерак Көнчыгыш фронты командующие армия генералы Пуркаев килеп киткән* (Ә. Маликов) 'Недавно на Сахалине был командующий дальневосточным фронтом генерал армии Пуркаев'; *Монда... дөрөсме, хатамы язуың да күренергә тиеш* (Ш. Маннур) 'Здесь надо показать и то, как ты пишешь: правильно или с ошибками' (здесь частица *-мы/-ме* находится в составе зависимых частей предиката); *Кемдер ишек шакыды* 'Кто-то постучал в дверь'.

Таким образом, для выделенной группы частиц (*түгел*, *-мы/-ме*, *-дыр/-дер*, *-тыр/-тер*, *-магае/-мәгәе*, *иң*, *лабаса/ләбаса*) характерно ослабление (или даже разрыв) их линейных, синтагматических связей в предложении, выражающееся в том, что они, находясь в составе сказуемого (или точнее: рядом с ним) могут характеризовать не только его, но и другие члены предложения, когда логическое ударение падает на них.

Другая группа частиц татарского языка, а именно выделительно-ограничительные частицы *гына/генә*, *кына/кенә*, *тик*, *фәкать*, присовокупляюще-усилительная частица *да/дә*, *та/тә*, определительно-уточняющая частица *накъ*, экспрессивная частица *ук/үк* и другие, находясь в составе сказуемого, характеризуют только сказуемое, которое, прини-

мая логическое ударение, выражает рему (предикат); например: *Бу бит эле озын юлның башы гына* (Ә. Еники) 'Это же только начало большого пути'; *Кыз дәшмәде дә, борылмады да* (М. Мәһдиев) 'Девушка и не обернулась, и не откликнулась'; *Ичмасам, иптәш тә юк ич, тик икәү без: уй да мин* (Г. Тукай) 'И товарища нет, нас только двое: я и думы мои'; *Ташкичү урамы нәкъ элеккечә* (М. Мәһдиев) 'Улица Ташкичу точно такая же, как раньше'; *Тәслия үксергә үк тотынды* (А. Гыйләжев) 'Таслия даже стала плакать'.

Названные частицы, характеризуя другие члены предложения, входят непременно в их состав. При этом не всегда и не обязательно формируется рема (предикат). Ср., например, два предложения с частицей *ук/үк* при одном и том же члене (обстоятельстве): *Кайнаррак холыкчылары БАМга ук китеп баралар* (Г. Бәширов) 'Те, у кого характер горячее, едут даже на БАМ'; *Капка төбәндә үк тутай туры килде* (Ш. Маннур) 'Уже у ворот встретилась старшая сестра'. Обстоятельство с указанной частицей в первом предложении выполняет функцию ремы (предиката), а во втором — функцию темы (субъекта).

Имеются частицы, которые, характеризуя сказуемое-предикат, входят в синтагматически свободной позиции, то есть формально не входят в состав какого-либо члена, стоят в начале предложения и интонационно обособляются. К этой группе относятся прежде всего указательные частицы *әнә, мәнә*. В отдельных случаях такую позицию занимают модальная частица *әллә*, выражающая значение неопределенности, и эмоциональная частица *бит*; например: *Мәнә Галимҗанның үзенә генә хас моңлы-мөгрәүле тавышы салмак кына агыла* (Р. Төхфәтуллин) 'Вот печальный и глухой голос Галимджана плывет протяжно'; *Әнә үзегез дә сөйләшеп утырдыгыз ич* (Р. Төхфәтуллин) 'Вот вы сами тоже сидели и разговаривали'; *Бит мин әйттем сиңа. Әллә син аңламадыңмы?* (разг.) 'Я же сказал тебе. Ты что, не понял?'.

По нашим наблюдениям, практически все частицы татарского языка в той или иной форме участвуют в образовании ремы (предиката), в частности выраженной сказуемым (группой сказуемого). Разумеется, то обстоятельство, что частицы относятся не обязательно только к преддицируемому члену, но и к другим частям предложения, несколько уменьшает их значение в формировании предикативной структуры. Однако результаты проведенного нами на материале современной художественной литературы (прозы) статистического анализа подтверждают, что частицы татарского языка в 65 случаях из 100 участвуют в выделении и субъективно-модальной характеристике преддицируемого члена. Следует учесть, что при этом мы исходим из бинарного членения предложения. Если иметь в виду также ступенчатый характер членения многих предложений, то названная цифра будет намного больше.

Роль частиц в формировании преддицируемого члена значительно возрастает с увеличением их числа. Комбинирование частиц в предложении — характерное явление для тюркских языков. Частицы чаще всего комбинируются при члене предложения, выражающем предикат, и, наоборот, член предложения, при котором происходит комбинирование частиц, преимущественно выполняет функцию предиката.

При сказуемом-предикате образуются несколько типов комбинаций частиц:

1. Постпозиционные комбинации:

а) двух частиц, например: *гына бит/генә бит, кына бит/кенә бит*;

да түгел/дә түгел, та түгел/тә түгел; да лабаса/дә ләбаса, та лабаса/тә ләбаса;

б) трех частиц, например: да соң инде/дә соң инде, та соң инде/та соң инде; гына түгел бит/генә түгел бит, кына түгел бит/кенә түгел бит;

в) четырех частиц, например: гына түгел-дер ич/генә түгел-дер ич, кына түгел-дер ич/кенә түгел-дер ич.

2. Препозиционные комбинации частиц, например: инде дә, әллә инде, менә бит.

3. Комбинации препозиционных и постпозиционных частиц: тик... гына, тик... генә, тик... кына, тик... кенә; хәтта... да, хәтта... дә; хәтта... та, хәтта... тә; нәкъ... инде; һич... түгел; һич тә... түгел; әнә... бит әле.

Комбинируемые при предикцируемом члене частицы вступают в довольно сложные отношения, функционально дополняя, усиливая, преобразуя друг друга. Комбинируются частицы как одной семантической группы, так и разных групп. При комбинировании частиц одной семантической группы усиливается их общее значение. Ср., например, комбинацию двух выделительно-ограничительных частиц тик... гына (тик тамашачы гына), двух экспрессивных частиц хәтта... да (хәтта әйтә дә алмады), двух отрицательных частиц һич... түгел (һич бета торган түгел). Частицы разных семантических групп в комбинации дополняют друг друга. При этом одна из них, обычно первая, берется за основу. Например, комбинацией -дыр лабаса выражается сомнение (значение частицы -дыр), усиливается эмоционально (значением частицы лабаса), ср.: аңлыйдыр лабаса. С помощью комбинации трех частиц соң бит әле говорящий выражает удивление по поводу названного явления, подчеркивая при этом его достоверность, ср.: соң бит әле язып бетермәгәнсез. Основное модальное значение (удивление, выраженное частицей соң) семантически дополняется значением несомненности, выраженной частицей бит, которое несколько смягчается частицей әле.

Некоторые комбинации частиц, образуемые при сказуемом, могут быть отнесены к реме (предикату), выраженной другими членами предложения; например: Дөнъя безнең кулга кучен барадыр шул (А. Гыйләзев) 'Общественные заботы, по-видимому, постепенно переходят к нам'. Комбинация модальной частицы -дыр и эмоциональной частицы шул, синтаксически входящая в состав сказуемого, фактически характеризует рему (предикат), выраженную дополнением (ср.: безнең кулгадыр шул). К этой группе относятся комбинации -дыр лабаса, -дыр ич, -дыр бит, түгел-ме и др. Одна из частей указанных комбинаций (а именно, частицы -дыр, -мы) иногда переходит непосредственно в состав предикцируемого члена (несказуемого). Ср., например: Ул мы иренә хатын, балаларына ана түгел? (М. Рафиков) 'Это она не жена своему мужу и не мать своим детям?'. Исходная (первичная) форма данного предложения: Ул иренә хатын балаларына ана түгелме? (логическое ударение на подлежащем ул). Комбинируемые частицы в этом варианте предложения входят в состав сказуемого. После трансформации предложения части комбинации оказались синтагматически разобщенными: вопросительная частица -мы из состава сказуемого перешла в состав подлежащего, выделяемого в качестве ремы (предиката).

Перемещение логического центра (предиката) предложения часто влечет за собой перемещение частицы. По отношению ко многим частицам, на наш взгляд, применимо положение об исходной (наиболее характерной) синтаксической позиции, с которой начинается их последующее передвижение. Например, такой исходной позицией для вопросительной частицы -мы/-ме скорее всего является состав сказуемого. Однако эта

частица прочно удерживается в данной позиции лишь постольку, поскольку сказуемое (группа его) функционирует в качестве ремы (предиката). С переносом этой функции на другой член (несказуемое) прочность синтагматической связи указанной частицы со сказуемым утрачивается. Это относится к предложениям, где рассматриваемая частица находится в составе: а) подлежащего, б) определения, в) дополнения, г) обстоятельства.

Подобные конструкции воспринимаются как синонимы (трансформации) более сложных синтаксических построений.

Характерно, что вопросительная частица приобретает несколько иной оттенок значения (оттенок неопределенности) в тех случаях, когда она употребляется не в составе сказуемого⁸.

Наиболее характерным для выделительно-ограничительных частиц *гына/генэ, кына/кенэ, тик, фэкать* является употребление их в составе подлежащего и дополнения. Не случайно основное значение этих частиц — выделение, ограничение — более полно реализуется именно в этой синтаксической позиции. Ср., например, частица *гына/генэ, кына/кенэ* в составе ремы (предиката), выраженной подлежащим: *Ачып керергэ ачкыч кына юк* (Ж. Рәхимов) 'Нет только ключа, чтобы открывать'; в составе ремы (предиката), выраженной дополнением: *Мин Казан турында гына хыялланам* (Ә. Маликов) 'Я мечтаю только о Казани'.

Выделительно-ограничительные частицы употребляются также и при других членах предложения, например, в составе обстоятельства. При этом значение выделения и ограничения отходит на второй план, а вперед выдвигается значение усиления.

Частица *да/дэ, та/тэ*, квалифицируемая обычно как усилительная, в своей основной синтаксической позиции, при членах предложения с предметным значением, на самом деле выражает значение присоединения. А при употреблении в составе обстоятельства, как и в предыдущем случае, она приобретает значение усиления.

Синтагматическая подвижность частиц, обусловленная подвижностью актуального (логического) членения предложения, сопровождаемая семантическими преобразованиями названных единиц, — явление значительное.

В целом, видимо, можно полагать, что многие аспекты структуры предложения тесно связаны с функционированием в нем частиц.

⁸ К. М. Мусаевым на материале караимского языка подмечен другой случай передвижения вопросительной частицы *-мо*. Эта частица, обычно присоединяемая к глаголу после аффикса лица, иногда предшествует ему; например: *баралыр-мо-сыз?* 'сможете ли пойти?' В этом К. М. Мусаев усматривает тенденцию превращения частицы в аффикс (см.: К. М. Мусаев. Грамматика караимского языка. М., 1964, стр. 328—329).

А. М. Щербак, в свою очередь, подчеркивает: «Возможность позиционных вариаций зависит от языка и от характера глагольных форм. Так, расположение аффикс-частицы *-ме/-му* перед показателями лица и числа чаще всего наблюдается в формах настоящего, настоящего-будущего и будущего времени, тогда как в форме прошедшего категорического эта аффикс-частица почти всегда выступает после названных показателей» (см.: А. М. Щербак. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (глагол). Л., 1981, стр. 41).

В. Г. ГУЗЕВ

ПРОБЛЕМЫ ОСНОВНОГО И МЕДИАЛЬНОГО ЗАЛОГОВ В ФУНКЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

(НА МАТЕРИАЛЕ СТАРОАНАТОЛИЙСКО-ТЮРКСКОГО ЯЗЫКА)

Наблюдения над некоторыми восточными языками, в том числе и тюркскими, показывают, что в тех случаях, когда в языке имеется ряд форм, каждая из которых образована с помощью материального показателя, основная форма, или форма без материального форманта данной категории, не обязательно должна рассматриваться как член ряда, имеющий нулевой показатель. С функциональной точки зрения такая форма может оказаться вне парадигмы, а отсутствие у нее показателя может быть не значимым, а абсолютным, то есть лишенным коммуникативной функции¹.

Глагольная основа, не имеющая залогового показателя, традиционно воспринимается исследователями тюркских языков как форма основного или действительного залога. Это представление, принимаемое как аксиома, с одной стороны, заимствовано грамматистами-тюркологами у исследователей индоевропейских языков, в которых слово никогда не выступает без особой грамматической характеристики², а с другой, связано с описательным подходом к фактам языка. Типичным для такого подхода является следующее рассуждение: если есть форма или ряд форм, образуемых с помощью материальных формантов, то основная форма является членом парадигмы, имеющим нулевой показатель.

Однако понятие «нулевой показатель» возникло в связи с функциональным подходом к фактам языка. Не случайно для обозначения этого понятия обычно используется термин «функциональный нуль»³. Само по себе отсутствие материального показателя еще не является свидетельством того, что имеет место «значимое отсутствие», являющееся сигналом. Отсутствие материального показателя может представлять собой (и нередко действительно представляет) отсутствие каких-либо показателей вообще.

Если обратиться к языковым фактам с этой точки зрения, то отнюдь

¹ См.: Ч. Е. Базелл. Лингвистическая типология. — В кн.: «Принципы типологического анализа языков различного строя». М., 1972, стр. 23; Д. И. Еловков, В. Б. Касевич. Некоторые проблемы лингвистики в свете материала языков Юго-Восточной Азии. — «Вестник ЛГУ», 1979, № 8, стр. 75—76; В. Г. Гузев, Д. М. Насилов. Словоизменительные категории в тюркских языках и понятие «грамматическая категория». — «Советская тюркология», 1981, № 3, стр. 25—26.

² А. Мейе. Основные особенности германской группы языков. М., 1952, стр. 83.

³ См., например: В. Б. Касевич. Функциональные нули и их место в фонологической системе бирманского языка. — «Народы Азии и Африки», 1970, № 6, стр. 129—130.

нельзя считать доказанным наличие в тюркских языках действительного залога.

В сфере функционирования глагола в финитных формах отсутствие залоговых показателей как будто сигнализирует о том, что причастный к действию предмет есть производитель этого действия. В самом деле, высказывания типа турецких: *giderim* 'я хожу', *gittik* 'мы (по)шли' всегда сообщают о том, что предмет, представленный значением личного аффикса, осуществляет действие. То же наблюдается в сфере употребления глагола в формах причастий с показателями *-(j)an*, *-muş*, *-(A)ğ*, *-maz*: *içän kişi* (ЮЭ, 586) 'пьющий человек'; *akmuş kan* (ЮЭ, 144a) 'пролившаяся кровь'; *buña bânzâr kardaşımız* (ЮЭ, 72) 'наш, похожий на него, брат'; *bilmâz kişi* (ЮЭ, 1576) 'невежественный (т. е. незнающий) человек'.

Однако существуют такие глагольные формы, в которых, несмотря на допустимость введения в них залоговых показателей в обычных для последних значениях, отсутствие залоговых показателей сопряжено и с отсутствием какого-либо указания на характер взаимоотношений действия и предмета. Таковы, в частности, формы, условно именуемые нами «субстантивно-адъективными формами»⁴. В староанатолийско-тюркском языке — это формы с показателями *-duk*, *-(j)asy*, *-(j)asak*: *kanu anuñ sâvdük jârî?* (ЮЭ, 1366) 'где друг, которого он любит?'; *baş kurtarasy jer gârâk* (ЮЭ, 1106) 'нужно место, где можно спасти голову'; *varacak jerüñ* (Ч, 38) 'место, куда ты отправишься'; *gizlâ-n-âcâk jer* (ЮЭ, 24a) 'место, где можно спрятаться' (словоформа возвратного залога) и т. п.

В современном турецком языке субстантивно-адъективная форма *-у(асак)* одинаково свободно используется в высказываниях типа *oku-yacak öğrenci* 'ученик, который (сам) будет, может... читать' и типа *oku-yacak kitap* 'книга, которую предстоит, можно... читать', наряду с *oku-n-asak kitap* 'книга, которая будет, может... быть прочитана' (словоформа страдательного залога).

Субстантивно-адъективные формы в сфере атрибутивного использования способны сигнализировать только о том, что действие есть признак предмета, но не содержат в своем значении указания на то, в каких отношениях находится действие и предмет. Эта особенность отличает их от причастий, которые заключают в своем значении указание на то, что предмет есть производитель действия⁵.

Если словоформа, состоящая из основы и причастного аффикса (*iç+ân* 'пьющий'), несет «залоговую» информацию, а словоформа, состоящая из основы и аффикса *-(j)asak* (*vağ+asak* 'связанный с уходом'), таковой не передает, то естественно заключить, что глагольная основа сама по себе никакого залогового значения (или компонента значения) не имеет, то есть не может выполнять функцию сигнала, указывающего на характер взаимоотношений предмета и действия, что это значение привносится или не привносится в словоформу теми или иными показателями.

Можно допустить также, что глагольная основа имеет нулевой показатель действительного залога, а показатели некоторых категорий как бы «отключают», нейтрализуют его значение.

Из этих двух решений предпочтительным представляется первое как более соответствующее строю тюркских языков. Приняв его, необ-

⁴ Подробнее об этом см.: В. Г. Гузев. Система именных форм тюркского глагола как морфологическая категория. — В кн.: «Türkçöğisi. K semidesiyiliyini akademika» А. Н. Кононова». М., 1976, стр. 56—64.

⁵ Там же.

ходимо также предположить, что с точки зрения тюркского сознания в качестве обычного, нормального, исходного всегда воспринималось и воспринимается активное взаимодействие предмета и действия, при котором предмет истолковывается как производитель последнего. Поскольку подразумевается именно такое взаимоотношение, не возникает и потребность в особом знаке для его выражения. Специальные знаки потребовались для сигнализаций об иных, отличных от «нормальных», взаимоотношениях действий и предметов. Такие знаки были выработаны тюркскими языками в процессе эволюции. Это — показатели взаимного, понудительного, страдательного и возвратного залогов.

В староанатолийско-тюркском языке, как и в ряде других тюркских языков, представление об активном, агентивном взаимоотношении действия и предмета в известной мере «оязыковано» (И. А. Бодуэн де Куртене), грамматизовано. В частности, оно, как было сказано, вошло в состав значений причастий. Большинство же глагольных форм, по-видимому, не имеет такой семы. При порождении высказываний агентивное взаимодействие не получает специального выражения как само собой разумеющееся, как наиболее часто передаваемый узуальный смысл⁶.

Из сказанного следует, что термин «основной залог», возможно, правомернее использовать при чисто описательном подходе к фактам языка для обозначения глагольной формы, лишенной залогового показателя. При функциональном подходе, учитывающем коммуникативную роль формы, по-видимому, должно быть отмечено, что тюркские языки вряд ли имеют основной, или действительный залог, то есть особую глагольную форму, выполняющую функцию сигнала об агентивных взаимоотношениях действий и предметов.

* * *

Вопрос о глаголах с медиальным значением чаще всего связывается с учением о страдательном и возвратном залогах. Ввиду царящего в литературе разнобоя в формулировках медиального, или «среднего» («средне-возвратного», «общевозвратного» и т. п.) значений необходимо уточнить, что под медиальным здесь понимается значение, включающее следующие характеристики действия: 1) связанный с действием предмет сам является его производителем; 2) действие не является переходным; 3) действие представляет собой изменение в состоянии (внешнем или внутреннем) предмета⁷.

Примеры использования глаголов с медиальным значением: *ol sā'at bulut gidār, gün açylur, şavq nūry 'ālām üzrā saçylur* (ЮЗ, 17) 'Тотчас облако уплывает, появляется солнце. Яркий свет проливается на весь мир'; *syrr sözi aşkārā denmāz, anda su oda göjünmāz, dūn ū gün janağ söjünmāz bu çyragum anda* (ЮЗ, 171a-b) 'Тайное не говорит открыто, там вода от огня не возгорается. Днем и ночью горит, не гаснет там этот мой свет'; *tānlāri xōd dutuşup göjnār idi* (ЮЗ, 53) 'Даже тела их воспламенились и горели'.

Как явствует из приведенных примеров, медиальное значение может обнаруживаться у глаголов, выступающих в форме трех залогов: стра-

⁶ См.: Г. П. Мельников. Системология и языковые аспекты кибернетики. М., 1978, стр. 253—258, 267—290.

⁷ Ср.: В. В. Виноградов. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972, стр. 488—501; Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974, стр. 188.

дательного, возвратного и взаимного⁸. При этом различия между перечисленными залогами в медиальных образованиях отсутствуют, и оказывается нарушенной нормальная дистрибуция залоговых показателей (в примерах видим словоформы: *aç-yl-, saç-yl-, göj-ün-, sōj-ün-, dut-uş-*).

К этому следует добавить такие факты, как: 1) наличие медиальных глаголов с показателями: *-laş* (*dañlaş-* 'удивляться') и *-lan* (*'ārlan-* 'стыдиться', *zārlan-* 'плакать'), 2) отсутствие у многих медиальных глаголов соотносительных «производящих» основ (например, у глаголов: *gōjün-, sōjün-*); 3) наличие большой группы непроезводных глаголов, лексическое значение которых также является медиальным: *bit* 'возникать', *dog-* 'рождаться', *duḡ-* 'вставать, останавливаться', *çök-* 'опускаться, осаждаться' и др.

В пользу истолкования медиальных глаголов, в состав которых входят залоговые показатели, как явления сферы глагольного словозменения, то есть в качестве самостоятельного медиального залога или частного значения одного из трех упомянутых залогов, свидетельствует, пожалуй, только устранение переходности переходных глаголов (если признавать переходность грамматическим значением)⁹. Все остальные факты противятся такому истолкованию.

Указание на то, что предмет сам совершает непереходное действие, несовместимо со значениями «косвенных» залогов, в особенности с собственно-страдательным значением страдательного залога, и, как было показано выше, могло бы быть значением лишь основного (действительного) залога.

Нарушенная дистрибуция залоговых показателей в медиальных основах, наличие в языке большого числа лексически медиальных непроезводных глаголов, с которыми производные образования явно составляют один семантический разряд, — это факты, подтверждающие, что развитие медиального значения представляет собой один из путей семантической эволюции залоговых форм, приводящей к их лексикализации, то есть к изоляции, отрыву от продуктивного словоизменительного залогового механизма и превращения в самостоятельные глагольные основы.

* * *

Рассмотренные выше факты и изложенные соображения позволяют высказать следующие предположения:

1. В функциональном аспекте основная глагольная форма (основа без залоговых показателей) лишена ожидаемого залогового значения и, следовательно, нулевого залогового показателя.

2. Образования с медиальным значением, содержащие аффиксы страдательного, возвратного и взаимного залогов, представляют собой лексикализовавшиеся основы.

3. Основные формы и медиальные основы не могут признаваться залоговыми формами, входящими в состав соответствующей категории.

Признание сформулированных тезисов означало бы, что категория залогов в тюркских языках должна изучаться как совокупность четырех глагольных форм — взаимного, понудительного, страдательного и

⁸ Ср.: Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1962, стр. 502—506.

⁹ См.: А. В. Десницкая. Из истории развития категории глагольной переходности. — В кн.: «Памяти академика Льва Владимировича Щербы (1880—1944)». Сборник статей. Л., 1951, стр. 136—144.

возвратного залогов, которым в речи (текстах) соответствуют продуктивные залоговые словоформы.

ИСТОЧНИКИ

- Ч -- Çarhnâmâ («Поэма о превратностях судьбы»). Издание: М. Mansuroğlu. Ahmed Fakih. Çarhname. İstanbul, 1956.
- ЮЗ — Jüsuf ü Zulaixa («Юсуф и Зулейха»). Издание: D. Dilçin. Şeyyad Hamza. Yusuf ve Zeliha. İstanbul, 1946.
- ЮЭ — Стихи Юнуса Эмре. Издание: А. Gölpınarlı. Yunus Emre. Risâlat al-Nushiyyat ve Divan. Önsöz-Lûgat-Açılama. İstanbul, 1965.
-

И. Г. ГАЛЯУТДИНОВ

ИСТОРИЯ БАШКИРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА XIX—НАЧАЛА XX ВЕКА И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ

В тюркском языкознании до настоящего времени нет четкого определения различий между изучением истории строевых элементов языка и истории литературного языка. «Следует всегда иметь в виду, — пишет Б. А. Серебренников, — что цели и задачи, которые ставят перед собой лингвист, изучающий историю строевых элементов языка, и лингвист, изучающий историю литературного языка, отличаются друг от друга коренным образом. Основная цель лингвиста, изучающего историю строевых элементов языка, заключается в прослеживании истории звуков, грамматических форм и синтаксических конструкций. Историк языка должен прежде всего установить наиболее древнее состояние какой-либо группы родственных языков... История строевых элементов языка не зависит от наличия письменных памятников. Можно создать историю языка, не имеющего вообще никаких письменных памятников. При этом могут быть использованы данные его диалектов и родственных языков. Историю же литературного языка создать без наличия письменных памятников невозможно...»¹.

Особенности употребления языка в письменных памятниках в советском языкознании впервые подробно рассматривались в трудах В. В. Виноградова² и Г. О. Винокура³. В последнее время их идеи в области истории русского литературного языка развивались А. И. Горшковым⁴.

В тюркском языкознании функционально-стилистический подход к языку древне- и среднетюркских письменных памятников впервые нашел отражение в работах Э. Р. Тенишева⁵, хотя основы этого направ-

¹ Б. А. Серебренников. Об основных отличиях истории строевых элементов языка от истории литературного языка. — «Советская тюркология», 1981, № 4, стр. 8—9.

² В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938.

³ Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.

⁴ А. И. Горшков. Язык предпушкинской прозы. М., 1982; *его же*. Теоретические основы истории русского литературного языка. М., 1983.

⁵ Э. Р. Тенишев. О наддиалектном характере языка тюркских рунических памятников. — Сб. «Turgologica. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова», Л., 1976; *его же*. Функционально-стилистическая характеристика древнеуйгурского литературного языка. — В сб.: «Социальная и функциональная дифференциация литературных языков», М., 1977; *его же*. Исследование типологии древнетюркских литературных языков. — «Тезисы докладов I Международного симпозиума ученых социалистических стран на тему „Теоретические проблемы восточного языкознания“» ИВ АН СССР. М., 1977; *его же*. Языки древне- и среднетюркских памятников в функциональном аспекте. — «Вопросы языкознания», 1979, № 2; *его же*. О наддиалектной природе языка караханидско-уйгурских письменных памятников. — «Типы наддиалектных форм языка», М., 1981.

ления были заложены еще в трудах В. В. Радлова, А. Н. Самойловича и С. Е. Малова.

Из всех отмечаемых различительных признаков понятия «литературный язык» бесспорными, на наш взгляд, являются следующие: а) наличие письменности, реальное существование литературного языка в текстах; б) определенная обработанность, относительная наддиалектность; в) функционирование в качестве средства общения как особой разновидности языка. Эти общие признаки характерны и для башкирского литературного языка.

Современный башкирский литературный язык, представляет собой развитой национальный литературный язык, прошедший долгий и сложный путь развития, однако не получивший до сих пор достаточно полного и подлинно научного освещения. Поэтому все еще бытует ошибочное мнение, что башкирский язык относится к младописьменным языкам, не имевшим до Великой Октябрьской социалистической революции своих собственных письменных традиций. Причина подобного заблуждения заключается, на наш взгляд, в том, что, во-первых, во многих старых исследованиях башкирский литературный язык донационального периода был представлен только образцами устно-поэтического творчества; во-вторых, в башкирской лингвистике язык дореволюционных письменных памятников до последнего времени не был исследован на уровне литературного языка тюрки Урало-Поволжья в целом и региона Башкирии в частности.

О дореволюционном литературном языке башкир даются противоречивые сведения и в статьях «Башкирская литература», «Башкирский язык», помещенных в «Краткой литературной энциклопедии»⁶.

Как известно, литературный язык представляет собой чрезвычайно сложную систему, связанную с объективными и субъективными факторами действительности каждой эпохи, развитием материальной и духовной культуры народа в конкретных социально-экономических, общественно-политических условиях. Подлинно научное изучение истории литературного языка заключается помимо систематизации и суммирования уже известных объективных фактов еще и в проникновении с новых научных позиций в суть исследуемых языковых явлений путем раскрытия управляющих ими внутренних законов, в выдвижении новых идей на основе теоретического обобщения эмпирического материала. Причем литературный язык любого народа должен рассматриваться не изолированно, не сам по себе, а как необходимый элемент или подсистема обширной целостной системы «народ — язык — общество». Вместе с тем это и самостоятельная система, образованная из подсистем более низкого уровня (язык художественной литературы, публицистики, науки и техники, официально-деловых документов и т. п.). При этом следует иметь в виду, что литературный язык не может рассматриваться как неизменная, универсальная и замкнутая система, он саморазвивается и непрерывно пополняется новыми элементами.

Система «язык народности или нации» включает в себя и другие подсистемы: народно-разговорный язык и язык фольклора. Литературный язык по сравнению с ними является более поздним явлением и как самостоятельная система по своей структуре, функции и значению резко отличается от них. Поэтому, следует разграничивать историю народно-разговорного языка и историю литературного языка⁷.

⁶ См.: «Краткая литературная энциклопедия», т. I. М., 1962, стр. 480, 484.

⁷ См.: Э. Р. Тенишев. О построении истории народно-разговорного и литературного языков. — «Тюркологические исследования». М., 1976, стр. 230.

С методологической точки зрения необходимо различать также историю литературного языка и историю языка фольклора, ибо фольклор является предшественником литературы. Хотя они, безусловно, имеют немало общего, однако в структурно-функционально-семантическом аспекте их следует рассматривать все же как две самостоятельные системы, имеющие собственную художественную структуру, форму функционирования, социально-эстетическую семантику и историю⁸. Поэтому нет необходимости и было бы неправомерным отождествлять язык фольклора с литературным языком. «Фольклор и художественную литературу объединяет образность изображения, а разъединяют особенности языка»⁹. Речь может идти, по-видимому, только об их взаимодействии.

Изучение процессов взаимодействия литературного языка с народно-разговорным и языком фольклора возможно только на уровне системы «язык народности или нации», ибо здесь речь идет о взаимодействии между подсистемами внутри одной системы. Однако с точки зрения истории литературного языка значительный интерес представляет воздействие на него народно-разговорного языка и языка фольклора.

Межсистемные связи литературного языка с народно-разговорным языком и языком фольклора находятся в зависимости от особенностей этапов развития литературного языка, характеризующихся различной степенью целостности общества, его социально-экономической формацией¹⁰. Расцвет башкирского фольклора, например, относится к донациональной эпохе — феодализму. В этот период язык фольклора, освободившийся от многих диалектных черт, способствовал становлению единого общенародного языка, созданию высокохудожественных средств выражения, вошедших впоследствии в литературный язык.

Литературный язык башкир донациональной эпохи, в отличие от языка фольклора, был функционально ограниченным: им пользовалась только образованная часть населения. Это — письменно-литературный язык тюрки Урало-Поволжья, основанный на уйгурской и чагатайской письменной традиции и в равной степени распространенный среди башкир и татар¹¹. Это локальный вариант литературного языка тюрки сначала характеризовался старыми грамматическими нормами, насыщенностью арабизмами и фарсизмами, слабым проявлением стремления к синтезу письменно-литературного и разговорно-фольклорного языков. Однако в XIX веке, то есть в эпоху развитого феодализма, а также зарождения и утверждения капитализма, возникают попытки нормализации и демократизации литературного языка, ибо форма и содержание письменно-литературного языка тюрки Урало-Поволжья уже не отвечали новым потребностям общества.

Об источниках истории башкирского литературного языка XIX—начала XX века. Источниками истории башкирского литературного языка XIX—начала XX века являются произведения художественной литературы, публицистика, научные и религиозные сочинения, различные

⁸ У. Б. Далгат. Литература и фольклор. М., 1981, стр. 9; С. Жукас. О соотношении фольклора и литературы. — В кн.: «Фольклор. Поэтика и традиция». М., 1982, стр. 8.

⁹ Ф. П. Филин. Истоки и судьбы литературного языка. М., 1981, стр. 186.

¹⁰ К. К. Трофимович. Социально-экономические условия развития и функционирования литературного языка небольшой социалистической народности. — В сб.: «Вопросы становления и развития языковой системы. Труды по русской и славянской филологии». Тарту, 1981, стр. 4.

¹¹ Э. Р. Тенишев. Языки древне- и среднетюркских письменных памятников..., стр. 85—86; Б. А. Серебренников. Об основных отличиях истории строевых элементов языка..., стр. 4.

официально-деловые документы, эпистолярные материалы и т. п. Все они рассматриваются нами как единый комплекс, ибо развитие литературного языка как самостоятельной системы, включающей упомянутые подсистемы, можно проследить на основе синтеза фактов из различных групп источников.

Рассматриваемый период истории башкирского литературного языка исключительно богат источниками, которые в основном хранятся в архивах и книгохранилищах Уфы, Москвы, Ленинграда, Казани, Оренбурга¹². Немалая часть рукописных материалов находится в частных собраниях. Эти источники по своему характеру распределяются следующим образом: 1. рукописные сочинения, имеющие форму кодекса или листа: а) автографы (оригиналы); б) анонимные; в) списки (варианты); 2. печатные произведения.

Первую группу представляют рукописные литературные произведения, исторические документы (шежере, грамоты, ярлыки, указы и т. п.), официально-деловые (акты, рапорты, договоры, билеты и др.) и эпистолярные материалы (письма, дневники). В отличие от печатных изданий, они в той или иной мере отражают индивидуальные особенности речи писца, что имеет немаловажное значение для истории литературного языка.

Рукописные произведения литературы и исторические документы писались и размножались профессиональными переписчиками-каллиграфами (хаттатами), учащимися медресе (шакирдами) и в XIX веке. Многие из этих источников являются анонимными. Особое место среди рукописных источников XIX и начала XX века занимают произведения местных поэтов и писателей, дошедшие до нас в оригинале или в списках.

Что касается печатных (книжных) произведений, то они датируются концом XIX—началом XX века¹³. Полиграфические предприятия возникли в Казани, Оренбурге, Уфе (типографии «Шарык матбыгасы», «Тормош») и Стерлитамаке («Нур»).

Книги, напечатанные арабским шрифтом в типографиях Казани и других городов, вначале были преимущественно религиозного содержания¹⁴. Произведения светского характера стали издаваться в начале XX века.

В Оренбурге печатание книг арабским шрифтом относится к концу XIX—началу XX века. Особо следует отметить типографию товарищества «Каримов, Хусайнов и К^о», открывшуюся в конце 1905 года. Кроме художественных произведений, учебников, научных трудов, здесь печатались также и периодические издания на татарском языке (журналы «Чүкеч», «Иктисад», «Шура»; газета «Вакыт»).

В самой Уфе и губернии издавались книги видных башкирских и татарских писателей.

Издатели Башкирии уделяли много внимания выпуску школьных учебников и хрестоматий. Среди них можно отметить «Адабийат мога-

¹² См.: А. И. Харисов. Литературное наследие башкирского народа (XVIII—XIX века). Уфа, 1973, стр. 188—199.

¹³ Подробнее об этом см.: А. Г. Каримуллин. Татарская книга начала XX века. Казань, 1974, стр. 319.

¹⁴ А. Соловьев. Каталог книг, отпечатанных в типографии Казанского университета с 1800 по 1899 г. Казань, 1899; В. Д. Смирнов. Мусульманские печатные издания в России. — «Записки восточного отделения Русского археологического общества», СПб., 1888—1889, вып. 1, 2 (1888), стр. 106—114; вып. 3 (1889), стр. 394—398.

лиме» и «Мохтасар кавагид адабийя» Габдрахмана Сагди, учебники татарского, арабского языков, азбуки, грамматики Гали Хасана, М. Сагдиева, Х. Усманова, Х. Искандарова, Ф. Ахметова и др. Были изданы учебники по естествознанию «Хикмат-и табигийа» Х. Курбангалеева, «Табигат» Я. Айманова, по астрономии «Гилем аль-галаик тарихчасы» Д. Абызгильдина, сочинения по истории, этнографии отдельных тюркских народов и т. д.

Художественная литература Башкирии исследуемого периода развивалась в основном в трех взаимосвязанных жанрах — лирике, эпосе и драматургии. До XIX века ведущим жанром была поэзия, насыщенная религиозной тематикой. С конца XIX века поэзия начинает уступать место прозе, развивается публицистика, появляются такие новые жанры, как рассказ, повесть, драма.

К лирике данного периода относятся анонимные поэтические произведения (дастаны, киссы и т. п.), стихотворения Т. Ялыгулова, А. Каргалы, Х. Салихова, Ш. Заки, Г. Сокрия, М. Акмуллы, М. Уметбаева, ранние произведения М. Гафури, С. Якшыгулова, Д. Юлтыя, Ш. Бабича и др.

Проза была представлена традиционными и современными эпическими жанрами (хикаят, рисала, наме, насер, рассказ, повесть и др.), публицистикой (газетно-журнальные, литературно-критические статьи), научными сочинениями (учебники по философии, логике, астрономии, математике, географии, медицине, литературоведению, языкознанию и т. п.), историческими документами (шеджере, грамоты, указы и т. п.), официально-деловыми (акты, рапорты, договоры, билеты и др.), эпистолярными (официальные письма, обменные письма личного характера, дневники) источниками и, наконец, религиозно-догматическими произведениями (хадисы, шариат, фикх и т. п.). Среди прозаических произведений наибольшую ценность представляют сочинения Р. Фахретдинова, З. Хади, М. Гафури, А. Тагирова, А. Тангатарова, Ф. Валеева, Х. Сагди и др.

В начале XX века появляются и драматические произведения А. Тагирова, Г. Гумерского, Ф. Туйкина, Г. Ниязбаева и др.

Лингвистическая ценность источников. Большинство письменных памятников Башкирии исследуемого периода создано на письменно-литературном языке тюрк Урало-Поволжья. В тюркологической литературе термин *тюрк* иногда заменяется термином совсем иного содержания: «старотатарский литературный язык»¹⁵, хотя в прошлом тюркская письменность самими поэтами и учеными обозначалась общим термином *төрки теле*¹⁶. На наш взгляд, термин «старотатарский литературный язык» требует специального исследования¹⁷ с привлечением памятников, написанных на тюрк Поволжья и Урала. Однако эти источники, осо-

¹⁵ Ср., например: «...говорить о каком-то абстрактном „тюрки“ нет основания. Есть конкретный пестрый старотатарский литературный язык, который мог возникнуть и развиваться лишь в условиях Поволжья в XVII—XVIII вв.» (см.: М. А. Усманов. Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. Казань, 1972, стр. 68).

¹⁶ Мухаметсалим Уметбаев в своих письмах, написанных на русском языке, язык тюрк называл «тюркским языком», см.: Т. М. Гарипов. Изучение башкирского языка в дореволюционный период. — «Вопросы башкирской филологии», М., 1959, стр. 40. См. также: А. Зайончковский. К изучению средневековых памятников тюркской письменности (XI—XVI вв.). — «Вопросы языкознания», 1967, № 6, стр. 83.

¹⁷ См.: Т. М. Гарипов. Старотюркские письменные памятники Башкирии. — «Советская тюркология», 1972, № 4, стр. 40—41.

бенно ранние, в равной степени могут быть использованы и для изучения истории башкирского литературного языка¹⁸.

Особенности письменно-литературного языка тюрки первой половины XIX века находят отражение в основном в произведениях суфийской поэзии, представителями которой были Т. Ялсыгулов, А. Каргалы, Х. Салихов, Ш. Заки.

Для письменно-литературного языка этого периода характерны те же особенности, что и для языка предшествующей поры, однако тенденция сближения литературного языка с живой разговорной речью, которая наблюдалась и в XVIII веке, в первой половине XIX века заметно усиливается. В текстах суфийской литературы, например, наряду с традиционными языковыми средствами начинают употребляться и новые. Это относится и к грамматическому строю, и к лексическому составу языка памятников, дошедших до нас преимущественно в списках.

В области графо-фонологии, например, происходят следующие чередования между графемами:

а) $\text{ب} \sim \text{پ}$ в начале и середине одного и того же графического слова: *badšah*~*padšah* 'царь', *qubarmaq*~*quramaq* 'разразиться', *küber*~*küper* 'мост';

б) $\text{ب} \sim \text{م}$ в анлауте: *bundan*~*mundan* 'отсюда';

в) $\text{ب} \sim \text{و}$ в начале слова: *bardur*~*vardur* 'есть';

г) $\text{پ} \sim \text{ف}$ в инлауте: *japraq*~*jafraq* 'лист';

д) $\text{ت} \sim \text{د}$ во всех позициях слова: *türt*~*dürt* 'четыре', *taš*~*daš* 'камень', *jete*~*jede* 'семь', *ulturt*~*ulturd* 'посади' и т. д.

Аналогичные фонетические явления наблюдаются во всех говорах современного башкирского языка¹⁹.

Смешанные традиционные и современные языковые особенности отмечаются и в морфологии:

сосуществование дательного-направительного падежа на *-a/-ä* и *-ya/-gä*: *Mädinäjä kitdelär* — *Mädinägä kitdelär* 'уехали в Медину';

параллельное употребление исходного падежа на *-dyn/-din* и *-dan/-dän*: *jortyndyn*—*jortyndan* 'от юрты';

наряду с формой прошедшего времени глагола на *-myš/-meš* в произведениях встречается и форма *-dy/-de*: *qalmyš*—*qaldy* 'остался', *ulmyš*—*buldy* 'был';

причастная форма на *-dyqy/-düki* уживается с формой *-yan/-gän*: *birdüki*—*birgän* 'врученный'.

Смешение традиционных и новых форм наблюдается и в деепричастии, образованном при помощи аффиксов *-ju/-jü* и *-yb/-eb*: *estäjü*—*estäb* 'искав' и т. п.

В текстах произведений этого времени представлены также лексические параллели, наглядно характеризующие традиционный и народно-разговорный языки: *taу*—*tau* 'гора', *qary*—*qart* 'старик', *ev*—*öj* 'дом', *atlyу*—*isemle* 'по имени', *čuq*—*küb* 'много', *ötrü*—*soң* 'затем', *beң*—*meң* 'тысяча', *var*—*bar* 'есть', *bezläг*—*bez* 'мы', *äjlä*—*qyl* 'делать' и др.

Таким образом, в языке письменной поэзии находит отражение

¹⁸ Аналогичная проблема возникает, например, с терминами «чагатайский» и «староузбекский» языки. Подробнее об этом см.: Г. Ф. Благова. Тюркск. *чагатай* — русск. *чагатай*—*джагатай* (Опыт сравнительного изучения старого заимствования).—«Тюркологический сборник. 1971». М., 1972, стр. 167—205.

¹⁹ См.: Н. Х. Максимова. Восточный диалект башкирского языка в сравнительно-историческом освещении. М., 1976; С. Ф. Миржанова. Южный диалект башкирского языка. М., 1979.

сложная и противоречивая эволюция письменно-литературного языка тюрки Урало-Поволжья. В текстах суфийской литературы встречается различное написание слов: поэты и переписчики не всегда последовательно придерживались традиций языка тюрки, ибо, следуя в целом нормам литературного языка, они не могли не отразить на письме некоторые фонетические, морфологические и лексические особенности родного языка.

Процесс взаимодействия литературного языка с языком фольклора ярко прослеживается в таких жанрах, как дастан, кисса, мунаджат и особенно байт. Байты создавались под влиянием традиционного литературного языка: «Первые авторы байтов — люди грамотные, преимущественно шакирды и учителя, о чем свидетельствуют и стихосложение байтов, и книжный стиль, и лексика, пестрящая арабско-персидскими словами. Традиционный книжный зачин байтов, их исполнение (чтение) с особой „шакирдской“ интонацией тоже говорят об этом»²⁰.

В текстах научной литературы и религиозно-богословских произведений, написанных на тюрки, преобладали не тюркские, а арабские и персидские слова.

В историко-документальных и эпистолярных источниках, однако, наряду с арабско-персидскими словами употреблялись слова и словосочетания, бытующие в народно-разговорном языке, встречались и русские заимствования²¹.

К этому же времени относится зарождение башкирской просветительской литературы, образцы которой представлены в трудах М. Иванова, С. Кукляшева, М. Бикчурина²². Эта литература особенно интенсивно начинает развиваться во второй половине XIX века. В формировании языка просветительской литературы, в процессе сближения его с живой народной речью и языком фольклора важную роль сыграли М. Акмулла (1831—1895) и М. Уметбаев (1841—1907)²³.

Тексты просветительской литературы с лингвистической точки зрения резко отличаются от других памятников того времени. В них широко употребляются слова и словосочетания, бытующие в языке фольклорных произведений, живой разговорной речи башкир. Это в первую очередь относится к произведениям М. Акмуллы и М. Уметбаева.

Тексты научной и публицистической литературы этого времени пишутся большей частью на татарском литературном языке, окончательно еще не освободившемся от влияния тюрки.

В языке историко-документальных источников довольно часто встречаются русские заимствования, свидетельствующие о социальных и общественно-политических изменениях в жизни башкир того времени: *ыстаршина, грамота, кантон, салдат, земский гласный* и т. п.

В начале XX века, в особенности после революции 1905 года, языком башкирской письменной художественной литературы стал татарский литературный язык. На этом языке писали башкирские поэты

²⁰ А. И. Харисов. Литературное наследие башкирского народа (XVIII—XIX века). Уфа, 1973, стр. 145.

²¹ Р. Х. Халикова. Исторические документы как источник изучения истории башкирского языка. — В кн.: «Археография и лингвистическая текстология Южного Урала». Уфа, 1977, стр. 53—59.

²² «Татарская грамматика, составленная Мартинианом Ивановым». Казань, 1842; С. Кукляшев. Татарская хрестоматия. Казань, 1859; М. Бикчурин. Начальное руководство к изучению арабского, персидского и татарского языков с наречиями бухарцев, башкир, киргизов и жителей Туркестана. Казань, 1869; его же. Башкирские повести и рассказы. (Рукопись, 1845—1849 гг.).

²³ А. Х. Вильданов, Г. С. Кунафин. Башкирские просветители-демократы XIX века. М., 1981.

М. Гафури, Д. Юлтый, Ш. Бабич, Я. Юмаев, Г. Исанбердин, Б. Мирзанов, В. Султанов, Ф. Валеев, М. Татлыбаев и др. Однако татарский литературный язык этих и других авторов отличался своей близостью к народно-разговорному языку башкир. В развитии словарного состава этого письменно-литературного языка, кроме татарского, активно участвуют башкирский и русский языки. Возникают характерные локальные черты в его лексическом и грамматическом строе. На основе синтеза письменно-литературного языка тюрки, народно-разговорной речи и языка фольклора башкир началось формирование современного башкирского литературного языка. Язык произведений ряда башкирских писателей и поэтов (С. Якшыгулова, Х. Габитова, Г. Киикова, М. Татлыбаева и др.) имел ярко выраженную тенденцию к сближению с разговорным языком башкирского народа. Именно в это время предпринимаются первые попытки создания современной башкирской письменности и литературного языка на основе русской графики (башкирские буквари русских ученых А. Бессонова, Н. Катанова и башкирского ученого М. Кулаева; словари В. Катаринского, книги для чтения, переводная религиозная литература православных миссионеров)²⁴.

Таким образом, историю башкирского литературного языка XIX—начала XX века, исходя из лингвистического принципа, можно разделить на три подпериода:

а) письменно-литературный язык тюрки Урало-Поволжья первой половины XIX века. Этот подпериод органически связан с предшествующим и в целом характеризуется сосуществованием традиционных и новых форм в литературном языке;

б) параллельное функционирование письменно-литературного языка тюрки и татарского литературного языка во второй половине XIX века. В словарном составе традиционного языка тюрки происходят значительные изменения: арабский и персидский языки перестают быть источниками заимствований. Усиливается влияние башкирского и татарского народно-разговорных языков;

в) татарский литературный язык начала XX века в Башкирии и сохранение некоторых норм старого литературного языка тюрки. Этот язык в начале XX века в Башкирии имел несколько локальный характер и явился переходным этапом в формировании современного башкирского национального литературного языка.

²⁴ А. Г. Бессонов. Букварь для башкир. Оренбург, 1892 и 1898; *его же*. Букварь для башкир. Казань, 1907; Н. Ф. Катанов. Букварь для башкир. (Рукопись); М. А. Кулаев. Основы звукопроизношения и азбука для башкир. Казань, 1912; В. В. Катаринский. Краткий русско-башкирский словарь. Оренбург, 1893; *его же*. Башкирско-русский словарь. Оренбург, 1899; *его же*. Инжил. Казань, 1902 и др.

РЕЦЕНЗИИ

Ф. Г. ГАРИПОВА. ТАТАРСТАН ГИДРОНИМНАРЫ СУЗЛЕГЕ

ТАТАРСТАН КИТАП НӘШРИЯТЫ, КАЗАН, 1984, 224 стр.

Рецензируемый словарь составлен на основе фактического материала, собранного автором во время экспедиций, организованных сектором языка Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР. Впервые в татарском языкознании вводится в научный обиход столь большое количество названий водных объектов.

Словарю предпослано автором сжатое введение, в котором выделены различные этнолингвистические пласты гидронимов Татарской АССР, раскрыта их связь с историей народа, определены основные цели и задачи словаря, принципы его составления, указаны использованные в нем дополнительные источники и материалы. Даются также разъяснения, относящиеся к методике технического оформления книги (транскрипционные знаки в тексте, приемы сокращений, орфографические особенности и т. д.). Введение завершается списком сокращений. Словарь состоит из четырех тематических разделов. Первый из них включает названия рек (*елга исемләре*) и речек (*ичемләр*), второй — названия родников (*чишмәләр*), третий — названия озер (*кулләр*), четвертый — названия болот и топей (*сазлыклар*). В заключение приводится список использованных литературных источников.

Словарные статьи содержат более трех тысяч (с вариантами около четырех тысяч единиц) простых и составных наименований. Алфавитное расположение материала облегчает его использование читателем.

В словаре, кроме литературных названий, приводятся их местные, диалектные варианты в соответствующем орфографическом оформлении, например: *Йуказы//Ютады//Жоады* (р. Ютазы), *Актай суы//Актачы суы, Аксумла йылгасы//Уксумлы йылгасы* (р. Аксумла//Уксумлы) и т. д., что придает изданию особую значимость также в историко-лингвистическом плане.

В случаях, когда встречается несколько объектов (а их очень много) под одним и тем же названием, то они подаются как лексикографические значения под номерами с

указанием адресов: *Биләр йылгасы* 1. л. пр. р. Малый Черемшан (с. Биллярск, Алексеевский р-н). 2. пр. пр. р. *Сикийә* (д. Тат. Булярово, Муслюмовский р-н) и т. д.

Значительная часть помещенных в словарь гидронимов для сравнения сопровождается наименованиями и вариантами названий, зафиксированных в списках населенных мест, в писцовых книгах, на географических картах бывшей Казанской губернии, в географическо-статистических, историко-географических трудах и краеведческой литературе, например: *Алат йылгасы* (р. Алат), варианты: *Алаты, Алат, Алатка Барская, Барская Алатка; Аты йылгасы* (р. Атынка), варианты: *Атинка, Атынка, Аты* и др.

Сравнительный материал, извлеченный из топонимических и гидронимических словарей по Алтаю, Уралу, Казахстану, Кавказу, Украине и другим территориям, позволяет установить ареал тюркских названий, рассмотреть татарскую гидронимию в системе общетюркских гидронимов, проследить межъязыковые контакты, например: *Акса́й йылгасы* (р. Аксай). В топонимии Горного Алтая *Ак-сай* — название деревень и рек; в казахской гидронимии *Акса́й* — название рек и речек; в Киргизской ССР, в Ростовской и Волгоградской областях *Акса́й* — название рек.

Карасу суы (кара су 'темная вода'). В гидронимии Горного Алтая, Казахстана, Кубани *Карасу* — название реки, в балкарской гидронимии *Малкҭар кӀарасуу, КӀарасу* — названия рек, в туркменской гидронимии *Карасу́в* — название родников, в украинской гидронимии *Карасу, Карасу-Баи, Карасулык* — названия рек.

Болгар йылгасы (р. Болгар). *Болгар* — неофициальные названия населенных пунктов в Северной Осетии и в Кабардино-Балкарской АССР. В украинской гидронимии *Болгар* — название рек, в бассейне р. Оки *Болгарка* — название реки. *Булгарево* — название озера и населенного пункта.

Основу словаря, естественно, составляет татарский пласт, где семантика названий в целом прозрачна. Это объясняется тем, что

на основной территории древнего Булгарского государства большая часть гидронимов была представлена тюркскими названиями. По значению их можно объединить в следующие группы: 1) наименования, отражающие физико-географические особенности, в частности форму, глубину водоема, реки, быстроту течения, цвет, запах, флору, фауну, а также названия-термины, например: *Аксу суы* (ак су 'светлая, белая вода'), *Карасу суы*, *Карамалы йылга* (ка-рама 'вяз'), *Бурсык йылгасы* (р. Барсучья), *Кәкре кул* (оз. Кривое) и др.; 2) названия, возникшие в результате практической деятельности людей, связанные с подсечно-огневым земледелием, пчеловодством и другими видами крестьянских работ. Сюда же относятся названия, образованные от личных имен, например: *Даулы йылга* (дау 'спор'), *Дегет йылгасы* (дегет 'деготь'), *Тимерче йылгасы* (тимерче 'кузнец') и др.; 3) названия, восходящие к этнонимам.

Связь топонимов и гидронимов с родоплеменными наименованиями народов, обитавших и обитающих на данной территории, не вызывает сомнений. Такие наименования родов и племен, участвовавших в формировании татарского народа, сохранились в помещенных в словаре названиях следующих водных объектов: *Алан*, *Баран*, *Бигер*, *Билар*, *Бирэзэ*, *Болгар*, *Бәжәндә*, *Бәрсәт*, *Кабан*, *Казан*, *Коман*, *Нократ*, *Сабә*, *Сөн*, *Сөн* (*һун*), *Таулы*, *Тәмте*, *Торк*, *Чулман*, *Ямәк* и др. Десятки таких названий могут послужить убедительным аргументом при решении ряда этнолингвистических и историко-этнографических вопросов.

Более двух десятков приведенных в словаре названий водных объектов содержат в себе компонент *печман*/*песман*/*писман* (прежнее название города Лениногорска — *Яңа Писман*); имеются также села *Солдат Писманкәсе* (Бугульминский р-н), *Иске Писман* (Лениногорский р-н). Данный компонент прошел примерно следующий путь развития: *мешә* → *бечә* (*беса*) → *печә* (*песа*) → *печ* (*пес*) плюс *ман*, представляющий собой аффикс сказуемости первого лица единственного числа (ср. туркмен). Звено из этой цепочки *печман* (*печ*+*ман*) в свою очередь входит также в ряд *мишәр* (*мишә*+*әр*) ← *бечә* (*печә*) ← *печ* → *печерман* (*печ*+*ер*+*ман*) → *бочырман* — *бесерман*.

Слово *мешә*/*мишә* сохранилось и в татарских гидронимах. В некоторых тюркских языках оно и сейчас употребляется в значении «лес». В древнетюркском языке это слово встречалось в форме *beṣā* и тоже означало «лес». В татарских и башкирских диалектах *мешә*, *беṣә* употребляется в значении «сосна, растущая в болотистой местности».

Если учитывать признанные в тюркологической науке звуковые переходы *аш* → *йаш* → *еш* → *иш*, *ас* → *йас*, *йас* → *йаш*, то еще больший интерес представит также словарная статья *Йыс куле* (название озера в Ланшевском р-не ТАССР). В этой связи нельзя

обойти вниманием и слово *бигәш* в составе названия *Бигәш йылгасы* (Занский р-н ТАССР); имеются также деревни *Бигеи* (рус. *Бигеши*) и *Тубән Биш* — *Биш* (рус. Нижнее Бишево, сокращенно — Бишево) ← *Биш*/*Биеш*.

Ашыт йылгасы (р. Ашит). Зафиксировано в двух местах и представлено в семи источниках. На эпитафии XIV века *Ашлы* употреблено в качестве собственного имени. Известны также городища: *Ашлы* — так называют татарское городище Кирельск, *Хулаш* (булгарское городище).

Оша (в русских источниках соответствующего периода огубленное тат. *а* обозначалось более близким к нему по звучанию русским *о*, например, тат. *татар* — *тотар*, тат. *олпут* — *олпут* и др.) название притока р. Кокшаги; р. Оша (на ней стоит русское село Оша) является притоком р. Шешмы. В Пермской области есть г. Оса и Осинская дорога.

В данной связи уместно вспомнить и следующие известные факты: именами *Бигер* *удмурты*, *сюас* ~ *чуаш* называли казанских татар луговые марийцы, «казанцами» или «новыми булгарами» — их называли русские. Предков современных чувашей луговые марийцы называли *сюасла марий* 'марийцы, то есть люди, имеющие в своем составе суюасов'; мордва их называла *ветка*, *ветке*, *ведьке*, *ведене*, а русские — *веда*.

Значительная часть названий водных объектов тесно связана с общественно-бытовым укладом, духовной и материальной культурой местного населения, с событиями, происходившими на данной территории.

Более двадцати водных объектов в гидронимии Татарской АССР носят название *Киреметь*, что означает «святое место поклонения», «святое место», «чудо», «грозный, мстительный, злой дух», «зловредное существо». Немало рек и родников имеют составные наименования с компонентами *Наурыз* (обрядовый праздник, проводившийся во время встречи Нового года), *Сөрән* (сельские спортивные игры и праздники) и др.

Несколько десятков обозначений берут начало в мифических названиях, в народных поверьях и т. п., например: *Шүрәле йылгасы* (*шүрәле* 'леший'), *Пәриле сазы* (болото Нечистой силы), *Аждаһа куле* (*аждаһа* 'дракон'), *Убырлы кул* (*убыр* 'упырь', 'оборотень', 'вампир') и т. д.

На территории Татарской АССР много родников, носящих название *Изге чышмә* (Святой родник); есть и реки — *Изгеләр йылгасы* (р. Святых), *Изге чышмә йылгасы* (р. Святого родника). Вероятно, это связано с древним культом воды как источника жизни.

Значительное количество названий рек выражает социально-исторические понятия: *Ханнар йылгасы* (р. Ханов), *Тархан йылгасы* (р. Тархана), *Дворян йылгасы* (Дворянская река). Кроме того, зафиксированы наименования, связанные с иерархией духо-

венства — *Мулла йылгасы*, *Мулла куле*, *Абыстай чиммэсе* (*абыстай* — супруга духовного лица), *Поп йылгасы* (Попова река) и др.

Смысл названий рек *Кан йылгасы* (*кан* 'кровь' — Арский, Мамадышский р-ны) связывается с восстанием Пугачева, а также с обращением местного населения в христианство.

В названия водных объектов входят архаизмы, ранее распространенные в старотатарском и древнетюркском языках; например: *болак* 'река', *чирмешэн* 'масляная, смолистая лесная река', 'река хвойного леса', *олыйаз* — татарское *олы* 'большой', древнетюркское *jazi* 'степь, поле, равнина', то есть 'река, которая протекает по большому полю' и др.

Связи русского и татарского народов уходят в глубь веков. С середины XVI века историческая судьба Татарии неразрывно связана с историей России, ставшей к тому времени мощным централизованным государством. Это нашло отражение в гидронимии Татарии, например: *Дубрау йылгасы* (от рус. слова «дубрава»), *Кантур куле* (от слова «контора»), *Повар чиммэсе* (от слова «повар») и др.

Тюркоязычное население Среднего Поволжья имело в прошлом и имеет в настоящем непосредственные контакты с носителями финно-угорских языков, что привело к языковому взаимодействию и взаимовлиянию. Это отразилось и в гидронимии Татарии. Названия *Котыш* (коми *котш* 'лужайка, поляна среди леса'), *Кутэмэ*, *Кутэмэле* (марийск. *котама* 'форель'), *Кугунур* (марийск. *кугу* 'большой', *нур* в том же языке 'поле') и другие, объяснимы только на материале языков финно-угорской группы.

Рецензируемый словарь представляет собой заметное явление в татарской и общетюркской ономастике. Наряду с диалектными данными, а также фактами письменных источников, материалы гидронимии могут быть использованы при решении ряда вопросов истории языка и народа, говорящего на этом языке, исторической лексикологии и диалектологии, этнографии, географии. Книга представляет интерес как для специалистов — научных работников, преподавателей, учителей, студентов, так и для широкого круга читателей.

М. З. Закиев

И. Х. АХМАТОВ. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ (ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ)

ИЗД-ВО «ЭЛЬБРУС», НАЛЬЧИК, 1983, 360 стр.

В последние годы в языкознании много внимания уделяется синтаксическим проблемам. В активизации исследований в области семантики предложения проявляется повышенный интерес к изучению соотношения в языке формы и содержания. При этом синтаксис рассматривается как один из уровней языковой системы в общей проблеме «действительность — мышление — язык». Однако исследование взаимоотношений формы и содержания в предложении пока еще проводится на материале ограниченного числа языков и фактов. Полностью отсутствуют работы, посвященные изучению этой важной проблемы на материале тюркских языков. В отличие от лексической семантики, достижения в исследовании которой общезвестны, синтаксическая семантика еще только формирует круг относящихся к ней теоретических понятий и методику раз- работок.

В рецензируемой монографии И. Х. Ахматова впервые предпринята попытка связать все вопросы, имеющие отношение к синтаксической семантике и выработать по

этой проблеме цельную концепцию. Перед автором исследования стояли нижеследующие серьезные задачи: 1) решение вопросов связанных с формально-семантическим моделированием предложения; 2) установление окончательного перечня структурно-семантических моделей простого предложения карачаево-балкарского языка, специфичного для каждого отдельного языка; 3) описание формальной и семантической структуры простого предложения; 4) определение взаимодействия между грамматической и семантической структурой предложения; 5) установление на синтаксическом уровне той части семантической базы карачаево-балкарского языка, которая раскрывается семантической организацией простых двусоставных глагольных и всех безличных предложений и т. д.

Ни один из этих важных теоретических вопросов современной лингвистики до сих пор не был объектом научного изучения в тюркском языкознании.

Автор монографии, основываясь на диалектическом методе познания, подчеркивает,

что только изучение в единстве формы и содержания синтаксических единиц может дать целостную картину их взаимодействия и взаимопроникновения.

Введение и две первые главы рецензируемой монографии составляют ее теоретическую часть. Научные основы анализа семантической структуры предложения пока еще находятся в стадии разработки, хотя ряд вопросов, тесно соприкасающихся с проблемой семантики предложения, уже освещен в литературе вполне удовлетворительно. И. Х. Ахматов отмечает, что изучение семантической структуры предложения выдвигает ряд проблем, требующих безотлагательной разработки. К их числу он относит: а) определение семантической структуры предложения и ее состава; б) выделение компонентов семантической структуры предложения и их номенклатуры с указанием моделирующих; в) установление иерархии структурной семантической организации предложения и т. д.

Постановка и попытка решения этих проблем сообщает монографии И. Х. Ахматова творческо-поисковый характер. Выводы автора имеют общетюркологическое значение.

В отличие от работ своих предшественников по синтаксическому строю тюркских языков, И. Х. Ахматов разграничивает форму и содержание предложения, а также его компоненты. На многочисленных примерах он показывает, какими формальными средствами могут быть переданы семантические компоненты предложения. Семантика предложения в целом базируется на семантике его компонентов, обозначаемых терминами «субъект действия», «субъект мышления», «объект-адресат», «объект-орудие» и т. п., получивших довольно широкое распространение в русистике.

В монографии убедительно показано, что в формировании семантических компонентов предложения решающую роль играют следующие факторы: а) характер синтаксической позиции слова в предложении; б) особенности лексики, занимающей эту позицию; в) взаимодействие лексической и синтаксической семантики. Подобный подход позволяет выявить объективную картину структуры предложения при изучении его формальных и семантических компонентов.

В работе определяются и впервые в тюркологии выявляются все категории и подкатегории семантических компонентов смысловой структуры предложения, что имеет большое научное и практическое значение.

Как справедливо отмечает автор, в большинстве исследований, посвященных изучению синтаксического строя тюркских языков, хотя члены предложения и выделяются на базе самого предложения, однако рассматриваются они в значительной степени безотносительно к нему, если не считать их взаимоотношений. Что же касается вопроса о роли второстепенных членов пред-

ложения в его структуре, то он обычно остается вне поля зрения тюркологов. Поэтому автор уделяет ему большое внимание на материале карачаево-балкарского языка.

Автор отдельно останавливается и на вопросе семантической структуры предложения. Он отмечает ее иерархическую организацию, основанную на рангах образующих ее семантических компонентов. Согласно точке зрения автора, центральным компонентом указанной структуры предложения является предикат. Таким образом, содержательная сторона предложения в работе исследуется в двух аспектах: в плане организации и в плане общей семантики.

В семантической структуре предложения смысл расчленяется его компонентами, тогда как общая семантика передает смысл целостно, то есть представляет собой не сумму значений компонентов предложения, а качественно новое значение, возникающее в результате взаимодействия его компонентов.

Специфика семантической структуры предложения, отражающаяся в характере его семантических компонентов и в отношениях между ними, определяет принадлежность предложения к тому или иному семантическому типу. Ср.: 1) *Мени башым ауруду* 'У меня болит голова'. *Мени башым кыйнайды* 'Меня беспокоит голова'. *Ол башындан кыйналады* 'Его беспокоит голова'; 2) *Ол катын алганды* 'Он женился'. *Ол юйдегиленгенди* 'Он женился'. *Ол юйдеги болганды* 'Он женился'; 3) *Машина бузуду* 'Машина испортилась'. *Кюн бузуду* 'Погода испортилась'.

Семантический тип предложения большинством лингвистов определяется на основании семантического типа предикатов. И. Х. Ахматов отмечает важность предиката в выражении семантики предложения, хотя при этом и не умаляет роли других компонентов. Семантический тип предложения может определяться, в частности, специфической детерминантой. Ср.: *Суукду* 'Холодно'. *Мында суукду* 'Здесь холодно'. *Манга суукду* 'Мне холодно'.

Семантический тип предложения зависит и от общей семантики предложения, под которой понимается обобщенная информативность предложения в целом.

При семантическом анализе предложения, возникает необходимость в выработке методики символической записи формальной и семантической структуры. Эта задача также решена автором успешно. Предложенные им записи моделей отражают асимметрию языкового знака, форму и содержание каждого компонента предложения, семантическую структуру, выражаемую всей схемой, и, самое главное, соотношение между формальной и смысловой структурой предложения.

На основе анализа обширного языкового материала И. Х. Ахматов доказывает, что одна и та же структурная схема в зависимости от характера лексического наполнения может заключать в себе несколько типов

семантических структур, а один и тот же тип семантической структуры может оказаться присущим нескольким типам синтаксических схем.

В рецензируемой работе автором впервые выдвигается концепция о включающих и включенных предикатах, которая позволяет по-новому подойти к решению вопроса о некоторых структурных типах сказуемого и проблеме классификации безличных предложений тюркских языков, что имеет большое теоретическое значение.

На основе учета валентных свойств предиката в монографии выявляются одноместные, двуместные, трехместные и другие структурные схемы. Структурно-семантическому анализу каждого из этих типов предложения, а также безличных конструкций, посвящена специальная глава.

В работе И. Х. Ахматова впервые в тюркском языкознании выдвинута новая перспективная теория формально-семантического анализа простого предложения. Эта теория успешно применена для выявления полного списка моделей карачаево-балкарского простого предложения и анализа всех выявленных структурно-семантических типов предложения.

Научные достоинства работы И. Х. Ахматова несомненны. Она характеризуется новизной методики описания синтаксического строя тюркских языков и представляет несомненный интерес не только для тюркского, но и общего языкознания. Положения монографии могут быть применены для выявления полного инвентаря моделей предложения, их формальных и семантических компонентов, установления взаимодействия между формальной и содержательной стороной простого предложения любого языка. Монография имеет и большое практическое значение. Полученные в ней результаты вполне могут быть использованы в вузах, готовящих специалистов по тюркским языкам, при составлении программ, учебных и учебно-методических пособий, а также при сравнительном изучении тюркских языков.

В заключение хотелось бы высказать и ряд пожеланий автору рецензируемой работы.

1. В целях более полного охвата темы было бы желательно, чтобы автор в будущем продолжил свое исследование в структурно-семантическом плане, проанализировав и другие разновидности простого предложения: с вводными словами и обращениями, с обособленными членами, причастными, деепричастными и масдарными оборотами, а также все виды односоставных предложений.

2. Нам представляется, что параграф «Моноэлементные и полиэлементные компоненты синтаксической конструкции и проблема односоставности и двусоставности предложения» второй главы находится не на месте. Полагаем, что монография могла состоять из трех частей: посвященной

общим теоретическим проблемам, двусоставным и односоставным простым предложениям. Указанный параграф был бы более уместен в начале последней части. Здесь же можно было проанализировать и другие разновидности односоставных предложений, прежде всего неопределенно-личные и обобщенно-личные.

3. При выделении категорий и подкатегорий семантических компонентов предложения автор опирается на достижения современной лингвистики и на основе анализа обширного материала вносит в этот вопрос много нового. Однако, на наш взгляд, понятия «предикат веса», «субъект веса», «конкретизатор ситуаций» и т. д. не обладают достаточными признаками, чтобы считаться самостоятельными семантическими элементами предложения.

Предлагая для сказуемого односоставного предложения такие новые термины, как «субъектно-предикатно-обстоятельственное» и «субъектно-предикатно-объектное», И. Х. Ахматов рекомендует за их счет увеличить число членов предложения (стр. 154), что не может не вызвать законных возражений.

4. Как известно, некоторые исследователи по аналогии с термином «неопределенно-личное предложение» вводят термин «определенно-личное», считая такое предложение разновидностью односоставного. По-видимому, И. Х. Ахматов тоже придерживается этой позиции, иначе он не определял бы *Келеме* (карач.-балк.) как односоставное предложение (стр. 153). Однако, основным признаком односоставного предложения (особенно его безличного вида) является отсутствие в нем подлежащего, которое невозможно восстановить. В неопределенно-личных и обобщенно-личных предложениях при имеющейся в них потенциальной возможности формального употребления подлежащего, необходимость использования этой возможности не возникает; если же формально употребить подлежащее, то разрушается семантико-структурная организация этих предложений — из односоставных они превращаются в двусоставные. Таким образом, и эти виды односоставных предложений принципиально не допускают в своих составах наличие подлежащего. В отличие от них, в так называемых определенно-личных предложениях добавление подлежащего не приводит к каким-либо семантическим нарушениям. Вполне возможно, например, употребление *мен келеме* вместо *келеме* (ср. азерб.: *қәлирәм//мән қәлирәм* 'иду//я иду'). Такое предложение, несмотря на то, что оно выражено одним словом *келеме*, не может считаться односоставным. Оно является простым двусоставным предложением с опущенным (но потенциально восстанавливаемым) подлежащим. Некоторые ученые рассматривают такие конструкции как результат неполной реализации структурной схемы двусоставных предложений.

Указанные недочеты, разумеется, не умаляют общего научного значения рецензируемого исследования, посвященного раз-

работке нового перспективного направления в языкознании.

А. З. Абдуллаев

А. Б. АБДУЛЛАЕВ. ҲОЗИРГИ ЎЗБЕК АДАБИЙ ТИЛИДА ЎЗГА ГАПЛАРНИНГ ИФОДА ФОРМАЛАРИ

ТОШКЕНТ, 1983, 86 стр.

Рецензируемая работа посвящена одной из важных и до сих пор недостаточно изученных категорий синтаксиса тюркских языков, в частности, узбекского языка. В тюркологии, как и в общем языкознании, существуют различные точки зрения на природу конструкций с чужой речью, а также на взаимоотношения этой конструкции с другими синтаксическими конструкциями.

Системное изучение проблемы чужой речи в тюркских языках, имеет важное значение с точки зрения решения ряда практических и теоретических вопросов тюркского синтаксиса. В настоящее время задачи, стоящие перед исследователями синтаксической структуры тюркских языков, сводятся главным образом к углубленной разработке теоретических основ синтаксиса: выявлению общих и универсальных линий развития синтаксического строя и специфики структуры, присущей только тюркским языкам. А. Б. Абдуллаев в рецензируемой работе ставит своей целью выявление грамматической природы конструкции с чужой речью и рассматривает ее отношение к другим синтаксическим конструкциям — прежде всего к сложному предложению, исследуя соотношение компонентов этой конструкции и ее структуру, определяя формы выражения чужой речи в современном узбекском языке и устанавливая структурные типы конструкций с чужой речью и т. д.

Автором работы конструкции с чужой

речью рассматриваются как особая самостоятельная синтаксическая категория и ставится вопрос о ее выделении в самостоятельный раздел синтаксиса, подобно таким разделам, как синтаксис словосочетания, или синтаксис простого предложения и сложного синтаксического целого.

А. Б. Абдуллаевым разработана классификационная система конструкций с чужой речью, выполненная на основе синтаксических соотношений, а также установлена типология ее компонентов, основанная на общесемантических и формальных признаках.

Новизна методики изучения и последовательное применение единых принципов с целью выявления сущности конструкций с чужой речью позволили автору выделить их в самостоятельную синтаксическую категорию, отличающуюся от сложного и простого предложения.

Все эти вопросы разработаны автором основательно, с привлечением большого фактического материала из разных стилей речи современного узбекского языка.

Данная работа, несомненно, представляет интерес как в теоретическом, так и в практическом отношении и окажется весьма полезной для всех тех, кто занимается изучением синтаксиса тюркских языков.

В. Игамбердыев, Э. Қиличев

Р. К. КУНГУРОВ. СТИЛИСТИКА ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

ИЗД-ВО «ФАН», ТАШКЕНТ, 1983, 161 стр.

В последние годы в узбекском языкознании все больше уделяется внимания проблемам стилистики. Появились работы А. Шамаксудова, К. Самадова, И. Кучкартаева, М. Садыковой, Л. Абдуллаевой, Э. Киличева и др.¹ В области грамматической стилистики узбекского языка значительное место занимают исследования Р. К. Кунгурова. Им опубликованы монографии «Очерки по узбекской стилистике» (1975), «Изобразительные средства узбекского языка» (1977), «Семантико-стилистические особенности форм субъективной оценки в узбекском языке» (1980)², «Словарь языка поэзии Зульфин» (1981), «Неизменяемые слова в узбекском языке» (1981), и свыше пятидесяти научных статей по актуальным вопросам грамматической стилистики узбекского языка.

Рецензируемая монография Р. К. Кунгурова «Стилистика имени существительного в узбекском языке», посвященная актуальным проблемам узбекской грамматической стилистики, содержит обширный фактический материал. Книга открывается главой «Разработка проблем узбекской стилистики», в которой рассматриваются задачи и методы исследования грамматической стилистики, прослеживается история изучения стилистических проблем в узбекском языкознании. По мнению автора, синонимия, омонимия и окказиональное употребление аффиксов — один из главных предметов исследования в морфологической стилистике. В этой же главе анализируются некоторые вопросы теории грамматической стилистики, в частности, проявление функциональной взаимозаменяемости падежных и других формообразующих морфем имени существительного в узбекском языке.

Вторая глава посвящена стилистическому исследованию категории падежа, раскрытию грамматических особенностей падежных конструкций и синонимических возможностей падежных форм, определению их значения и стилистических особенностей.

Автор справедливо подчеркивает, что употребление падежных форм в узбекском языке подчинено определенным закономерностям. Аффиксы падежей, взятые отдельно, достаточно абстрактны. Их значение конкретизируется в составе слов, к которым они присоединяются. Именно падежные аффиксы, как и другие формообразующие морфемы, активно участвуют в образовании оттенков смысла, в выражении фигуральных значений. Изучение этих особенностей падежных форм очень важно в стилистическом плане. В тесной связи с этим, Р. К. Кунгуров анализирует множество различных территориальных, диалектальных и фонетических вариантов грамматических форм существительного, возможность софункционального употребления форм падежей, их синонимичного использования, употребление одной и той же падежной формы в различных стилистических функциях.

Автор убедительно доказывает, что разная частота употребления форм падежей в различных стилях и другие коннотативные особенности обусловили особое место категории падежа в ряду других грамматических категорий имени существительного в узбекском литературном языке.

Известно, что послелоги и падежи близки не только по синтаксическим функциям, но и по значениям, выражаемым ими в сочетании с другими словами. Это позволяет употреблять послелоги и падежные формы в качестве синонимов. На основе анализа многочисленных языковых фактов автор показывает синонимические отношения послеложных и падежных конструкций, возможности их стилистического использования.

Последняя глава монографии посвящена стилистической роли категории принадлежности имен существительных в узбекском языке. Автор останавливается на выявлении различных семантико-стилистических значений слов с аффиксами принадлежности (значение обладания, ласки, одобрения, паритивности, огорчения, вежливости, иносказания, иронии и др.), синонимических отношений этих аффиксов с аффиксами *-ники* и родительного падежа, на плеонастическом повторном употреблении аффиксов принадлежности.

В работе Р. К. Кунгурова имеется, на наш взгляд, и ряд спорных положений. Иногда автор излагает общеизвестные данные о категориях падежа и принадлежности, об употреблении падежных аффиксов и их диалектных форм, не имеющих отношения к грамматической стилистике. Некоторые примеры взяты автором из переводной литературы, хотя, как нам кажется,

¹ А. Шамаксудов. Узбек тили стилистикаси, т. I и II, Тошкент, 1974; К. Самадов. Ойбекнинг тил махорати. Тошкент, 1981; И. Кучкортоев. Бадий нутк стилистикаси. Тошкент, 1975; М. Содикова. Феъл стилистикаси. Тошкент, 1975; Л. Абдуллаева. Лексическая стилистика узбекской художественной литературы. Ташкент, 1979; Э. Киличев. Бадий тасвирнинг лексик воситалари. Тошкент, 1982; Б. Иулдошев. Бадий нутк стилистикаси. Самарканд, 1982 и др.

² См. рецензию в «Советской тюркологии», 1982, № 3, стр. 91—92.

стилистические особенности языковых элементов вообще и грамматических форм в частности можно убедительно иллюстрировать лишь примерами из оригинальной национальной литературы.

В работе имеются и противоречивые суждения. Так, например, на стр. 20 автор пишет: «У аффикса исходного падежа следующие фонетические варианты: *-дан, -дин*». А на стр. 80 читаем: «Специфическими особенностями обладает *-дин*. Он не фонетический вариант аффикса *-дан*, а историческая форма исходного падежа» (выделено нами. — Б. Ю.).

Досадно, что текст не свободен и от орфографических ошибок. Все это, однако, не может умалить общих достоинств столь ценного для узбекского языкознания исследования.

Новая книга Р. К. Кунгурова представит значительный интерес для научных работников, учителей родного языка и литературы, студентов-филологов. Она окажет также определенную помощь преподавателям вузов в организации эффективной учебной работы студентов по грамматической стилистике узбекского языка.

Б. Юлдашев

АРСЕН ИБАТОВ. СӨЗДІҢ МОРФОЛОГИЯЛЫҚ ҚҰРЫЛЫМЫ (XIV ҒАСЫРДА АЛТЫН ОРДА МЕН ЕГИПЕТТЕ ЖАЗЫЛҒАН ЕСКЕРТКІШТЕРДІҢ ТІЛІ НЕГІЗІНДЕ)

«ҒЫЛЫМ» БАСПАСЫ, АЛМАТЫ, 1983, 147 стр.

Рецензируемая монография А. Ибатова посвящена морфологической структуре слова в письменных памятниках средневековья.

В собственно казахском языкознании морфология в качестве самостоятельного раздела грамматики начала разрабатываться в рамках различных школьно-методических пособий по языку для педвузов и педучилищ еще в 30-е годы. Однако научных трудов, специально посвященных таким важным вопросам морфологии, как состав слова, природа этимологических и неэтимологических корней, морфемные образования и т. п., насчитывается немного. К наиболее значительным относятся работы Х. К. Жубанова из серии его «Исследований по казахскому языку»¹ и монография А. И. Исакова «Морфологическая структура и части речи в современном казахском языке»². Но трудов, посвященных анализу структуры слов с привлечением конкретно-исторических языковых данных, до последнего времени не было. Рецензируемая монография А. Ибатова «Морфологическая структура слова» как бы восполняет этот пробел в казахском языкознании.

Материалом для исследования А. Ибатова послужил язык золотоордынских и египетских письменных памятников, датирова-

ных XIV веком, таких как «Хусрау уа Ширин» Кутба, «Гулистан бит-турки» Сейфа Сарайи, «Мухаббат-наме» Хорезми, «Нахдж ал-Ферадис» Али, а также материалы языка ярлыков Токтамыша и Темир-Кутлуга.

Книга состоит из введения, двух разделов и заключения.

Перечисленные выше памятники широко известны в тюркологии. Тексты некоторых из этих памятников были в свое время транскрибированы и транслитерированы как в латинской, так и в русской графике. Составлялись словари их языка, им посвящались кандидатские и докторские диссертации. Однако морфологическая структура в памятниках глубокому и всестороннему анализу не подвергалась.

Проведение сравнительного исследования памятников, относящихся к определенной эпохе, важно как для установления общности и отличительных особенностей их языка, так и для выявления диалектной основы каждого из них, хотя они и объединяются известной письменно-литературной традицией. Подобное диахроническое изучение проливает свет на историческую связь языка изучаемого произведения как с более древними, так и более поздними литературными языками региона.

В настоящее время исследователями памятников высказываются весьма противоречивые мнения относительно их языка и диалектной принадлежности, то есть о том, к какому из современных живых тюркских языков ближе тот или иной памятник. Так, Э. Н. Наджип полагает, что в XIV веке в Золотой Орде и в союзнном с нею

¹ См. сборник избранных работ Х. К. Жубанова под вышеприведенным названием (на каз. и русск. яз.), Алма-Ата, 1966.

² А. Исаков. Морфологическая структура слова и именные части речи в современном казахском языке. Автореф. докт. дисс., Алма-Ата, 1964.

мамлюкском Египте сосуществовали параллельно два литературных языка — кыпчако-огузский и огузо-кыпчакский. С фонетической точки зрения первый из них относится к *й*-языкам, а второй — к *'д*-языкам. Такие памятники, как «Нахдж ал-Фератис», «Хусрау уа Ширин» созданы, по мнению ученого, на огузо-кыпчакском, а «Гулистан бит-турки» и «Мухаббат-наме» на кыпчако-огузском литературном языке. В этом с Э. Н. Наджибом согласны многие тюркологи. Таким образом, последние два памятника письменности имеют непосредственное отношение к современным тюркским языкам кыпчакской группы. Соглашаясь с данным положением Э. Н. Наджиба, во вступительной части своей работы А. Ибатов пишет: «Как бы то ни было, механизм формирования и становления современного казахского языка имеет генетическую связь с кыпчакско-огузскими памятниками, характеризующимися *й*-языком. По сравнению с общетюркскими или огузскими и карлукскими памятниками, источники кыпчакской письменности по своей исторической природе стоят значительно ближе к казахскому языку. Следовательно, устанавливая этапы исторического развития общенародного языка и определяя систему формирования литературного казахского языка, мы в первую очередь должны опираться на эти материалы кыпчакских языков». Подобное заключение автора должно относиться и к другим кыпчакским языкам.

В первой главе своей книги А. Ибатов стремится прежде всего ответить на вопрос: «Что такое слово и какова его основа?» Приводя суждения многих отечественных и зарубежных языковедов по данному вопросу, он высказывает и собственную точку зрения. Затем он анализирует состав и структуру слова в языках изучаемых письменно-литературных памятников. В этой главе автор отмечает, что в языке памятников XIV века лексико-грамматические (словообразовательные), функционально-грамматические (словоизменительные) и собственно-грамматические (словосоединительные) аффиксы по своим функциям были взаимозаменяемыми. Так, если некоторые падежные окончания (*кун-дә* 'ежедневно') могли выступать в функции словообразовательных аффиксов, то соответствующие словообразовательные аффиксы, наоборот, выполняли и словоизменительные функции (*айғын-ча* 'пока скажет', *йолда-қы* 'который находится на дороге'). В этой связи автор указывает, что «...такая закономерность говорит о том, что наши суждения относительно окончаний и суффиксов в научном отношении нуждаются еще в некоторых уточнениях».

Во второй главе автор подвергает анализу структурные параметры корневых слов и основ, а также словообразовательных лексико-грамматических аффиксов. Суммируя высказывания ученых, касающиеся морфем-

ной структуры и звукового состава первичного корня в тюркских языках, автор заключает, что последний представлял собой открытый слог, типа двуэлементного СГ. Эту мысль он подкрепляет примерами односложных корней из языка памятников: *ба-, сы-, са-, ту-, би-* и др. Здесь же излагается мнение А. Ибатова о закономерностях возникновения синкретических корней и словообразовательных аффиксов в тюркских языках, подкрепленное фактическими данными из языка письменных памятников.

В третьей главе рассматривается структура словоизменительных (функционально-грамматических) и словосоединительных (собственно-грамматических) аффиксов в составе слова, способы их наращивания к другим аффиксальным элементам в агглютинирующих языках. В качестве словоизменительных аффиксов автор анализирует внутриграмматические и категориальные показатели глаголов (наклонение, время, причастные и деепричастные формы), имен прилагательных и числительных. Словосоединительными аффиксами выступают окончания множественного числа, а также притяжательные, падежные и личные окончания. Автор останавливается и на отдельных исключительных явлениях в области аффиксации в языке памятников. Так, показатели давнопрошедшего времени *-ды* и условного наклонения *-са*, согласно стилистической функции, могут грамматикализироваться и как *-сады* (*бол-са-ды* 'если был'), и в обратной последовательности, с тем же значением, как *-дыса* (*бол-ды-са*). Каждому такому случаю инновации в языке средневековых поэтических текстов А. Ибатов дает достаточно убедительное лингвистическое объяснение.

Как известно, изучение языка старотюркских памятников сопряжено с особыми трудностями. Одна систематизация фактического материала требует огромного времени и нелегкого кропотливого труда. Автор рецензируемой книги прошел через все это. Так, ему, например, удалось выявить только в тексте поэмы «Хусрау уа Ширин» более 4600 лексем, образующих 50800 словоформ. Всего же, как указывает автор, в языке исследованных им письменных памятников, выявлены три вида синкретических корней, восемь архетипов первичных корней и восемнадцать типов корней-основ. Производные основы, образованные только с помощью одного аффикса, составляют по фонетической структуре тридцать шесть типов. По способу образования насчитывается пятьдесят пять видов комбинаторики. Автором проанализированы также способы образования производных основ с двумя, тремя и четырьмя аффиксами, их фонетический состав и структура сочетаемости элементов. В работе представлены таблицы, отражающие закономерности присоединения этих аффиксов к корневым и производным основам. Одним словом, языковые факты, привлеченные автором, и его

теоретические выводы, сформулированные на базе этих фактов, безусловно, являются новым шагом в области изучения морфологического состава и структуры слова в тюркских языках.

Отмечая несомненные достоинства рецензируемой работы, укажем и на некоторые ее недочеты:

а) в тюркологической литературе залоговые показатели характеризуются и как словообразующие, и как формообразующие. А. Ибатов же во вводной части своей работы относит их всех к разряду формообразующих аффиксов, хотя во второй главе, анализируя производные основы, он приводит следующие примеры: *бер-іл, бол-уш, біт-ур, йет-ур* (стр. 39); *бәл-гут, йағ-дур, кел-тур, кыл-дур* и т. д. (стр. 41). Как видно, здесь в качестве словообразующих аффиксов выступают именно показатели залоговых форм;

б) из приведенных автором примеров более десятой части не доступны пониманию современного читателя. Поэтому хотя бы часть их следовало снабдить казахскими эквивалентами, или перевести на казахский язык;

в) имеются неточности в переводе отдельных слов и словосочетаний. Так, выражение: *болмасын азын хан* переводится как «болмасын аз уакыт хан», пусть не будет ханом на короткий срок, тогда как правильное было бы: «болмасын өзге хан» 'пусть не будет другого хана', ибо в языке большинства памятников слово *азын* имеет значение адекватное казахскому *өзге (басқа)* — то есть «другой (иной)». Выражение: *Тоғардын күн батағға тегур кездім* переведено как «таңертеннен күн батқанға дейін кездім» 'с утра до заката солнца бродил', а следовало: «шығыстан батысқа дейін кездім» 'бродил между востоком и западом'.

В заключение отметим, что появление такого основательного исследования по языку среднетюркских письменных памятников, каковым является рецензируемое издание, следует расценить как отрадное явление в казахском языкознании и в тюркологии в целом.

С. К. Кенесбаев, Г. Айдаров,
Е. Жубанов

ЖЭЭНКУЛ ЖУМАЛИЕВ. АНЖИЯН КЫРГЫЗДАРЫНЫН ТИЛИ

«ИЛИМ» БАСПАСЫ, ФРУНЗЕ, 1983, 221 стр.

Диалектологами Киргизии проделана значительная работа по изучению говоров киргизского языка: описаны и исследованы ошский, чаткальский, таласский, чуйский, иссык-кульский, тян-шанский и джалалабадский говоры, бытующие на территории Киргизской ССР, а также киргизские говоры Казахстана, Таджикистана, Узбекистана; определены состав говоров и их отличия от киргизского литературного языка.

Одной из актуальных задач современной киргизской диалектологии является исследование языковых процессов, происходящих в говорах, перспектив и тенденций их дальнейшего развития.

Рецензируемая книга Ж. Жумалиева «Язык андижанских киргизов» (написанная на материале говоров сел Борулук и Ижтимоат Курган-Тепинского района Андижанской области Узбекской ССР) посвящена именно этим проблемам. Она состоит из введения, двух глав: «Фонетика», «Морфология» и заключения. Приведенная библиография включает 162 названия, дается и список информантов.

Во введении автор отмечает, что для выявления внутриязыковых процессов, происходящих в говорах, необходимо изучать устную речь представителей разных возрастных групп носителей языка с тем, чтобы выявить имеющиеся различия и уточнить

направление развития. Исследование языка киргизов двух названных сел Андижанской области Узбекской ССР подтверждает это положение (стр. 9—16). В указанных селах проживают носители восточно-ошских (тип А) и западно-ошских (тип Б) киргизских говоров (стр. 11, 14). Автор различает киргизов, имеющих тесные контакты с представителями узбекской национальности и киргизов, редко контактирующих с узбеками. Жители сел Борулук и Ижтимоат являются носителями говоров типа А и Б и подразделяются автором на три группы. Это подразделение произведено на основании наличия у информантов ряда специфических лингвистических, социально-возрастных и культурных признаков (стр. 17—20). К сожалению, автор излишне усложняет это разделение на группы. Например, говор типа А II и III группы, а также говор типа А I группы и говор типа Б III группы по лингвистическим фактам, приведенным автором, почти не отличаются друг от друга. Ср. примеры: 1) говор типа А II, III группы: *чай* 'чай', *чәч* 'волос', *нән* 'хлеб', *қағаз* 'бумага'; 2) говор типа А — I группы и говор типа Б — III группы: *чай//чәй, чәч//сәч, нән//кән, қағаз//қәғаз*. Поэтому было бы целесообразнее рассматривать эти говоры вместе.

По нашему мнению, I группа носителей

говора типа Б, поддерживающая постоянные связи с узбекским населением, уже представляет не киргизские, а узбекские (или же киргизо-узбекские) говоры (стр. 12, 17—20, 31 и др.). Например, говор типа Б — I группы: *чй, ач, нн, қғаз*; *алма* 'яблоко', *хола* 'тётя', *ошна* 'приятель' и т. д., в узбекских говорах Андижана: *чй, ссч, нн, қғаз, алма, хсла, шна* // узб. лит. язык: *чой, соч, нон, қоғоз, олма, хола, ошна*. Приведенные примеры показывают, что специфический гласный [э], функционирующий в узбекских карлукских говорах и в литературном узбекском языке, полностью усвоен представителями киргизо-узбекских говоров (стр. 29—33).

В главе «Фонетика» автор на основе сопоставления языковых материалов трех групп киргизского населения с данными киргизских и узбекских говоров описывает состав гласных и согласных фонем. Он отмечает, что в этих говорах имеются краткие (*а, э, э, ы, и, о, ө, у, ү, е*) и долгие (*аа, ээ, оо, өө, уу, үү*) гласные. Но распространение данных гласных в говорах типа А и Б неодинаково. Например, ограничен диапазон употребления гласных звуков *а, ү, ы*, в результате чего активизируются звуки *э, а, у, ы*. В киргизских говорах типа А (I группа) и типа Б под влиянием узбекского языка и особенно андижанского говора вместо общетюркского гласного *а* появилась открытая гласная фонема *э* (*а > э*: *ат* 'стрелять', *тг* 'лошадь', *от* 'огонь'). Фонема [э] в говорах типа Б встречается во всех позициях в слове: *тэмэм* 'конец', *узумзор* 'виноградник', *элмазэр* 'яблоневый сад'.

Ж. Жумалиев исследует тенденцию вторичного перехода долгих гласных в дифтонги в говоре типа А (стр. 45—57), а также сокращение функций долгих гласных; например: *тоо < tow < таг* 'гора' — *сүү < сүк*;

туура < тушуру // тоғры 'правильно'; *сөөк < сүйөк < сүйөк* 'кость'. Слова *таг, тоғры, сүйөк* употребляются в говоре типа Б (I группа), а формы *тош, тушуру, сүйөк* — в говоре типа А. Эти примеры подтверждают влияние на киргизские говоры узбекского языка и его андижанского говора.

В книге детально анализируется процесс десингармонизации под влиянием внешних и внутренних факторов; расширение функций согласных *у, һ, ф*; активизация перехода *ж > й*; не подчинение начальных согласных аффиксов прогрессивной ассимиляции и др.

Морфологические различия говоров типа А и Б не столь значительны, как фонетические. Вероятно поэтому глава «Морфология» содержит небольшой по объему материал. Распространение различных фонетических явлений автор иллюстрирует удачно составленными таблицами и диаграммами (стр. 32, 35—37; 63—67, 94). Однако приведены они не везде. В некоторых случаях сравнительное описание явлений дается в тексте (стр. 103—105, 110 и др.), иногда автор ограничивается лишь сравнительным описанием фонетических и морфологических особенностей только двух групп носителей говоров. Нам представляется, что следовало бы привести иллюстративный материал не только для фонетических, но и для морфологических явлений, встречающихся в говорах всех трех групп киргизского населения. Для наглядности полезно было бы также дать образцы разговорной речи каждой из трех групп.

В целом монография Ж. Жумалиева является заметным вкладом в киргизскую диалектологию и содержит обширный сравнительный материал, представляющий определенный интерес и для узбекских диалектологов.

А. Ишаев, Ш. Насыров

«МАТЕРИАЛЫ ПО ТАТАРСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ». ОБРАЗЦЫ ТЕКСТОВ

КАЗАНЬ, 1983, 188 стр.

Диалектологами Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР ведется большая работа по исследованию татарских народных говоров. Наряду с другими диалектологическими изданиями серьезное внимание уделяется также изданию образцов текстов, собранных во время экспедиций в различные районы с татарским населением. Тексты издаются отдельными сборниками, часто в качестве приложения к тематическим сборникам¹.

¹ «Материалы по татарской диалектологии». Казань, 1955; 1962; 1974; 1978.

Рецензируемая книга — одно из изданий этой серии: в нее включены ранее не публиковавшиеся тексты по бирскому, ичкинскому говорам среднего и байкибашевскому говору мишарского диалектов, а также по мензелинскому говору и говору оренбургских татар и др.

Во вводной статье составителя и редактора сборника Л. Т. Махмутовой изложены основные итоги изучения на сегодняшний день татарских диалектов.

В течение последних двадцати пяти лет исследование народных говоров проводилось методом лингвистической географии и

основные усилия диалектологов были направлены на составление Атласа татарских народных говоров. В настоящее время завершено монографическое изучение татарских говоров в довольно обширном регионе Поволжья и Приуралья, уточнены их классификация, границы и ареалы, составлен и отредактирован двухтомный Атлас народных говоров. Татарский язык еще задолго до революции был одним из наиболее известных в Европе и хорошо изученных языков. Благодаря трудам прежде всего русских ученых сложилось достаточно четкое представление о его диалектном членении и важнейших особенностях местных наречий. В послереволюционный период диалектологические исследования еще более расширились (работы Дж. Валиди, Л. Залая, Н. К. Дмитриева и др.).

Изучение татарских диалектов заметно активизировалось в 50-е годы. Экспедиции 50—60-х годов систематически исследовали татарские говоры на обширной территории: от Рязанской области — на западе и до реки Вятки — на востоке. Эти материалы составили первый том Атласа. За последние два с лишним десятилетия наряду с более углубленным исследованием говоров этого региона, диалектологи продолжали сбор материала и изучение татарских народных говоров от р. Вятки — на западе, до Курганской и Челябинской областей — на востоке, то есть на территории западных районов БАССР и смежных с ней областей: Свердловской, Пермской, Челябинской, Курганской и Оренбургской (второй том Атласа).

Изучение архивных данных, историко-этнографических источников, исторической и лингвистической литературы и материалов диалектологических экспедиций позволило выделить территории, охватываемые обоими томами Атласа, как регионы наиболее компактного расселения татар. Это согласуется и со статистическими данными последней переписи населения (1979 г.). Из общего числа 6.317 тысяч татар² в этом регионе проживает 4.174.333 человек (≈65%), а именно: в Татарской АССР — 1.672 тысячи татар (≈26%), в автономных республиках Поволжья и некоторых центральных областях РСФСР (то есть в Горьковской, Ульяновской, Куйбышевской, Саратовской, Волгоградской, Пензенской, Кировской, Рязанской, Тамбовской областях, Мордовской, Марийской, Удмуртской, Чувашской АССР) — 830.625, в Башкирской АССР — 940 тысяч, в областях Приуралья (то есть Пермской, Свердловской, Челябинской, Курганской и Оренбургской областях) — 731.708 татар.

Изучение татарских народных говоров, распространенных на территории, охватываемой вторым томом Атласа, было начато в середине 50-х годов экспедициями,

организованными видным татарским диалектологом Л. З. Залаяем (отряды Л. Т. Махмутовой, А. Ш. Афлетунова, Дж. Алмазова). Собранные материалы свидетельствуют об устойчивом сохранении татарскими говорами указанных районов своей самобытности и специфики, «хотя некоторые из них и испытывали в той или иной степени влияние башкирского языка» (стр. 13). Выводы экспедиций 50-х годов были подтверждены результатами дальнейших исследований, проведенных в 1968—1979 годах методом лингвистической географии. За указанный период (с 1968 по 1979 год) в эти районы было направлено двадцать пять экспедиций с отрядами, возглавляемыми сотрудниками ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова Д. Б. Рамазановой, Ф. С. Баязитовой, Ф. Ю. Юсуповым, Т. Х. Хайрутиновой, З. Р. Садыковой. Проведенные исследования показали, что указанный регион неоднороден в диалектном отношении. В западной Башкирии диалектологами выделены, например, следующие говоры среднего диалекта татарского языка: продолжение мензелинского говора, бирский, бакалинский, крещено-татарский говоры и белеевский подговор; говоры мишарского диалекта: байкибашевский и стерлитамакский («окающий»). В Оренбургской области распространены следующие говоры: абдуллинский, каргадинский среднего диалекта, а также шарлыкский говор мишарского диалекта. В Челябинской и Курганской областях выделены нагайбакский и ичкинский говоры среднего диалекта.

Неоднородность говоров, распространенных в этом регионе, объясняется историческими условиями их формирования: «Как видно из архивных и исторических источников, большая часть территории этого региона (а именно: запад БАССР и некоторые районы смежных с этой республикой областей) была заселена поволжскими татарами из Казанской, Пензенской, Симбирской и других центральных губерний России в период с XVI до начала XIX века... Оно (заселение. — Ф. Х.) шло как по линии государственной колонизации (особенно в связи с постройкой защитных линий, с устройством ямской службы и т. д.), так и в порядке вольной колонизации (в связи с насильственной христианизацией, поисками свободных земель, развитием торговли и т. п.)» (стр. 8—9).

Детальное исследование всех говоров на территории компактного расселения татар позволило диалектологам сделать выводы относительно диалектной структуры и языковых особенностей. Уточнена классификация и история большинства говоров, определены изоглоссы многих важных с точки зрения истории языка явлений. Изучение говоров в регионе, охватываемом вторым томом Атласа, позволило показать на конкретном языковом материале результаты многовековых связей татарского народа с носителями родственных и неродственных языков, в данном случае в пределах по-

² С. М. Брук. Население мира. Этнодемографический сборник. М., 1981, стр. 207—214; «Вестник статистики», 1980, № 7, стр. 45—63.

волжско-приуральского региона. Однако эта проблема требует дальнейшей разработки на более широком материале с охватом большего числа взаимодействующих языков. Как справедливо отмечается в статье, изучение татарских говоров, распространенных на территории Узбекистана, Казахстана, Якутии и других, также дало бы ценный материал в плане взаимодействия родственных языков. (См. статистические данные: в Узбекистане 649 тыс. татар, в Казахстане — 313 тыс., в Якутии — 10.980 и др.).

Приведенные во вводной статье данные позволяют сделать вывод, что результаты многолетней работы татарских диалектологов составляют важную веху в татарском языкознании. Реализованные в диалектологическом атласе, они создают достаточно полную картину диалектной системы татарского языка и позволяют вести дальнейшие исследования по татарскому и другим тюркским языкам.

Тексты, включенные в сборник, отражают современное состояние говоров татарского языка и представляют большой интерес не только в лингвистическом плане, но

и с точки зрения этнографии, истории, фольклористики и т. д. Большинство текстов записано на магнитной ленте, что делает их научно достоверными. Интересны и очень богаты в языковом отношении тексты, записанные Ф. С. Баязитовой в 1983 году в населенных пунктах Тамбовской области (темниковский говор, говор села Курша). Тексты, записанные Д. Б. Рамазановой, Т. Х. Хайрутдиновой в северо-западных районах БАССР, З. Р. Садыковой в населенных пунктах Оренбургской области и Ф. Ю. Юсуповым в населенных пунктах Курганской и Челябинской областей, также представляют большой научный интерес и убедительно подтверждают отмечаемую во вводной статье самобытность говоров этого региона, сохраняющих исконные черты татарского языка.

Рецензируемый сборник ценен тем, что его материал может быть успешно использован при разработке проблем исторической диалектологии и истории татарского и других тюркских языков.

Ф. М. Хисамова

Ш. В. ГАБЕСКИРИЯ. ЛЕКСИКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЮНУСА ЭМРЕ

ИЗД-ВО «МЕЦНИЕРЕБА», ТБИЛИСИ, 1983, 230 стр.

Как известно, старописьменные тюркские языки располагают большим количеством средневековых письменных памятников. Однако лексика большинства из них до сих пор еще не была объектом специального исследования. Не выработаны пока, к сожалению, и практические навыки составления словарей языка представителей средневековой тюркоязычной литературы. Поэтому следует приветствовать инициативу молодого грузинского тюрколога Ш. В. Габескирия, который в рецензируемой монографии исследовал лексику произведений одного из зачинателей старотюркской литературы Юнуса Эмре.

Изучение лексики произведений Юнуса Эмре, с нашей точки зрения, представляет вполне очевидный общетюркологический интерес, ибо язык всех без исключения средневековых поэтических произведений вплоть до XVIII века, как написанных квантитативной арабо-персидской поэтической метрикой «аруз», так и прозаических, созданных в стиле арабо-персидской рифмованной прозы «садж», на турецком, азербайджанском, узбекском, татарском, уйгур

ском языках, представлял собой своеобразное смешение лексики тюркского, арабского и персидского языков. Причем в этих произведениях окказиональная арабская и персидская поэтическая лексика, употребляющаяся только в письменной литературе, иногда составляла более семидесяти-восемидесяти процентов текста. В связи с отсутствием соответствующей поэтической традиции, внедрение аруза, основанного на закономерном чередовании долгих и кратких гласных, в тюркоязычную поэтическую стихию, в фонетической структуре которой отсутствуют долгие гласные, было делом чрезвычайной сложности. Поэтому, начиная с Султана Веледа и до XVI века, многие видные тюркоязычные поэты сетовали на трудности, с которыми им приходилось сталкиваться при создании поэтических произведений метрикой аруз.

Уместно при этом вспомнить, что строка Султана Веледа ترکجه بیل سيلم آیديلم سزه türkjä bilsäjdüm ajdajdum sizä, которую ошибочно переводят на русский язык, как «Если бы я знал по-тюрки, я сказал бы

вам» и на этом основании делают неверный вывод, будто Султан Велед недостаточно хорошо владел тюркским языком (ср. также рецензируемую монографию — стр. 4), должна быть переведена: «Если бы я мог (был бы в состоянии), то я сказал бы вам». Поэт на самом деле здесь лишь намекает на трудности тюркского стихосложения.

Юнус Эмре является одним из тех немногочисленных тюркоязычных средневековых поэтов, язык произведений которых базируется на народно-разговорной речи. Именно поэтому, в отличие от многих своих современников и последователей, он в своих произведениях не употреблял вычурных, отсутствовавших в живой разговорной турецкой речи, арабских и персидских слов и словосочетаний. Поэтому в произведениях Юнуса Эмре нашло воплощение все богатство лексики турецкого языка конца XIII начала XIV века. Этим, несомненно, объясняется то, что Ш. В. Габескирия предметом своего исследования сделал лексику произведений именно этого поэта.

Как известно, о языке произведений Юнуса Эмре высказывались различные мнения. Одни ученые считают, что это народный турецкий язык XIII века, другие квалифицируют его как литературный. В связи с этим вполне справедливо замечание Ш. В. Габескирия о том, что «сама постановка вопроса — творил поэт на народном языке или на литературном, — нам кажется неверной, ибо литературный язык этого периода находится в процессе становления» (стр. 11).

В монографии основное внимание уделяется анализу исконно тюркской лексики в произведениях Юнуса Эмре, преимущественно той ее части, которая в настоящее время уже вышла из употребления. Слова располагаются автором в порядке латинского алфавита и анализируются им в сравнительно-историческом аспекте. Интерпретируя значение того или иного слова, автор приводит строку или двустишие, в которых оно встречается. Затем сообщается о каких письменных памятниках турецкого языка и в каком значении употребляется данное слово. Если это слово зафиксировано в «Древнетюркском словаре», в «Диване» Махмуда Кашгари, в словарях Э. В. Севортяна, М. Рясенена, Дж. Клоусона и в других источниках, то на это в книге дается указание. Если фономорфологическое и лексико-семантическое развитие исследуемого слова прослежено в том или ином научном источнике, то автор информирует об этом читателя и высказывает свое отношение к мнениям ученых. Слова, вышедшие из употребления в современном литературном языке и зафиксированные помимо произведений Юнуса Эмре еще в других средневековых турецких письменных источниках или диалектах турецкого языка, также рассматриваются в монографии.

Большая часть работы, естественно, посвящена анализу тюркской архаической лексики, встречающейся в произведениях Юнуса Эмре. Многие образцы этой лексики носят общетюркский характер, их корни или основы восходят к прототюркскому. Поэтому в лингвистической литературе можно найти либо этимологию большинства подобных слов, либо встретить попытку реконструирования их архетипов.

В каждой словарной статье приводятся все существующие этимологии и архетипы данного слова. При этом автор в одних случаях подкрепляет их своими данными, а в других — подвергает критике несостоятельные, по его мнению, суждения. В таком плане лексика в турецком языкознании изучается впервые.

Выводы Ш. В. Габескирия о том, что лексика произведений Юнуса Эмре состоит из различных пластов — общетюркского, огузского, среднеазиатского «тюрки», кыпчакского и ареального — представляются, на наш взгляд, заслуживающими внимания с точки зрения задач дальнейшего развития сравнительно-исторических исследований в области тюркской лексики. Правда, использованный автором термин «ареальный» в данном контексте, нам кажется, не вполне корректным.

В отдельном разделе книги анализируется заимствованная лексика, главным образом из арабского, персидского, монгольского языков. Здесь особый интерес представляет прослеживание фонетических изменений, которые претерпевают заимствованные слова.

Язык произведений Юнуса Эмре насыщен народно-разговорными элементами. Хорошо известно, что заимствованная арабо-персидская лексика в литературных тюркских языках не претерпевала почти никаких изменений, тогда как в живой разговорной речи она изменялась и семантически, и фонетически. В рецензируемой работе на материале произведений Юнуса Эмре дан детальный анализ ассимиляции арабских и персидских слов на новой языковой почве. Подобное изучение механизма лексического заимствования имеет большое значение для создания исторической диалектологии турецкого языка.

Хорошее знание ряда живых и мертвых восточных и западных языков, а также теоретической литературы по исследуемой проблеме позволило Ш. В. Габескирия подготовить работу на высоком научном уровне. Однако в ней имеются и отдельные недочеты, о которых тоже следует сказать:

1) исследованием охвачена не вся архаическая лексика (отсутствует анализ слов *baḡ* 'совать', *qajsaq* 'корка', *uslu* 'разумный', *bili* 'знание', *iriş* 'достичь' и т. д.);

2) начиная со страницы 159 приводится новый, ничем не мотивированный перечень слов в порядке латинского алфавита;

3) ряд исконно тюркских слов, в древности заимствованных персидским языком

(čadır—čatur 'шатер', 'палатка', čakuš — čakič 'молоток', čabuk—čärük 'быстрый'), подается в качестве иранизмов в турецком языке. Нельзя согласиться также с мнением автора об иноязычном происхождении слов öküz 'бык' и köprü 'мост' (стр. 208). На странице 186 bahadır 'герой' отнесено к персидским заимствованиям, хотя на стр. 200 о нем пишется как о монгольском;

4) не всегда удачны переводы примеров из произведений Юнуса Эмре, например: Kâj ağı ğan gârâk şah hâzrâtında 'Очень чистая душа нужна на службе государя' (стр. 41); Gâcdi bunların sayı, dünya qâhğîn oğayı 111/5 'Прошло их время, очаг мирового угнетения' (стр. 72); Durqurdî dört alâti adın insan ajladu 125/30 '(Бог) создал ему четыре органа, дал имя человек' (стр. 88). Более правилен следующий перевод этих фраз: «Очень чистая душа нужна его ве-

личеству правителю»; «Прошла их пора, мир — очаг угнетения»; «(Бог) объединил четыре естества, дал ему имя „человек“»;

5) непоследователен морфологический анализ отдельных слов. Так, например, нельзя рассматривать в одном ряду oylan 'мальчик', âgân 'святой', alın 'лоб' и т. д. (см. стр. 19), ибо морфемика в них разноплановая;

6) текст монографии изобилует произвольными и во многом неоправданными сокращениями слов, что затрудняет чтение работы.

Указанные погрешности не снижают, конечно, сколько-нибудь существенно научной значимости рецензируемого исследования. Монография Ш. В. Габескирия — заметное явление в области исторической лексикологии турецкого языка.

В. И. Асланов

PERSONALIA

МАМЕДАГА ШИРАЛИ ОГЛЫ ШИРАЛИЕВ

(К семидесятипятилетию со дня рождения)

13 сентября 1984 года исполнилось семьдесят пять лет со дня рождения главного редактора журнала «Советская тюркология», директора Института языкознания им. Насими Академии наук Азербайджанской ССР, академика Академии наук Азербайджанской ССР, заслуженного деятеля науки республики, доктора филологических наук, профессора Мамедага Ширали оглы Ширалиева.

М. Ш. Ширалиев родился 13 сентября 1909 года в г. Шемахе в семье служащего. Окончив в 1927 году среднюю школу в Баку, М. Ш. Ширалиев поступил на языковедческое отделение восточного факультета Азербайджанского госуниверситета, преобразованного в 1930 году в Педагогический институт, по окончании которого в 1931 году он был направлен в Агдамский район Азербайджанской ССР на педагогическую работу. В 1933 году М. Ш. Ширалиев по-

ступил в аспирантуру Азербайджанского государственного педагогического института, а с 1934 года начал там же работать преподавателем. Окончив в 1936 году аспирантуру, он был назначен заместителем декана. С 1942 по 1945 год М. Ш. Ширалиев работает заведующим кафедрой азербайджанского языкознания и деканом филологического факультета Азербайджанского госуниверситета, а с 1945 года переводится на должность проректора.

В 1949 году М. Ш. Ширалиев назначается директором Института языка Академии наук Азербайджанской ССР и в том же году избирается членом-корреспондентом республиканской Академии.

По приглашению Болгарской Народной Республики М. Ш. Ширалиев с 1953 по 1954 год заведует кафедрой турецкой филологии Софийского университета. В 1957 году он избирается членом-корреспондентом Турецкого лингвистического общества (Türk Dil Kurumu). С 1952 по 1960 год М. Ш. Ширалиев заведует отделом диалектологии Института литературы и языка им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР. Одновременно он является профессором кафедры азербайджанского языкознания Азгосуниверситета им. С. М. Кирова. С 1960 по февраль 1968 года М. Ш. Ширалиев — директор Института литературы и языка им. Низами, с февраля 1968 года — академик-секретарь Отделения общественных наук Академии наук Азербайджанской ССР, а с конца 1969 года по настоящее время — директор Института языкознания им. Насими и главный редактор журнала «Советская тюркология».

М. Ш. Ширалиевым опубликовано свыше 150 научных работ в различных отечественных и зарубежных изданиях. За представленную в 1941 году М. Ш. Ширалиевым к защите в качестве кандидатской диссертации монографию «Бакинский диалект» ему была присуждена ученая степень доктора филологических наук. М. Ш. Ширалиев, таким образом, стал первым в республике

языковедом-азербайджанцем, получившим эту высокую ученую степень. В 1949 году монография «Бакинский диалект» вышла отдельной книгой и впоследствии была переиздана. В своем отзыве на эту книгу, Н. К. Дмитриев писал: «М. Ш. Ширалиева с полным правом можно назвать основателем азербайджанской диалектологии, стоящей на уровне современной науки». Еще в 1941 году в одной из своих статей М. Ш. Ширалиев впервые дал научную классификацию диалектов азербайджанского языка на основе географического принципа. Эта классификация была использована в известном издании «*Philologiae Turcicae Fundamenta*» (Wiesbaden, 1959).

Первый учебник по азербайджанской диалектологии для вузов был создан также М. Ш. Ширалиевым.

В 1942 году вышла из печати книга М. Ш. Ширалиева «Азербайджанская диалектология», в которой впервые было дано описание звукового состава и фонетических явлений азербайджанских диалектов и говоров, их морфологических особенностей, охарактеризованы их отличия от литературного языка.

В 1947 году в «Известиях Отделения литературы и языка Академии наук СССР» была опубликована статья М. Ш. Ширалиева «Изучение диалектов азербайджанского языка», в которой были впервые освещены взаимосвязи между диалектами и говорами азербайджанского языка и кавказскими языками по фонетическим, морфологическим и лексическим признакам, приводились новые факты наличия кылчакских элементов в азербайджанском языке.

На основе географического и генетического исследования многочисленных диалектных материалов М. Ш. Ширалиев установил, что диалекты азербайджанского языка делятся на четыре группы: восточную, западную, северную и южную. Все эти положения были им изложены и научно обоснованы в его статьях «Проблема диалектного членения языка» (1960) и «О проблеме языка и диалекта» (1963).

В 1950-е годы М. Ш. Ширалиев приступает к сравнительному изучению диалектов и говоров азербайджанского языка. Сопоставляя их с данными других тюркских языков, он устанавливает специфические черты азербайджанских диалектов и говоров, а также их общие особенности с диалектами и говорами близкородственных языков. Результаты этих исследований были им обобщены в работе «Изучение диалектов азербайджанского языка в сравнении с диалектами турецкого языка (на фонетическом материале)» (1957).

Изданный в 1962 году капитальный труд М. Ш. Ширалиева «Основы азербайджанской диалектологии» — явился результатом многолетних наблюдений автора над диалектами и говорами азербайджанского языка. В нем впервые были обобщены характерные особенности азербайджанских диалектов и говоров.

В 1983 году вышла в свет книга М. Ш. Ширалиева «Диалекты и говоры азербайджанского языка». Это первая монография на русском языке, с необходимой полнотой освещающая фонетические, грамматические и лексические особенности диалектов и говоров азербайджанского языка.

Наряду с монографическими работами М. Ш. Ширалиев опубликовал ряд научных статей, посвященных отдельным грамматическим категориям азербайджанских диалектов и говоров, в том числе и вышедшую на английский язык «Формы настоящего времени в азербайджанских диалектах», в которой он впервые этимологизировал ряд форм настоящего времени.

Изучение тюркских языков методом лингвистической географии вплоть до 50-х годов оставалось одним из самых слабых звеньев тюркологии. В 1956 году М. Ш. Ширалиев публикует программу создания диалектологического атласа азербайджанского языка. На основе этой программы азербайджанские диалектологи под его руководством приступили к сбору материалов для диалектологического атласа. В 1960 году М. Ш. Ширалиев выступил со статьей «Азербайджанская диалектология на новом этапе», в которой изложил научные основы выбора изоглосс и наметил пути создания диалектологического атласа азербайджанского языка.

В настоящее время М. Ш. Ширалиев возглавляет подготовку «Диалектологического атласа тюркских языков СССР». Под его непосредственным руководством проводятся исследования по всем актуальным проблемам азербайджанской диалектологии. Оценивая роль М. Ш. Ширалиева в развитии тюркского языкознания, Н. К. Дмитриев в свое время писал: «Энергия проф. Ширалиева, широко развернувшего научную работу по изучению диалектов, начинает приносить свои плоды. Здесь уже можно говорить об известной школе, украшающей азербайджанскую науку за пределами республики. В республиках, еще не успевших развернуть изучение своих диалектов, работы азербайджанских диалектологов считаются известного рода образцами». Высокая оценка деятельности ученого была дана и А. К. Боровковым: «М. Ш. Ширалиев создал и возглавляет ныне новое научное направление в азербайджанском языкознании...».

М. Ш. Ширалиевым научно обоснован ряд теоретических вопросов, связанных с историей формирования азербайджанского национального литературного языка и его опорного диалекта. Много внимания он уделял также разработке проблем научной грамматики современного азербайджанского литературного языка. Он выступил против смешивания логических и грамматических категорий и недооценки закономерностей внутреннего развития языка. М. Ш. Ширалиевым впервые в тюркологии была освещена тема инкорпорированного предложе-

ния-слова, которой он посвятил специальную статью.

Наряду с научно-теоретическими проблемами М. Ш. Ширалиев плодотворно занимался многими вопросами прикладного языкознания. Его перу принадлежит ряд работ по вопросам алфавита, орфографии, терминологии, орфоэпии, пунктуации, языка и стиля художественных произведений.

В последние годы М. Ш. Ширалиев много внимания уделяет актуальным вопросам культуры речи и живых процессов, отражающихся на нормах современного азербайджанского литературного языка. По этой проблематике он неоднократно выступал в республиканской периодике.

М. Ш. Ширалиев, руководивший работой кафедры турецкой филологии Софийского университета в 1953/1954 учебном году, на основе собранных в турецких селениях материалов, написал работы «Турецкая диалектология» и «Введение в языкознание», которые были им использованы в цикле лекций, прочитанных болгарским студентам. Рукописи этих работ хранятся в библиотеке Софийского университета.

В 1963 году по приглашению Института востоковедения Польской Академии наук М. Ш. Ширалиев прочитал цикл лекций и докладов, посвященных актуальным вопросам советской тюркологии в Варшавском университете, Институте востоковедения, в Краковской ориенталистической комиссии.

Большие заслуги принадлежат М. Ш. Ширалиеву в деле подготовки высококвалифицированных кадров советских тюркологов. В области азербайджанского языкознания им подготовлено несколько десятков кандидатов и докторов наук. Он принимал также

участие в подготовке тюркологов Узбекистана, Башкирии, Татарии, Карачаево-Балкарии, Молдавии, Каракалпакки и ряда других республик и областей Советского Союза. «Мамед Ширалиевич, — писал еще в 1959 году Б. А. Серебrenников, — имеет многочисленных учеников и может по праву считаться основателем своей школы тюркологов».

М. Ш. Ширалиев активный участник многих всесоюзных и международных языковедческих форумов ученых: симпозиумов, совещаний и конференций, съездов и конгрессов.

Многолетняя плодотворная научная и педагогическая деятельность М. Ш. Ширалиева высоко оценена партией и правительством: он награжден орденами Трудового Красного Знамени (1946), «Знак Почета» (1954), Дружбы народов (1979), многими медалями, Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР, Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Каракалпакской АССР, Почетной грамотой Министерства высшего и среднего специального образования Узбекской ССР.

В 1960 году М. Ш. Ширалиеву было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки Азербайджанской ССР. В 1972 году за книгу «Основы азербайджанской диалектологии» он был удостоен Государственной премии Азербайджанской ССР.

Коллеги и друзья Мамедага Ширалиоглы Ширалиева, горячо поздравляя его со славным юбилеем, желают ему доброго здоровья и новых больших успехов в научной и научно-организационной деятельности.

А. Н. Кононов

ЭМИР НАДЖИПОВИЧ НАДЖИП

(К восьмидесятипятилетию со дня рождения)

Исполнилось восемьдесят пять лет со дня рождения видного советского тюрколога, доктора филологических наук Эмира Наджиповича Наджипа.

Начало трудовой деятельности Э. Н. Наджипа приходится на первые послереволюционные годы, годы развернувшегося в стране культурного и языкового строительства. Владеющий несколькими тюркскими языками, получивший отличную подготовку в Институте живых восточных языков, где его учителями были М. О. Аттая, М. А. Гафаров, В. А. Гордлевский, Б. В. Миллер и другие, Э. Н. Наджип активно включается в работу.

Еще будучи студентом, Э. Н. Наджип преподает в Коммунистическом университете трудящихся Востока, принимает участие в работе Комиссии ВЦИК и СНК по делам

Крыма. По окончании в 1923 году Института (по турецкому и персидскому разрядам) Э. Н. Наджип был направлен в Бухарскую народную республику. Здесь он принимает участие в организации первого Государственного издательства, ведет преподавательскую работу, исполняет обязанности заместителя ответственного редактора газеты «Азад Бухара» («Свободная Бухара»).

В 1924—1933 гг. Э. Н. Наджип работает в Москве, Самарканде, Ташкенте в Центральном издательстве народов СССР, в Таджикском и Узбекском государственных издательствах. В 1933—1939 гг. он возглавляет критико-библиографическое бюро Партиздата при ЦК ВКП(б) и тюрко-татарский сектор ГУГСК НКВД (подготовка учебных и политических карт и атласов для тюркоязычных республик). С 1940 года

Э. Н. Наджип — ученый секретарь Института языка, литературы и истории Узбекского филиала Академии наук СССР, с 1941 года — заместитель директора, а с 1942 года — директор этого Института. В 1944 году Э. Н. Наджип возглавил Издательство Академии наук Узбекской ССР.

Параллельно с административной и научно-организационной работой Э. Н. Наджип все эти годы преподает в разных учебных заведениях: в Среднеазиатском хлопководно-ирригационном политехническом институте, Среднеазиатском институте инженеров и техников ирригации, Институте красной профессуры при ЦИК СССР, на Центральных курсах редакторов и переводчиков произведений классиков марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б), в Государственном институте театрального искусства. В годы пребывания в Средней Азии Э. Н. Наджип переводит на узбекский язык и издает учебники для средней школы — по математике, физике, химии, учебники для вузов — по физике, химии и теоретической механике, а также переводит на каракалпакский язык школьные учебники.

Э. Н. Наджипу принадлежат переводы ряда трудов классиков марксизма-ленинизма на узбекский язык. Эти переводы сопровождаются комментариями и к ним приложены терминологические словарики. Э. Н. Наджипом созданы первые отраслевые терминологические словари на узбекском и каракалпакском языках, составлен орфографический словарь каракалпакского языка.

В качестве руководителя западно-сибирского и таджикского секторов Центрального комитета нового алфавита Э. Н. Наджип участвует в разработке новых алфавитов и принципов орфографии тюркских языков Западной Сибири, а также таджикского языка. Работая в Узбекистане, Э. Н. Наджип возглавляет и практическую

работу по переводу узбекской письменности на русскую графику. При его непосредственном участии осуществляется подготовка орфографического словаря узбекского языка и составление первых русско-узбекских и узбекско-русских словарей.

С середины 40-х годов Э. Н. Наджип почти полностью переключается на педагогическую, а затем и на исследовательскую работу. Он преподает уйгурский, турецкий, казахский, арабский языки, ведет спецкурсы по классическим памятникам литературы Средней Азии, их поэтике. Постепенно уйгурский язык и язык средневековых памятников тюркоязычных литератур становятся для Э. Н. Наджипа основными предметами преподавания и объектами исследования. Э. Н. Наджип преподает уйгурский язык в Военном институте иностранных языков Советской Армии, на филологическом факультете МГУ, в Московском институте востоковедения, а затем — в Институте восточных языков при МГУ, ведет спецкурсы по средневековым памятникам тюркоязычных литератур на филологическом факультете МГУ, в Институте восточных языков при МГУ. В 40-е годы выходят в свет учебники Э. Н. Наджипа по уйгурскому языку. Подготовленный им учебник по истории тюркоязычной литературы Средней Азии с приложением историко-сравнительного словаря, к сожалению, не был издан.

С 1954 года Э. Н. Наджип — старший научный сотрудник Института языкознания Академии наук СССР, а с 1958 года — Института востоковедения Академии наук СССР (в настоящее время он научный консультант этого института). Научная работа, к которой Э. Н. Наджип пришел во всеоружии опыта практической работы и обширнейшей эрудиции, еще раз выявила лучшие черты его личности — трудолюбие и огромную работоспособность, преданность делу и основательность во всем, за что он борался.

Первые результаты исследования современного уйгурского языка составили основу кандидатской диссертации Э. Н. Наджипа: «Лексика современной уйгурской прессы» (1944). Позднее им были подготовлены и изданы монографическое описание грамматического строя языка уйгуров Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР («Современный уйгурский язык», М., 1960) и большой «Уйгурско-русский словарь» (М., 1968), включающий тридцать три тысячи слов, а также большое число фразеологических и устойчивых сочетаний, пословиц и поговорок.

Значительные научные результаты были получены Э. Н. Наджипом в изучении тюркских литературных языков средневековья. Обширные наблюдения над языком памятников тюркской письменности XI—XIV веков обобщены им в докторской диссертации и ряде монографий. В этих работах ученый изложил свою концепцию относительно нескольких различающихся друг от

друга литературных языков, бытовавших у тюрков, расселившихся к XIII веку на огромных просторах Средней и Центральной Азии, Восточной Европы, Кавказа, Ближнего и Среднего Востока. Вариативность в грамматических формах и лексике, отличающая даже близкие по времени и месту создания произведения, требовала от исследователя для обоснования своей концепции не ограничиваться рассмотрением отдельных языковых признаков — форм и слов, а осуществить научный анализ совокупных черт лексики и грамматики произведения определенного круга, что представляет собой задачу большой сложности (ведь исследователь попутно должен был решать вопросы критики текстов, которые дошли до нас в поздних списках с различного рода подновлениями переписчиков). Именно с этих позиций были изучены Э. Н. Наджином памятники хорезмско-золотоордынского и мамлюкско-египетского круга; результаты этой грандиозной работы изложены автором во многих публикациях и отдельных изданиях.

Начало таким изданиям было положено текстом «Мухаббат-наме» Хорезми (М., 1961), который Э. Н. Наджип снабдил транскрипцией, переводом и основательным комментарием языка памятника. Исследование кыпчакско-огузского литературного языка мамлюкского Египта XIV века, выполненное в историко-сопоставительном плане, было защищено Э. Н. Наджином в качестве докторской диссертации (1965). В этом исследовании автор учел данные

многих средневековых памятников как Египта, так и Золотой Орды. В 1975 году в Алма-Ате была издана в двух частях монография Э. Н. Наджипа «Тюркоязычный памятник XIV века „Гулистан“ Сейфа Саран и его язык», включающая, помимо историко-литературоведческого исследования, описание лексико-морфологических особенностей памятника, а также глоссарий. В 1979 году начал печататься «Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века», включающий, в частности, материалы «Хосрав и Ширин» Кутба. В эти же годы Э. Н. Наджипом опубликован ряд статей, посвященных анализу языковых особенностей как упомянутых, так и других средневековых памятников. К последним из этих публикаций относится описание тюркского языка Делийского султаната XIV века («Советская тюркология», 1982, №№ 2 и 3).

Э. Н. Наджип — член Советского комитета тюркологов. За свои научные заслуги он избран членом-корреспондентом Турецкого лингвистического общества.

И сегодня Э. Н. Наджип полон творческих планов и рабочих забот. Поздравляя Эмира Наджиповича Наджипа с его восьмидесятипятилетием, его коллеги, ученики и друзья желают ему доброго здоровья, завершения начатых трудов и осуществления всех его замыслов.

Г. Ф. Благова, И. В. Кормушин,
Е. А. Поцелуевский, Э. Р. Тенишев

КУММАН САРЫЕВ

(К семидесятилетию со дня рождения)

Исполнилось семьдесят лет декану факультета туркменской филологии Туркменского государственного университета им. А. М. Горького, заслуженному работнику высшей школы Туркменской ССР, доктору филологических наук, профессору Кумману Сарыеву — видному специалисту в области синтаксиса туркменского языка, талантливому педагогу.

К. Сарыев родился 2 октября 1914 года в Ташаузской области Туркмении. В 1941 году с отличием окончил Ашхабадский государственный педагогический институт им. А. М. Горького по специальности туркменский язык и литература. В годы Великой Отечественной войны К. Сарыев находился в рядах действующей армии. В 1947—1949 гг. он учился в аспирантуре Ашхабадского госпединститута, а затем в течение ряда лет был преподавателем кафедры туркменского языка этого вуза и в даль-

нейшем — образованного на его базе Туркменского государственного университета имени А. М. Горького. С 1955 года К. Сарыев работал деканом факультетов филологического профиля и доцентом кафедры туркменского языка университета. С 1975 года по настоящее время К. Сарыев — декан факультета туркменской филологии Туркменского госуниверситета.

В 1954 году К. Сарыев успешно защитил кандидатскую диссертацию «Влияние русского языка на обогащение лексики туркменского языка», а в 1974 году — докторскую «Словосочетания в туркменском литературном языке. (Именные словосочетания)». С 1978 года К. Сарыев — профессор.

Первые научные работы К. Сарыева были посвящены методике преподавания туркменского языка в средней школе, проблемам обогащения словарного состава турк-

менского языка за счет интернациональной лексики через посредство русского языка.

Он активно участвовал также в создании учебников и учебных пособий для вузов республики.

Главное направление научной деятельности К. Сариева — изучение синтаксического строя туркменского языка. Перу К. Сариева принадлежат монографии «Словосочетания в туркменском литературном языке» (1972) и «Простые предложения в современном туркменском языке» (1980). Он один из составителей орфографических словарей (1957, 1962) и соавтор очерка о туркменском языке, помещенного во втором томе серии «Языки народов СССР».

К. Сариев много внимания уделяет также вопросам изучения морфологической структуры и системного описания фактов литературного туркменского языка, а также его практическим вопросам — правописанию, словоупотреблению, терминотворчеству и др.

К. Сариев активно участвует в подготовке научных кадров, как руководитель диссертационных работ и профессор университета. Он читает тематические лекционные циклы для слушателей факультета повышения квалификации учителей.

Друзья, коллеги и ученики К. Сариева, поздравляя его с юбилеем, желают ему доброго здоровья и больших успехов в его научной и педагогической деятельности.

М. Соегов

АБДУГАНИ ЮСУПОВИЧ АЛИЕВ

(К шестидесятилетию со дня рождения)

Исполнилось шестьдесят лет со дня рождения и сорок пять лет научно-педагогической деятельности доктора филологических наук, профессора кафедры Узбекского язы-

кознания ордена Красного знамени Ташкентского государственного университета имени В. И. Ленина Абдугани Юсуповича Алиева.

А. Ю. Алиев родился 1 мая 1924 года в Ташкенте. В 1943 году окончил факультет узбекского языка и литературы Ташкентского государственного педагогического института им. Низами. С 1945 года преподавал в Хорезмском государственном педагогическом институте. В 1948 году был переведен в Наманганский государственный педагогический институт, а в 1961 году — в Ташкентский государственный университет им. В. И. Ленина, где продолжает работать по настоящее время.

В 1951 году А. Ю. Алиев поступает в аспирантуру Института языка и литературы им. А. С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР. Под руководством академика К. К. Юдахина он специализируется в области исследования малонизученной наманганской группы говоров узбекского языка.

Начав свои диалектологические разыскания с изучения уйчинского говора, А. Ю. Алиев опубликовал ряд научных статей, посвященных этому говору, положивших

начало его работе над кандидатской диссертацией, защищенной им в 1960 году.

После защиты диссертации А. Ю. Алиев опубликовал ряд статей, посвященных другим говорам Наманганской области, издал книгу «Материалы по узбекской диалектологии» (1974). В 1975 году он успешно защитил докторскую диссертацию «Наманганская группа говоров узбекского языка».

В 1977 году А. Ю. Алиев был утвержден профессором кафедры Узбекского языкознания Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина.

А. Ю. Алиевым опубликован целый ряд статей по различным актуальным вопросам узбекской диалектологии, а также истории узбекского литературного языка. Он ведет большую научно-методическую работу по разработке и составлению учебных программ и пособий для языковедческих факультетов вузов республики.

Друзья и коллеги А. Ю. Алиева сердечно поздравляют его с юбилеем и желают ему крепкого здоровья и новых успехов в научной и педагогической работе.

Х. Г. Гулямов, А. Р. Рустамов

Х Р О Н И К А

ПРОБЛЕМЫ ТЮРКСКОЙ ОНОМАСТИКИ НА XV МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ ПО ОНОМАСТИКЕ

С 13 по 17 августа 1984 года в городе Лейпциге (ГДР) состоялся XV Международный конгресс по ономастике (ИКОС), посвященный теме «Имя собственное в языке и обществе», на котором были подведены итоги трех предшествовавших лет (1981—1983) работы в данной области и намечены направления дальнейших исследований.

В работе конгресса участвовало около пятисот ученых из стран Европы, Азии, Америки и Африки.

На семи секциях¹ конгресса было заслушано более 500 докладов. В работе конгресса принимали участие двадцать шесть советских ученых, выступивших с докладами². Ниже мы коротко остановимся на докладах тюркологического профиля.

В докладе Н. А. Баскакова (Москва) «Антропонимы и этнонимы древних тюрков Восточной Европы (типы и модели)» рассматривались антропонимы и этнонимы древних тюркских народов: гуннов, булгар, хазар, сабиров, авар, печенегов и были раскрыты основные принципы формирования географических названий и имен собственных, классифицированы их типы и модели.

¹ Секции: 1) «Теория, методика и история ономастики», 2) «Социолингвистическая дифференциация имен собственных и прагматика имен», 3) «Имена собственные и история языка», 4) «Имена собственные и языковой контакт», 5) «Имена собственные и лингвистические общественные науки (археология, география, история, демография и др.)», 6) «Имена собственные в произведениях художественной литературы», 7) «Имена собственные в картографических изданиях и в международной коммуникации».

² Тезисы докладов XV Международного конгресса по ономастике опубликованы отдельной книгой: *Resümées der Vorträge und Mitteilungen.* — Leipzig, August, 1984, 244 стр.

В докладе Т. Дж. Джанузакова (Алма-Ата) «Древняя топонимия Казахстана» были рассмотрены топонимы, возникшие в результате тюрко-монгольских и арабо-иранских языковых связей.

Антропонимам, связанным с религиозными (Тангриберди, Тангрикул), тотемистскими (Бури, Кашкирбай) представлениями, древними культами небесных тел — Солнца, Луны (Ойхан, Кунбай), фетишизацией растений (Урмон, Чинорой, Ентокбой) был посвящен доклад Э. А. Бегматова (Ташкент) «Древнетюркские элементы узбекской антропонимии».

Вопросам тюркской исторической ономастики были посвящены доклады А. Г. Шайхулова (Уфа) «Домусульманский (языческий) антропонимикон тюркских народов Волго-Камско-Уральского региона как этногенетический источник» и А. Дубинского (Варшава) «Исторические наименования у литовско-польских татар как показатель языковой принадлежности».

О тюркской поэтической ономастике говорилось в сообщении С. А. Атаниязова (Ашхабад) «Ономастика в произведениях Махтумкули». Доклад Э. Таубе (Лейпциг) «Тувинские личные имена в прошлом и настоящем» был построен на данных смежных наук — этнографии и истории с привлечением материалов тюркских, монгольских, тибетских и русского языков.

Ш. Жапаров (Фрунзе) выступил с докладом «Созвучие в киргизских антропонимах», в котором сделал попытку выявить традиции в использовании созвучий имен и их основные особенности.

Доклады и сообщения показали, что научные исследования в области ономастики представляют значительный теоретический и практический интерес. Ономастика, особенно антропонимика, тесно связана с общественной жизнью, с культурой и историей народа. В связи с этим была рекомендована для последующих ономастических разработок проблема «Имя и культура».

Участники конгресса наметили актуальные задачи в области ономастики и пути их

исследования. Работа конгресса, как записано в принятой резолюции, способствовала дальнейшему развитию ономастических исследований и укреплению международного сотрудничества ученых.

Следующий XVI Международный конгресс по ономастике намечено провести в 1987 году в Квебеке (Канада). Его президентом избран Франсуа Бодин.

Ш. Жапаров

НА V МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ БАЛКАНИСТОВ

С 11 по 15 сентября 1984 года в Белграде (СФРЮ) проходил V Международный конгресс балканистов, в работе которого принимали участие 850 ученых из тридцати стран Европы, Азии, Африки и Австралии.

Конгресс открылся пленарными заседаниями, посвященными истории, языку и литературе, искусству и ремеслам. В последующие дни работали десять секций: пять по истории, остальные по языкознанию, литературоведению, фольклору и этнографии, искусству и ремеслам, правоведению. Основное место в программе конгресса было отведено проблемам истории, которым были посвящены 474 доклада и сообщения.

Советская делегация была представлена восьмьюдесятью пятью учеными, в том числе пятью тюркологами: двумя историками — В. И. Шеремет (Ленинград), М. Х. Сванидзе (Тбилиси), и тремя языковедами — Н. З. Гаджиева (Москва), В. И. Асланов и А. А. Ахундов (Баку).

М. Х. Сванидзе выступил на секции конгресса «Средние века» с докладом «Турецко-иранская война 1514—1555 гг. и Центральная и Юго-Восточная Европа», В. И. Шеремет на секции «Средние века — XX век», — с докладом «Русско-турецкая торговля и Балканские земли. Конец XVIII — первая половина XIX вв.».

На заседаниях лингвистической секции обсуждались в основном проблемы фонетики, лексики, грамматики балканских языков и межъязыковые связи. Внимание специалистов привлекли новые исследования в области тюркских языков, главным образом турецкого, их взаимоотношения с балканскими языками. В докладах В. Бланара (Чехословакия), Перилло (Италия), Х. Нематуллы (Югославия), П. Рендера (ФРГ), К. Штейнке (ФРГ), К. Симеонидиса (Греция), Э. Даниельсена (Норвегия), М. М. Лахарешу-Зобан (США), Г. Хазаи (Венгрия), Э. Боева (Болгария) рассматривались связи (особенно лексические) турецкого языка со славянскими, а также с румынским, албанским и греческим языками. Доклад Б. Гардена (США) был посвящен анализу особенностей сингармонизма стамбульского говора турецкого языка. Член нашей делегации Н. З. Гаджиева выступила с докладом «О соотношении кыпчакских и огузских элементов в тюркских языках Кавказа и Причерноморья (историко-лингвистическая характеристика)». По мнению Н. З. Гаджиевой, ареальные исследования тюркских

языков позволяют выдвинуть ряд кардинальных проблем общетюркского характера. К ним относится образование огузской и кыпчакской групп тюркских языков. Проведенное докладчиком ареальное исследование большого комплекса тюркских языков Северного Кавказа, Закавказья, Причерноморья, Средней Азии позволило ей прийти к следующему выводу: состоянию огузской и кыпчакской общности предшествовала эпоха пратюркского состояния со смешанными языковыми чертами. По мнению Н. З. Гаджиевой, кыпчакские и огузские языки образовались не путем распада какого-то единого языка, а в результате отставания преобладающих языковых черт в определенных географических условиях. Этому предшествовали процессы миграционного распространения смешанных черт по огромной территории от Енисея до Босфора. Для подтверждения этого вывода Н. З. Гаджиева привела ряд примеров и новых фактов из тюркских языков, подтверждающих правомерность особого выделения историками ареала Предкавказья. По мнению докладчика, приемы ареальных исследований в маргинальных районах, в окраинных диалектах, где чаще всего происходит консервация старых черт, позволяют гипотетически восстановить лингвистические признаки исчезнувших языков булгаро-хазарской группы.

Интерес участников конгресса вызвал и доклад В. И. Асланова, посвященный исследованию универсальной типологии внутренних форм слов «труд» и «работа», в котором отмечалось, что проблема определения древнейшего значения слов и их первоначальной формы является наименее разработанной областью языкознания. Исследования показывают, что даже такие слова, как «есть», «пить», «родиться», «умереть», «трудиться», «голова», «глаза», «руки» в процессе развития языка и общества претерпевают не только фономорфологические, но и лексико-семантические изменения. Опыт реконструкции архаичных значений ряда слов позволяет заключить, что если фономорфологическое развитие слова связано с фонетической структурой каждого языка в отдельности или группы генетически родственных языков, то процесс лексико-семантического развития ряда слов в разнотипных языках обнаруживает иногда поразительное сходство, указывая на универсальный характер этого процесса.

Отмечая, что это универсальное явление связано прежде всего с типологией мышления, докладчик проиллюстрировал сказанное на примере слов со значением «работа», «труд». В основе понятия «работать», «трудиться» лежат этимоны, обладавшие первоначально значением «мучиться» не только во французском, английском, русском, румынском, финском, арабском и персидском, но и в тюркских языках. В. И. Асланов указал, что слова *âtmâk* 'труд' и *iş* 'работа' на современном этапе развития азербайджанского языка квалифицируются как простые, производные. Исторически же они восходят к *âtmgāk* 'мучение', и *iş*, производным от *ât* и *i*. Основа *ât* так же, как и *iş*, восходит к корню *i, выражавшему значение «мучить», «мучиться», «страдать». Данное значение сохранилось в ряде устойчивых глагольных словосочетаний и в слове *iş* в современном азербайджанском языке. Ср.: *başupa iş gäl* 'случиться (беде)', *başupa iş aç* 'заставить (кого-либо) мучиться'.

А. А. Ахундов выступил с докладом «Об основных вопросах построения логического типа тюркских языков», где, в частности, подчеркивалась необходимость создания «специальных» грамматик различных языков, типологически резко отличающихся друг от друга. По мнению докладчика, попытки построения грамматической модели, способной точно и всесторонне отражать своеобразный грамматический механизм определенных языков, имеют давнюю историю. В качестве примера он назвал известное исследование «Ал-Китаб» Сибавейхи. Отклонения от системы «Александрийских грамматик» — основы грамматик почти всех языков, можно найти, например, в исследованиях А. Масперо и частично Е. Д. Поливанова по китайскому, Б. Блока по японскому языкам. Своеобразие грамматик тюркских языков, по мнению доклад-

чика, впервые выявил А. Н. Кононов. Эту проблему рассматривают в своих работах также Н. А. Баскаков, С. Н. Иванов, Х. Г. Нигматов и др. Мнения о необходимости создания самобытной грамматики тюркских языков придерживаются и некоторые турецкие лингвисты (Т. Генджан, М. Эргин).

Под построением логического типа тюркских языков докладчик подразумевает создание аксиоматической системы этих языков на фонологическом, грамматическом и лексическом уровнях без привлечения языковых материалов.

В секциях литературоведения, фольклористики и этнографии, а также искусства и ремесла были выдвинуты новые интересные идеи, касающиеся не только балканистики, но и общетеоретических проблем этих наук. Доклады Е. Н. Ионеску (Румыния), И. Ковачевич (Югославия), А. Кракава (Чехословакия), М. Ангелеску (Румыния) были посвящены вопросам балканских и восточных, балканских и тюркских литературных связей.

В дни конгресса состоялось немало интересных встреч. Одна из них прошла в Советском культурном центре и была посвящена 40-летию победы над германским фашизмом. Ее участники рассказывали о героизме советских воинов и югославских патриотов, плечом к плечу сражавшихся в годы второй мировой войны против общего врага — фашизма. В Югославии свято чтят память советских воинов, павших за освобождение Югославии и ее столицы Белграда. Советская делегация возложила венки к могилам советских солдат, павших в Югославии.

На заключительном заседании конгресса было решено следующий форум балканистов провести в Софии — столице Народной Республики Болгарии.

А. А. Ахундов

«СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ СЛОЖНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ»

22 апреля 1983 года на заседании Специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте языкознания Академии наук Казахской ССР состоялась защита докторской диссертации «Структурно-семантические типы сложных словосочетаний в современном казахском языке», представленной доцентом кафедры казахского языка Казахского государственного университета им. С. М. Кирова Сайрамбаевым Талгатом Сайрамбаевичем.

Диссертация представляет собой комплексное исследование, посвященное всестороннему изучению структурно-семантических типов сложных словосочетаний в современном казахском языке. Диссертант на основе scrupulous анализа сложных словосочетаний установил закономерности их образования и внутренней дифференциации структурно-семантических типов.

В диссертации выявлены наиболее характерные черты, разграничивающие сложные словосочетания со сходными с ними

единицами речи и синтаксическими конструкциями, раскрыта роль полнозначных, вспомогательных и полуфункциональных единиц в процессе образования усложненных словосочетаний.

Основные положения работы и выводы автора научно аргументированы и основываются на богатом

фактическом языковом материале.

Диссертация имеет и важное практическое значение, ибо материалы исследования могут быть использованы при составлении учебников, практических пособий по синтаксису казахского языка.

Официальные оппоненты — д-ра филол. наук, профессора Е. И. Убрытова, К. М. Мусаев и С. Исаев, а также выступившие на заседании академик АН Казахской ССР А. Т. Кайдаров, член-корреспондент АН Казахской ССР М. Б. Балакаев и другие отметили, что диссертационная работа Т. С. Сайрамбаева является ценным исследованием, вносящим немало нового в изучение синтаксиса казахского языка.

Специализированный совет принял решение ходатайствовать перед ВАК СССР о присуждении диссертанту искомой ученой степени.

Решением ВАК СССР от 13 апреля 1984 года (протокол № 14 д/10) Т. С. Сайрамбаеву присуждена ученая степень доктора филологических наук.

А. А. Чеченов, Ж. К. Туймебаев

«ПОЭТИКА И ПУТИ РАЗВИТИЯ ЛИРИЧЕСКИХ ЖАНРОВ УЗБЕКСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ»

21 сентября 1983 года на заседании Специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при ордена «Знак Почета» Института языка и литературы им. А. С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР состоялась защита докторской диссертации

«Поэтика и пути развития лирических жанров узбекской классической поэзии», представленной доцентом Самаркандского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. Алишера Навои Арзобековым Рахманкулом.

В диссертации Р. Арзобекова впервые специально исследуются история, теория и типология лирических жанров в узбекской классической и советской литературе.

Особо следует отметить историко-сопоставительный анализ лирических жанров в поэзии народов Советского Востока, а также в персидской, арабской и турецкой литературах, выявление их типологических сходств и различий.

Эволюция поэтических жанров, усложнение и изменение их структуры рассматри-

ваются в русле развития всей узбекской литературы как классической, так и современной.

В работе исследуются все компоненты узбекской лирики: содержание и форма, композиция и сюжет, образная структура, рифмовка, реди́ф и т. д.

Отдельная глава посвящена наиболее распространенному в восточной поэзии жанру — газели. Выявлены общие черты различных стихотворных форм, объединенных единым названием «мусаммат», что также является новым в узбекской филологии.

Тщательно исследованы диссертантом и малые формы: рубай, китъа, мурабба, фард, гууг и др.

Выводы диссертации могут быть использованы при дальнейшей разработке теории узбекской классической литературы, создании пособий и учебников по поэтике и различным жанрам узбекской лирической поэзии и т. д.

Официальные оппоненты — академик Академии наук Азербайджанской ССР Г. М. Араслы, д-р филол. наук А. П. Каюмов, д-р филол. наук, проф. И. Ш. Шодиев дали высокую оценку диссертации. Это мнение было поддержано также докторами филол. наук, профессорами Н. М. Маллаевым, М. Ю. Юнусовым и Б. Н. Валиходжаевым.

Специализированный совет принял решение ходатайствовать перед ВАК СССР о

присуждении Р. Арзибекову искомой ученой степени.

Решением ВАК СССР от 13 июля 1984 года (протокол № 27 д/25) Р. Арзибекову

присуждена ученая степень доктора филологических наук.

Р. Кунгуров, И. Мирзаев

«ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ФОНЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ УЙГУРСКОГО ЯЗЫКА (ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ)»

21 октября 1983 года на заседании Специализированного совета по защите докторских диссертаций при Институте языкознания Академии наук Казахской ССР по специальности тюркские языки состоялась защита докторской диссертации «Историческое развитие фонетической системы уйгурского языка

(Опыт сравнительно-исторического изучения)», представленной старшим научным сотрудником Института языкознания Академии наук Казахской ССР **Талиповым Туглукжаном Талиповичем**.

Вопросы общей характеристики основных тенденций исторического развития фонетической системы уйгурского языка в диссертации, впервые в уйгурском языкознании, разрабатываются столь глубоко, с широким привлечением богатого и разнообразного языкового материала.

Т. Т. Талиповым описываются основные аспекты развития звукового строя уйгурского языка в диахроническом, а также в современном синхронном срезе, прослеживаются интра- и экстралингвистические причины фонетических изменений в языке.

Работа включает: введение, шесть глав, заключение, библиографию и список сокращений.

Наиболее интересными являются первые две главы, посвященные изучению характерных сдвигов, происшедших в системе вокализма и консонантизма уйгурского языка, исследованию фонетических явлений,

связанных с акцентно-просодическими закономерностями, раскрытию фонетических и фонологических изменений, вызываемых потенциями развития языка, унаследованных от его прошлого состояния.

В третьей и четвертой главах делается сравнительный анализ явлений огласовки широких и узких гласных в анлаутной, и качественного расширения узких гласных в финальной позициях слова, рассматриваются причины количественных и качественных модификаций фонем, обосновывается причинная трактовка фонетической и морфологической эволюции ряда слов и их форм.

Последние две главы посвящены истории появления отдельных гласных и согласных звуков: конвергенции общетюркских узких гласных и возникновению индифферентных звуков, а также некоторых согласных звуков в отдельных позициях в слове.

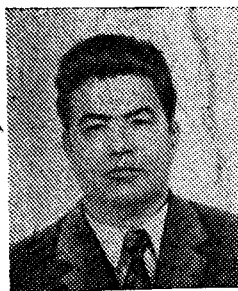
Официальные оппоненты — академик Академии наук Казахской ССР С. К. Кенесбаев, д-р филол. наук, проф. Т. К. Ахматов (Фрунзе), д-р филол. наук А. Махмудов (Ташкент), а также выступившие на защите академик АН Казахской ССР А. Т. Кайдаров, члены-корреспонденты АН Казахской ССР А. И. Исаков и Г. С. Садвакасов, д-р филол. наук Т. Ж. Жанузаков и другие дали высокую оценку исследованию Т. Т. Талипова.

Совет принял решение ходатайствовать перед ВАК СССР о присуждении Т. Т. Талипову искомой ученой степени.

Решением ВАК СССР от 12 октября 1984 года (протокол № 40 д/1) Т. Т. Талипову присуждена ученая степень доктора филологических наук.

Д. К. Хасанов

«ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И СОВРЕМЕННАЯ СТРУКТУРА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ (ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ) ТЕРМИНОЛОГИИ В ТУРКМЕНСКОМ ЯЗЫКЕ»

26 октября 1983 года на заседании Специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте языка и литературы им. Махтумкули Академии наук Туркменской ССР состоялась защита докторской диссертации «Историческое развитие и современная структура сельскохозяйственной (земледельческой) терминологии в туркменском языке», представленной заведующим областным отделом народного образования Чарджууского облисполкома **Пенжиевым Муратом**.

Диссертация М. Пенжиева является первым в туркменском языкознании опытом монографического изучения истории развития профессиональной (земледельческой) лексики. Лексический материал, собранный автором из первоисточников и в полевых условиях, относится прежде всего к социальной структуре сельскохозяйственного производства Туркмении.

Диссертация М. Пенжиева — это монографическое исследование происхождения, истории развития и современной структуры земледельческих терминов в одном из тюркских языков — туркменском.

Теоретическая ценность работы заключается в полном охвате земледельческой лексики и всестороннем изучении ее как в диахроническом, так и в синхроническом аспектах. Диссертантом привлечены также материалы многих диалектов туркменского языка, что позволило установить происхождение отдельных терминов, выявить специфические языковые явления в данной области, проследить процессы семантического развития профессиональных лексических пластов, осуществить структурный анализ способов образования терминологических единиц.

Практическое значение диссертации состоит прежде всего в том, что в ней впервые собран большой инвентарь земледельческих профессионализмов, что представляет значительный интерес с точки зрения исторической лексикологии и изучения внутренних закономерностей развития туркменского языка.

Диссертация может быть использована при составлении соответствующего раздела полного толкового словаря туркменского языка и послужит образцом для исследования терминологии других отраслей народного хозяйства.

Выступившие на защите официальные оппоненты — академик АН Казахской ССР А. Т. Кайдаров, член-корр. АН Туркменской ССР З. Б. Мухамедова, д-р филол. наук Э. Р. Тенишев, а также академик АН Туркменской ССР П. А. Азимов, члены-корреспонденты АН Туркменской ССР М. А. Аманпесов и Б. Ч. Чарыяров, д-р филол. наук Р. Реджепов, д-р сельхоз. наук Б. Н. Джуманазаров и другие отметили актуальность диссертации, имеющей важное социально-культурное значение.

Специализированный совет принял решение ходатайствовать перед ВАК СССР о присуждении диссертанту искомой ученой степени.

Решением ВАК СССР от 14 сентября 1984 года (протокол № 36 д/3) М. Пенжиеву присуждена ученая степень доктора филологических наук.

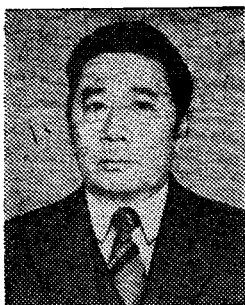
С. Атанязов

«КАЗАХСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ КАЗАХСКОЙ ПЕЧАТИ)»

25 ноября 1983 года на заседании Специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте языкознания Академии наук Казахской ССР состоялась защита докторской диссертации «Казахский литературный язык второй половины XIX века (На материале казах-

ской печати)», представленной старшим научным сотрудником этого института **Абилхасимовым Бабашем Абилхасимовичем**.

Диссертация посвящена развитию казахского литературного языка второй половины XIX века и его обобщенной характеристике на основе выявленных и лингвисти-

чески описанных диссертантом письменных источников указанного периода. Диссертация является первым монографическим исследованием, характеризующим состояние казахского литературного языка второй половины XIX века на фонетико-орфографическом, лексическом и грамматическом уровнях.

Среди большого числа использованных диссертантом письменных источников, многие из которых вводятся им в научный оборот впервые, особое место занимает литературный жанр, именуемый *киссой*, а также разнообразные научно-популярные брошюры и миссионерская литература на казахском языке.

Всестороннее лингвистическое изучение литературных источников позволило диссертанту выявить характерные черты казахского письменного литературного языка указанного периода, отличающие его от предшествовавшего ему староказахского, и от современного литературного языка, внести уточнения в периодизацию истории казахского литературного языка и в такие

понятия, как «казахский литературный язык», «староказахский литературный язык» и «устный литературный язык», бытующие в казахском языкознании.

Выступившие на защите в качестве официальных оппонентов член-корр. АН Казахской ССР А. И. Искаков, академик АН Киргизской ССР Б. О. Орузбаева, д-р филол. наук, проф. В. Х. Хаков, а также академики АН Казахской ССР З. А. Ахметов и А. Т. Кайдаров, член-корр. АН Казахской ССР М. Б. Балакаев, д-ра филол. наук, профессора С. М. Исаев, А. К. Курышжанов, М. М. Копыленко, А. Н. Нурмагамбетов, Т. Ж. Жанузаков и другие отметили, что диссертационная работа Б. А. Абилясимова вносит много ценного в разработку малонизученной проблемы казахского литературного языка и, несомненно, будет способствовать дальнейшей активизации теоретических исследований в данной области.

Специализированный совет принял единогласное решение ходатайствовать перед ВАК СССР о присуждении Б. А. Абилясимову искомой ученой степени.

Решением ВАК СССР от 14 декабря 1984 года (протокол № 49 д/27) Б. А. Абилясимову присуждена ученая степень доктора филологических наук.

Ф. Ф. Алиев

«СЕМАНТИКА КАЗАХСКОГО ГЛАГОЛА (ОПЫТ СЕМАНТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ)»

23 декабря 1983 года на заседании Специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте языкознания Академии наук Казахской ССР состоялась защита докторской диссертации «Семантика казахского глагола (Опыт семантической классификации)», представленной доцентом кафедры казахской филологии Ташкентского государственного педагогического института им. Низами **Оразовым Мейрбеком**.

Диссертация посвящена исследованию семантики глагола в казахском языке. Диссертантом уточняются понятия «денотат» и «сигнификат». Он предлагает свою классификацию денотата и свои критерии определения семантики слова. Лексика казахского языка в диссертации впервые поддается исследованию как система. На

основе компонентного анализа значений глаголы классифицируются по семам. Вербальные значения исследуются на основе архидифференциальных сем. Глаголы и словосочетания с вербальным значением разбираются диссертантом на двенадцать лексико-семантических групп по их архисемам. Он прослеживает значение каждой лексико-семантической группы и соотношения этих значений. В диссертации определяется место членов лексико-семантических групп в их собственной системе, рассматривается их взаимосвязь, устанавливается валентность глаголов. На богатом фактическом материале доказываются неидентичность семантической и синтаксической валентности глаголов. Уточняются условия, способствующие употреблению статических глаголов состояния в служебной функции (многозначность, частота употребления, стандартная сочетаемость). Определяются взаимоотношения номинативных и служебных слов, их семантическая связь, переход номинативных слов в служебные. Рассматривается также специфика глаголов состояния, имеющих издавна тенденцию к передаче временных категорий. На основе сравнительно-исторического метода в диссертации прослеживается трансформация аналитических форм в аф-

фиксы. Диссертант пытается дать научное решение ряда спорных вопросов лексикологии (принципы классификации глаголов по лексико-семантическим группам, особенности перехода полнозначных слов в служебные, в аффиксы и др.).

Помимо научного, диссертация имеет также и практическое значение: ее выводы могут быть использованы при разработке теоретической лексикологии казахского языка, при составлении научной грамматики, подготовке учебников для вузов, в теоретической и практической лексикографии.

Выступившие на защите в качестве официальных оппонентов д-р филол. наук А. К. Калыбаева, д-ра филол. наук, профес-

сора А. П. Ходжиев и Е. Б. Бердымуратов, а также академики АН Казахской ССР С. К. Кенесбаев и А. Т. Кайдаров, член-корр. АН Казахской ССР А. И. Исаков и другие дали высокую оценку исследованию М. Оразова.

Ученый совет постановил ходатайствовать перед ВАК СССР о присуждении М. Оразову искомой ученой степени.

Решением ВАК СССР от 14 декабря 1984 года (протокол № 49 д/28) М. Оразову присвоена ученая степень доктора филологических наук.

А. Б. Белботаев

«САТИРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ „МОЛЛА НАСРЕДДИН” И ПРОБЛЕМЫ ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НАЧАЛА XX ВЕКА»

6 января 1984 года на заседании Специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при ордена Дружбы народов Институте литературы им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР состоялась защита докторской диссертации

«Сатирический журнал „Молла Насреддин” и проблемы идейно-художественного развития азербайджанской литературы начала XX века», представленной старшим научным сотрудником отдела литературы начала XX века этого института Агаевым Исламом Мамед оглы.

В диссертации показаны роль и значение журнала «Молла Насреддин» как основателя новой литературной школы, прослеживаются особенности последней, а также влияние журнала на развитие литературно-эстетических взглядов и общественно-политической мысли Азербайджана начала XX века. Диссертант уделяет внимание и социальным корням создания журнала «Молла Насреддин», сыгравшего важную роль в утверждении в азербайджанской литературе метода критического реализма. На страницах журнала нашли органическое сочетание традиции прогрессивной просве-

дительской мысли Азербайджана и демократические традиции передовой русской и мировой культуры.

Диссертант особо выделяет выдающуюся роль Дж. Мамедкулизаде в организации и издании журнала, анализирует литературно-публицистическую деятельность наиболее видных «молланасреддинцев» — М. А. Сабира, А. Назми, М. С. Ордубади, А. Гамкюсара и др.

В диссертации впервые в азербайджанском литературоведении систематизируются жанрово-стилистические особенности публикуемой на страницах журнала поэзии, исследуются ее связи с классической литературой и устным народным творчеством, прослеживается влияние журнала на становление новой реалистической литературы.

Выступившие на защите официальные оппоненты — член-корреспондент АН Азербайджанской ССР К. А. Талыбзаде, д-ра филол. наук, профессора Н. Ф. Ахундов и М. М. Мамедов, а также присутствовавшие на заседании другие члены совета отметили важное значение диссертации в изучении развития критического реализма в азербайджанской литературе начала XX века.

Специализированный совет принял решение ходатайствовать перед ВАК СССР о присуждении И. М. Агаеву искомой ученой степени.

Решением ВАК СССР от 28 декабря 1984 года (протокол № 51 д/21) И. М. Агаеву присуждена ученая степень доктора филологических наук.

И. Я. Гамидов

«СИСТЕМА ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА В СОВРЕМЕННОМ ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ»

13 января 1984 года на заседании Специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте востоковедения Академии наук СССР состоялась защита докторской диссертации «Система функциональных форм глагола

в современном турецком языке», представленной доцентом кафедры языков Ближнего и Среднего Востока Московского государственного института международных отношений МИД СССР Кузнецовым Петром Ивановичем.

Диссертация включает предисловие, введение, три главы, заключение, библиографию.

Основу диссертации П. И. Кузнецова, посвященной одному из важнейших разделов морфологии глагола современного турецкого языка, составляет углубленный анализ семантического аспекта системы функциональных форм. При этом диссертант для выделения инвентаря обращается также к формальному определению исследуемых единиц, привлекая с этой целью понятия ранговой грамматики. Новизна подхода заключается в том, что диссертант оценивает структуру словоформ прежде всего на содержательном уровне, группируя родственные морфемы, что позволяет выделить

важнейший синтагматический ранг функционала.

Система функциональных форм подразделяется на два основных класса — класс финитных форм и класс инфинитных форм — с последующим членением каждого класса на подклассы и более мелкие разряды. Богатый языковой материал, привлеченный диссертантом, позволил ему по-новому интерпретировать многие интересные явления морфологии турецкого глагола.

Выводы, относящиеся к статистическому срезу языка, автор подкрепляет во второй главе диссертации теоретическим обоснованием вербальной теории, то есть теории изначальной глагольности тюркского предложения. И хотя в одной работе невозможно дать позитивное решение всей данной сложной проблемы, однако диссертация, безусловно, является весьма важным шагом в этом направлении.

Официальные оппоненты — д-ра филол. наук, профессора Н. З. Гаджиева и Э. А. Грунина, д-р филол. наук И. Ф. Вардуль, а также выступившие на заседании члены совета д-ра филол. наук Н. А. Сыромятников и А. Н. Баскаков отметили высокий научный уровень диссертации, ее большое теоретическое и практическое значение.

Специализированный совет принял единогласное решение ходатайствовать перед ВАК о присуждении П. И. Кузнецову искомой степени.

Решением ВАК СССР от 14 декабря 1984 года (протокол № 49 д/29) П. И. Кузнецову присуждена ученая степень доктора филологических наук.

Р. А. Аганин

«ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИЗМА И УЗБЕКСКИЙ РОМАН»

25 января 1984 года на заседании Специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте языка и литературы им. А. С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР состоялась защита докторской диссертации «Проблема

психологизма и узбекский роман», представленной заведующим кафедрой узбекской литературы Самаркандского государственного педагогического института им. Айни Умуровым Хотамом Икрамовичем.

В диссертации исследуется зарождение и развитие психологизма в узбекском романе (1926—1982), освещается теория, история и типология художественного психологизма. Автор привлекает к исследованию также материалы русской классической и советской литературы.

Х. И. Умуров в диссертации проследил эволюцию жанра романа в узбекской лите-

та докторской диссертации «Проблема

фатуре, раскрыл его тесную связь с социально-экономическим и духовным развитием нации, показал его совершенствование на основе метода социалистического реализма.

В диссертации выявлена зависимость в литературных произведениях форм психологизма и принципов психологического анализа от соотношения образности и языка, факта и вымысла, субъективного и объективного, реализма и художественной условности и т. д.

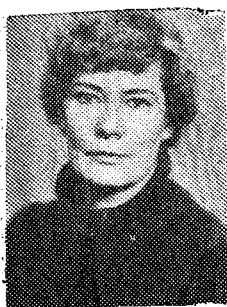
Положения и выводы исследования строго аргументированы и представляют общеметодологический интерес.

Официальные оппоненты — доктора филол. наук, профессора С. М. Мамаджанов, С. Мирвалиев и С. З. Мирзоев и другие выступавшие дали высокую оценку исследованию Х. И. Умурова. Члены ученого совета приняли решение ходатайствовать перед ВАК о присуждении Х. И. Умурову искомой ученой степени.

Решением ВАК СССР от 13 июля 1984 года (протокол № 27 д/23) Х. И. Умурову присуждена ученая степень доктора филологических наук.

М. Т. Туйчиев

«ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ТЮРКСКОЙ ТОПОНИМИИ ГОРНО-АЛТАЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ»

26 апреля 1984 года на заседании Специализированного совета по защите диссертаций по общему языкознанию при Институте языкознания Академии наук СССР состоялась защита докторской диссертации «Опыт сравнительно-исторического и типологического исследования тюркской топонимии Горно-Алтайской автономной области», представленной доцентом кафедры иностранных языков Львовского Государственного сельскохозяйственного института Молчановой Ольгой Тихоновной.

Диссертация О. Т. Молчановой — первое в отечественном и зарубежном языкознании обобщающее исследование по топонимической компаративистике, в котором пути развития топонимической системы одного из тюркских языков прослеживаются в типологическом сопоставлении с топонимией индоевропейских языков.

О. Т. Молчановой определены общие структурные характеристики топонимического тезауруса. При исследовании переходов «апеллятив—оним», «оним — другой оним» диссертантом обнаружены связь семантики и словообразования, трансформация значений, отмечена роль ассоциаций, тотемных культов, обожествления природы в случаях, когда онимизация апеллятива происходит через метафору, метонимию. По наблюдениям О. Т. Молчановой в каждом языке по-своему перераспределяются

грамматические классы слов, участвующих в образовании топонимов: доминантную позицию, с точки зрения номинативной функции, занимают имена, затем в тюркских языках идут глагольные формы, имитативы, крайне редко наречия (онимизация последних не наблюдается в европейских языках). При синтаксической характеристике географических имен наглядно демонстрируется тесная взаимосвязь способов синтаксического оформления топонимов-комполит и их лексико-семантической специфики.

Диссертация состоит из двух томов (первый том — основной корпус, второй — приложения). Первый том содержит введение, четыре главы, второй том — пять приложений, характеризующих тюркский топонимикон в лексикологическом, морфологическом и картографическом аспектах.

Официальные оппоненты — д-ра филол. наук В. П. Нерознак, Д. Г. Тумашева, Г. П. Смолицкая и выступившие на защите член-корр. АН СССР Б. А. Серебrenников и д-р филол. наук А. В. Суперанская отметили важное значение диссертации О. Т. Молчановой для разработки теоретических проблем топонимики и решения узловых вопросов семантики, словообразования, синтаксиса на уровне апеллятивной лексики.

Специализированный совет единогласно принял решение ходатайствовать перед ВАК СССР о присуждении О. Т. Молчановой искомой ученой степени.

Решением ВАК СССР от 14 сентября 1984 года (протокол № 36 д/3) О. Т. Молчановой присуждена ученая степень доктора филологических наук.

Г. Ф. Благова

НЕКРОЛОГИ

ФАРХАД РАМАЗАН ОГЛЫ ЗЕЙНАЛОВ

16 октября 1984 года после непродолжительной тяжелой болезни на пятьдесят шестом году жизни скончался видный азербайджанский языковед-тюрколог, заведующий кафедрой тюркологии Азгосуниверситета им. С. М. Кирова, доктор филологических наук, профессор Фархад Рамазан оглы Зейналов.

Ф. Р. Зейналов родился в 1929 году в г. Ордубаде Азербайджанской ССР. В 1953 году по окончании с отличием филологического факультета Азгосуниверситета им. С. М. Кирова, он был командирован в целевую аспирантуру при МГУ им. М. В. Ломоносова. Его кандидатская диссертация, написанная под научным руководством профессора Н. А. Баскакова и успешно им защищенная, была посвящена разработке принципов классификации частей речи в тюркских языках.

С 50-х годов Ф. Р. Зейналов начал свою педагогическую деятельность на филологическом факультете АГУ им. С. М. Кирова в качестве старшего преподавателя и доцента.

В 1966 году Ф. Р. Зейналову за диссертационную работу «Служебные части речи в современных тюркских языках» была присуждена ученая степень доктора филологических наук. В 1968 году он получил ученое звание профессора. С того времени и до конца своей жизни он возглавлял в Азгосуниверситете им. С. М. Кирова кафедру тюркологии.

Ф. Р. Зейналов был плодовитым ученым-тюркологом, известным в нашей стране и за рубежом как автор ряда монографий, учебников и учебных пособий. Наиболее значительными из них являются: «О принципах классификации частей речи» (1956), «Традиционное деление частей речи в тюркских языках» (1957), «Принципы классификации частей речи» (1959), «Очерки по сравнительной грамматике тюркских языков» (1959), «Послелого в тюркских языках» (1964), «Частицы и модальные слова в тюркских языках» (1965), «Союзы в тюркских языках» (1967), «Служебные части речи в современных тюркских языках» (1971), «Сравнительная грамматика тюркских языков» (ч. I — 1974; ч. II — 1975), «Древнетюркские письменные памятники» (1980), учебник «Основы тюркологии» (1981). Последняя работа Ф. Р. Зейналова после «Введения в тюркологию» Н. А. Баскакова — наиболее капитальное исследование по данной проблеме. Вопросам сравнительно-исторического исследования тюркских языков посвящены такие большие статьи ученого, как «Классификация тюркских языков», «Махмуд Кашгари и его „Диван“», «Эпос „Деде Коркуд“ и мировое востоковедение», «Огузско-сельджукские памятники и азербайджанский язык» и др.

В личности Ф. Р. Зейналова гармонически сочетались талантливый ученый, замечательный педагог и прекрасный организатор. Много внимания Ф. Р. Зейналов уделял подготовке кадров языковедов-тюркологов как для Азербайджана, так и для других тюркоязычных республик и областей: руководил диссертационными работами, выступал в качестве оппонента на

защитах, консультировал молодых специалистов.

Ф. Р. Зейналов принимал активное участие в работе научных конгрессов, симпозиумов, совещаний востоковедов и тюркологов, проводившихся в СССР и зарубежом, выступая на них с научными докладами (ГДР, Турция и др.). Его статьи и тезисы публиковались во многих тюркологических центрах Советского Союза и зарубежных стран.

Ф. Р. Зейналов принимал самое деятельное участие и в общественной жизни: он избирался первым секретарем партийного комитета Университета, членом парткома Октябрьского района г. Баку, депутатом районного совета, членом научно-методического совета Министерства высшего и

среднего специального образования, был членом Союза журналистов СССР и ряда ученых и специализированных советов. За активную научно-педагогическую и общественную деятельность Ф. Р. Зейналов награждался почетными грамотами Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР, Общества «Знание», ЦК ЛКСМ Азербайджана.

От нас ушел талантливый ученый и обаятельный человек. Светлая память о видном тюркологе и заботливом педагоге Фархаде Зейналове навсегда сохранится в сердцах его многочисленных друзей, коллег и учеников.

Т. И. Гаджиев, А. К. Алекперов

* * *

Ушел из жизни молодой, полный сил и энергии, всегда приветливый и милый человек, видный ученый, автор многочисленных монографий, доктор филологических наук, профессор Азербайджанского государственного университета им. С. М. Кирова Фархад Рамазанович Зейналов.

Кажется, это было совсем недавно, хотя с того времени прошло уже немало лет, Ф. Р. Зейналов, поступавший в аспирантуру Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова на кафедру общего языкознания, представил тогда прекрасное самостоятельное исследование по азербайджанскому языку. Он, конечно, был принят и в течение трех лет написал и успешно защитил кандидатскую диссертацию.

За миновавшие с того времени три десятилетия Ф. Р. Зейналов проявил себя как талантливый тюрколог-языковед, заслуженный работник культуры Чувашской АССР Наум Андреевич Андреев.

1 сентября 1984 года на девяносто третьем году жизни скончался видный исследователь чувашского языка, заслуженный работник культуры Чувашской АССР Наум Андреевич Андреев.

Н. А. Андреев (Урхи) принадлежал к числу видных чувашских языковедов, научные интересы которого были более всего связаны с историей, лексикологией, грамматикой и стилистикой чувашского языка.

Родился Н. А. Андреев 22 ноября 1891 года в деревне Ефремкасы Аликовского района Чувашской АССР. Рано лишившись отца и матери, он пошел в подпаски и работал по найму. Мечта стать учителем

юлся его многочисленные исследования по сравнительной грамматике и истории тюркских языков.

Ф. Р. Зейналов был не только видным тюркологом-исследователем, но и талантливым педагогом, руководителем кафедры. Его лекции, благодаря параллельно проводимой им большой исследовательской работе, были всегда оснащены свежим богатым материалом и новыми идеями.

Значительное место в деятельности Ф. Р. Зейналова в университете занимала общественная работа. Общительный, энергичный и жизнерадостный, он сразу всех располагал к себе и пользовался большой симпатией и любовью коллег и товарищей по работе.

Мы, старшие и младшие коллеги и друзья Ф. Р. Зейналова, все те, кому посчастливилось работать и общаться с ним, всегда будем помнить встречи и беседы с ним, неизменно проникнутые доброжелательностью и сердечностью.

Н. А. Баскаков

НАУМ АНДРЕЕВИЧ АНДРЕЕВ

привела его в г. Симбирск, где он попытался поступить в чувашскую школу к И. Я. Яковлеву. Однако ему было уже восемнадцать лет, а в школу принимали только четырнадцатилетних. Работая в столярной мастерской при Чувашской учительской школе, Н. А. Андреев в 1913 году экстерном сдал экзамены на звание учителя. С началом империалистической войны Н. А. Андреев был призван в действующую армию.

После Великой Октябрьской социалистической революции Н. А. Андреев работает в Комиссариате по чувашским делам при Казанском губисполкоме и в редакции журнала «Сёрёслекен» («Земледелец»).

Его статьи печатаются в чувашских изданиях. Его первые публикации связаны с практическими нуждами зарождающегося нового социально-экономического уклада, с его культурой, литературой и языком. В 1920 году, после образования Чувашской Автономной области, Н. А. Андреев переезжает в Чебоксары, где работает в переводческой комиссии, а затем сотрудником редакций чувашских газет и журналов, редактором Чувашского книжного издательства. Одновременно он заочно учится в Чувашском педагогическом институте. С 1940 по 1943 год Н. А. Андреев работает в Президиуме Верховного Совета Чувашской АССР, а затем в секторе языка Чувашского научно-исследовательского института, вплоть до выхода в 1967 году на пенсию.

Необычайно широк диапазон научных интересов Н. А. Андреева. Он — лингвист, фольклорист, литературовед, лексикограф. Среди его многочисленных работ такие монографические исследования, как «Стилистика чувашского языка» в трех книгах и «Лексикография чувашского языка», заложившие основу научного изучения стилистики и лексикологии чувашского языка.

Исследования Н. А. Андреева именных частей речи вошли в книгу «Материалы по грамматике современного чувашского языка», а высказанные им идеи об использовании словообразовательных аффиксов для нужд современного чувашского языка не потеряли своей актуальности и поныне.

Ценные работы оставил Н. А. Андреев по истории чувашского языка и исторической лексикологии. Им создано несколько терминологических словарей, а также много терминов по астрономии, ботанике, зоологии, географии, которые прочно вошли в школьные учебники и, следовательно, обогатили современный чувашский язык.

Плодотворно работал Н. А. Андреев как переводчик художественной, общественно-политической, сельскохозяйственной, научно-популярной литературы и как составитель школьных учебников и пособий.

Заметным вкладом в чувашскую культуру явился перевод Н. А. Андреева на чувашский язык «Фауста» Гёте, опубликованный в 1979 году. Начав эту работу в молодые годы, он завершил ее в восьмидесятилетнем возрасте. Этот перевод был отмечен и зарубежной прессой.

Светлая память о Науме Андреевиче Андрееве, видном деятеле чувашской науки и культуры, навсегда сохранится в сердцах его коллег, учеников, многочисленных читателей и всех тех, кто знал его и общался с ним.

М. Р. Федотов

ХАМДАМ БЕРДИЯРОВ

12 октября с. г. скончался заслуженный работник просвещения Узбекской ССР, заведующий кафедрой общего языкознания Самаркандского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. А. Навои, профессор Хамдам Бердиярович Бердияров.

Х. Бердияров родился 12 мая 1918 года в селе Курбанкул Пахтакорского района Самаркандской области в семье крестьянина-бедняка. Рано потеряв родителей, он воспитывался в интернате.

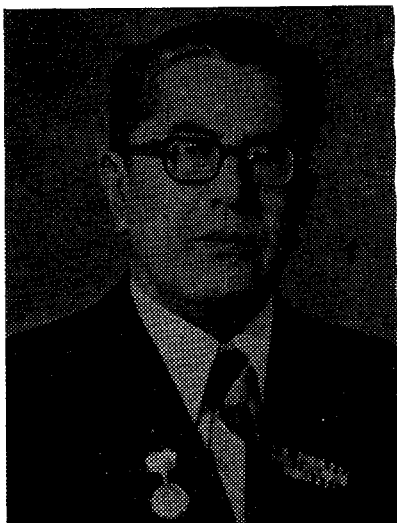
В 1935 году Х. Бердияров приехал в г. Самарканд и поступил на рабфак, а затем на филологический факультет Уз-

бекского (ныне Самаркандского) государственного университета.

В 1941 году Х. Бердияров окончил СамГУ и 26 июня 1941 года был призван в действующую армию. За воинские заслуги в Великой Отечественной войне Х. Бердияров был награжден орденом Красной Звезды и многими медалями.

После демобилизации из рядов Советской Армии Х. Бердияров поступил в аспирантуру при кафедре узбекского языкознания СамГУ и одновременно работал преподавателем этой кафедры. В 1949 году он успешно защитил кандидатскую диссертацию «Послелог в современном узбекском

языке». По совокупности научных работ в 1979 году решением ВАК СССР ему было присвоено ученое звание профессора.

Х. Бердияров вел интенсивную научно-педагогическую и общественную работу в Самаркандском университете. В 1969 году в СамГУ при активном участии Х. Бердиярова была создана кафедра общего языкознания, которую он возглавлял до конца своей жизни.

Х. Бердияров — автор многих публикаций по различным отраслям узбекского языкознания. Все они посвящены разработке актуальных проблем узбекского и общего

языкознания. Им написано в соавторстве учебное пособие «Общее языкознание» (1974). Это одна из первых работ в республике по теоретическим вопросам языкознания. В 1979 и 1982 годах вышли остальные две части этого пособия. Х. Б. Бердияров является составителем «Библиографического указателя литературы по вопросам узбекской фразеологии» (1977), автором учебного пособия «Введение в языкознание» (1980) и др.

Группа ученых под руководством и при непосредственном участии Х. Бердиярова в течение ряда лет работала над составлением полного толкового словаря фразеологизмов узбекского языка. Три части этого труда были опубликованы в 1976, 1979 и 1983 гг. Х. Бердиярову не было суждено увидеть изданный основной свой труд — «Паремнологический словарь узбекского языка», вышедший из печати уже после его смерти.

Х. Бердиярову принадлежат немалые заслуги в подготовке высококвалифицированных научных кадров языковедов. Его многочисленные ученики, среди которых имеются доктора и кандидаты наук, в настоящее время работают в научных учреждениях и учебных заведениях республики и за ее пределами.

Х. Бердияров награжден многими медалями и почетными грамотами Президиума Верховного Совета Узбекской ССР, удостоен почетного звания «Заслуженный работник просвещения Узбекской ССР».

Светлая память об обаятельном и чутком человеке, талантливом ученом и педагоге Хамдаме Бердиярове навсегда сохранится в сердцах его коллег, друзей и благодарных учеников.

Х. Д. Данияров, Б. Юлдашев

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Х. Г. Нигматов (Бухара), К. М. Абдуллаев (Баку), В. И. Банару (Кишинев), Н. М. Махмудов (Ташкент), Д. А. Мухамедова (Ташкент), А. Нурманов (Андижан). Структура предложения и актуальные вопросы синтаксиса тюркских языков 3

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- Д. С. Сетаров (Шяуляй, Литовская ССР). Тюркизмы в русских названиях рыб 10

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

- Л. Екшембеева (Алма-Ата). Некоторые особенности развития эпического образа женщины в тюркоязычном эпосе 19

ОНОМАСТИКА

- Г. Ф. Саттаров (Казань). Синонимия, антонимия и омонимия в татарской антропонимии 24

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- М. А. Ахметов (Уфа). Неаффиксальные средства выражения грамматических значений в башкирском языке 32
 А. Ш. Садыхов (Баку). Происхождение и синтаксическая сущность вводных слов и вводных предложений 40
 Ф. Р. Зейналов, М. Д. Новрузов (Баку). Об этимологии слова *altun* 45

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- Р. Г. Сибагатов (Уфа). Особенности функционирования частиц в предложении 52
 В. Г. Гузев (Ленинград). Проблемы основного и медиального залогов в функциональном аспекте 59
 И. Г. Галаяутдинов (Уфа). История башкирского литературного языка XIX — начала XX века и некоторые вопросы ее изучения 64

РЕЦЕНЗИИ

- М. З. Закиев (Казань). Ф. Г. Гарипова. Татарстан гидронимнары сүзлеге 72
 А. З. Абдуллаев (Баку). И. Х. Ахматов. Структурно-семантические модели простого предложения в современном карачаево-балкарском языке 74
 В. Игамбердыев, Э. Киличев (Бухара). А. Б. Абдуллаев. Ҳозирги ўзбек адабий тилида ўзга гапларнинг ифода формалари 77

Б. Юлдашев (Самарканд). Р. К. Кунгуров. Стилистика имени существительного в узбекском языке	78
С. К. Кенесбаев, Г. Айдаров, Е. Жубанов (Алма-Ата). Арсен Ибатов. Сөздің морфологиялық құрылымы	79
А. Ишаев, Ш. Насыров (Ташкент). Жээнкул Жумалиев. Анжиян кыргыздарынын тили	81
Ф. М. Хисамова (Казань). «Материалы по татарской диалектологии»	82
В. И. Асланов (Баку). Ш. В. Габескирия. Лексика произведений Юнуса Эмре	84

PERSONALIA

А. Н. Кононов (Ленинград). Мамедага Ширали оглы Ширалиев	87
Г. Ф. Благова, И. В. Кормушин, Е. А. Поцелуевский, Э. Р. Тенишев (Москва). Эмир Наджипович Наджип	89
М. Соегов (Ашхабад). Кумман Сарыев	91
Х. Г. Гулямов, А. Р. Рустамов (Ташкент). Абдугани Юсупович Алиев	92

ХРОНИКА

Ш. Жапаров (Фрунзе). Проблемы тюркской ономастики на XV Международном конгрессе по ономастике	94
А. А. Ахундов (Баку). На V Международном конгрессе балканистов	95
«Структурно-семантические типы сложных словосочетаний в современном казахском языке»	96
«Поэтика и пути развития лирических жанров узбекской классической поэзии»	97
«Историческое развитие фонетической системы уйгурского языка»	98
«Историческое развитие и современная структура сельскохозяйственной (земледельческой) терминологии в туркменском языке»	99
«Казахский литературный язык второй половины XIX века (на материале казахской печати)»	99
«Семантика казахского глагола (Опыт семантической классификации)»	100
«Сатирический журнал „Молла Насреддин“ и проблемы идейно-художественного развития азербайджанской литературы начала XX века»	101
«Система функциональных форм глагола в современном турецком языке»	102
«Проблема психологизма и узбекский роман»	102
«Опыт сравнительно-исторического и типологического исследования тюркской топонимии Горно-Алтайской автономной области»	103

НЕКРОЛОГИ

Фархад Рамазан оглы Зейналов	104
Наум Андреевич Андреев	105
Хамдам Бердияров	106

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

Kh. G. Nigmatov (Bukhara), K. M. Abdullayev (Baku), V. I. Banary (Kishinev), N. M. Makhmudov (Tashkent), D. A. Mukhamedova (Tashkent), A. Nurmanov (Andijan). Sentence structure and actual problems of the syntax of the turkic languages	3
--	---

LANGUAGES IN CONTACT

- D. S. Setarov* (Shiyauliyay, Lithuanian SSR). Turkisms in the Russian names of the fish 10

PROBLEMS OF LITERARY CRITICS

- L. Ekshembeyeva* (Alma-Ata). Some features of development of woman's epic image in Turkic epos 19

ONOMASTICS

- G. F. Sattarov* (Kazan). Synonymy, antonymy and omonymy in Tatar anthroponymy 24

DISCUSSIONS

- M. A. Akhmetov* (Ufa). Non affictional means of expression of grammatical meanings in Bashkir 32
- A. Sh. Sadykhov* (Baku). Origin and syntactic nature of parenthetical words and parenthetical clauses 40
- F. R. Zeynalov***, *M. D. Novruzov* (Baku). On etymology of the word «altun» 45

REPORTS, SURVEYS

- R. G. Sibagatov* (Ufa). Features of particles in sentence 52
- V. G. Guzev* (Leningrad). Problems of principal and medial voices in functional aspect 59
- G. Galyautdinov* (Ufa). The history of the Bashkir language of the XIX—early XX centuries and some problems of its study 64

REVIEWS

- M. Z. Zakiyev* (Kazan). Ф. Г. Гарипова. Татарстан гидронимнары сүзлегө 72
- A. Z. Abdullayev* (Baku). И. Х. Ахматов. Структурно-семантические модели простого предложения в современном карачаево-балкарском языке 74
- V. Igamberdiyev, E. Kilitchyev* (Bukhara). А. Б. Абдуллаев. Ҳозирги ўзбек адабий тилида ўзга гапларнинг ифода формалари 77
- B. Yuldashev* (Samarkand). Р. К. Кунгуров. Стилистика имени существительного в узбекском языке 78
- S. K. Kenesbayev, G. Ajdarov, E. Jubanov* (Alma-Ata). Арсен Ибатов. Сөздің морфологиялық құрылымы 79
- A. Ishayev, T. Nasyrov* (Tashkent). Жээнкул Жумалиев. Анжиян кыргыздарынын тили 81
- F. M. Khisamova* (Kazan). «Materials of Tatar dialectology». 82
- V. I. Aslanov* (Baku). III. В. Габескирия. Лексика произведений Юнуса Эмре 84

PERSONALIA

- A. N. Kononov* (Leningrad). Mamedaga Shirali ogly Shiraliyev 87
- G. F. Blagova, I. V. Kormushin, E. A. Potseluevsky, E. R. Tenishev* (Moscow). Emir Nadjipovich Nadjip 89
- M. Soegov* (Ashkhabad). Kumman Sariyev 91
- Kh. G. Gulyamov, A. R. Rustamov* (Tashkent). Abdugani Yusupovich Aliyev 92

CHRONICLE

- Sh. Japarov* (Frunze). Problems of Turkic onomastics on the XV International Congress on onomastics 94
- A. A. Akhundov* (Baku). In the V International Congress of Balkanists 95

«Structural-semantic types of compound word-combination in modern Kazakh language»	96
«Poetics and the ways of development of lyric genre of Uzbek classic poetry»	97
«Historical development of phonetic systems of Ujgur language»	98
«Historical development and modern structure of agricultural (farming) terminology in Turkmen language»	99
«Kazakh literary of second half of XIX century (on the materials of Kazakh press)»	99
«Semantic of Kazakh verb (Experience of semantical classifications)»	100
«Satirical magazine „Molla Nasreddin“ and problems of ideological-artistic development of Azerbaijan literature of early XX century»	101
«System of functional forms of verb in modern Turkish»	102
«The problem of psychologism and Uzbek novel»	102
«The experience of comparative-historical and typological research of toponymy of the Gorno-Altai Autonomous Region»	103

OBITUARIES

<u>Farchad Ramazan ogly Zeynalov</u>	104
<u>Naum Andreyevich Andreyev</u>	105
<u>Khamdam Berdiyarov</u>	106

© «Советская тюркология», 1984 г.

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*.
Корректоры *Ф. М. Ханбабаева, Л. Г. Гасанзаде*.

Сдано в набор 30.11.84 г. Подписано к печати 15.04.85 г. ФГ 10850. Формат бумаги
70×108¹/₁₆. Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.
Заказ 12448. Тираж 2580. Цена 1 руб. 10 к.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.